

Джей Уильямс

Пламя грядущего

Уильямс Д.

Пламя грядущего / Д. Уильямс —

Роман английского писателя Джея Уильямса, известного знатока Средневековья, переносит читателя в бурные годы Третьего крестового похода. Легендарный король Ричард Львиное Сердце, великий и беспощадный воин, ведет крестоносцев в Палестину, чтобы освободить Святой Город Иерусалим от власти неверных. Рыцари, давшие клятву верности своему королю, становятся участниками кровопролитных сражений, изнурительных осад и коварных интриг, разыгравшихся вокруг дележа богатств Востока. Что важнее: честь или справедливость – этот мучительный вопрос не дает покоя героям романа, попавшим в водоворот грандиозных событий конца XII века. Джей Уильямс (1914 – 1978) – британский писатель, снискавший большую популярность детскими книгами. Однако его «взрослые» произведения также по достоинству оценены критиками и читателями. «Пламя грядущего» признан его лучшим романом.

Содержание

Эпоха третьего крестового похода, или	5
Главные действующие лица похода	12
От автора	16
ПЛАМЯ ГРЯДУЩЕГО ДНЯ	17
Глава I	18
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Джей Уильямс

Пламя грядущего

Эпоха третьего крестового похода, или Как англичанин, немец и француз решили вновь завоевать Святую землю

Европа. Краткая хроника конца XII века

Главной европейской «осью напряжения» во второй половине двенадцатого века были отношения между королевствами Англии и Франции. В 1154 году граф Анжуйский, вассал французского короля и сеньор обширной области, граничившей с королевскими землями, вступил на английский престол под именем Генрих II (1133 – 1189), положив начало династии Плантагенетов.

В руках энергичного Генриха, формально оставшегося вассалом французского монарха, оказались огромные владения – Англия и большая часть Франции, а именно: герцогство Нормандия, графство Анжу с подчиненными ей графствами Мэн и Турень и герцогство Аквитанское, отошедшее к Генриху в результате его брака с Алиенор (Элеонорой) Аквитанской, бывшей супругой французского короля Людовика VII (1137 – 1180). Владения английского короля на континенте в шесть раз превосходили владения короля Франции и закрывали французам выход к морю. Таким образом, развитие Франции, преодоление раздробленности были связаны с борьбой против английской короны. Решающий период этой борьбы настал в период правления Филиппа II Августа (1165 – 1223, на престоле с 1180 г.). Открытый конфликт начался вскоре после окончания Третьего крестового похода и в конечном итоге завершился захватом Нормандии, Мэна, Анжу и части Пуату. В руках английских королей остался лишь юг Пуату и Аквитания.

Правление Генриха II Плантагенета (1154 – 1189) было важным этапом английской истории. Генрих провел реформы, укрепившие королевскую власть, – в частности, военную (введены фиксированный срок службы феодалов в пользу короля, а также *щитовой сбор* – выплата феодалами денег взамен иной службы; этих средств было достаточно для найма рыцарей – таким образом снижалась зависимость короля от феодального ополчения баронов).

Дом Генриха «отличился» в истории жаркими семейными распрями, о которых достаточно подробно сказано в романе. Его сыновья, включая будущего короля Ричарда I, вели постоянную борьбу с отцом и между собой за наследственные права, борьбу, часто вспыхивавшую открытым мятежом против короля. За причастность к заговорам Генрих подверг заключению свою супругу Алиенор. По легенде, короля хватил удар, когда он узнал, что очередной мятеж возглавлен его любимым сыном Джоном, будущим королем Иоанном Безземельным.

Правление другого сына Генриха, Ричарда I Львиное Сердце (1157 – 1199, король с 1189 г.), который провел большую часть своего царствования за пределами страны (в войнах на континенте и в Третьем крестовом походе), оказалось весьма разорительным для Англии: огромные средства ушли на организацию похода, а также на выкуп короля, попавшего в плен к герцогу Леопольду. Недовольство чрезмерными поборами и налогами резко возросло при Иоанне (Джоне) Безземельном (1167 – 1216, король с 1199 г.), младшем брате Ричарда, потерявшем большую часть земель на континенте и под давлением баронов подписавшем Великую хартию вольностей, которая усилила права отдельных феодалов и Церкви.

Германия, в ту пору гордо именовавшаяся Священной Римской империей, была самым крупным государством в Европе и притом – наиболее раздробленным, в отличие от Англии и Франции. За пределами собственно немецких земель лежали страны, находившиеся в вассальной зависимости от империи: Чешское королевство, Северная и Средняя Италия и др. В конце XII и первой половине XIII веков империи принадлежало и Сицилийское королевство на юге Италии. В эту эпоху Германией правила династия Штауфенов. Главными направлениями политики были полное подчинение итальянских городов, захват славянских земель на Востоке и в Прибалтике а также ослабление власти могущественных герцогов Баварии и Саксонии. Наиболее значительными и колоритными правителями были Фридрих I Барбаросса (ок. 1125 – 1190, правил с 1152 г.) и его внук Фридрих II Штауфен (1194 – 1250, с 1197 г. король Сицилии, с 1212 г. германский император) – один из самых образованных людей своего времени. Оба занимались в основном завоевательными войнами в Северной Италии и борьбой с папской властью, за что подвергались отлучению от церкви (о Фридрихе I подробнее сказано ниже). Оба принимали активное участие в крестоносном движении.

Италия также была раздроблена. Главной опорой власти оставались папский престол в Риме со своим отдельным государством и городские коммуны, мощные, как ни в одной другой стране. Города Италии – Венеция, Генуя, Пиза и др. – стали торговыми, финансовыми и культурными центрами всей Европы. Фактически не принимая военного участия в крестовых походах, Италия в лице торговцев и банкиров порой во многом гарантировала материальное обеспечение крестоносного войска.

Жизнь Испании была подчинена *Реконкисте* – борьбе королевств Кастилии и Арагона с мусульманскими эмиратами арабов, занимавшими всю южную половину Пиренейского полуострова.

Важную политическую роль в Европе стали играть также военно-рыцарские монашеские ордена, образовавшиеся в процессе крестоносного движения. Среди них наиболее крупными были три.

Орден Святого Иоанна Иерусалимского, известный как Орден иоаннитов, или госпитальеров, был создан при иерусалимском госпитале в 1112 г. и оформлен в качестве духовно-рыцарской организации в 1120 г. В задачу Ордена входил уход за больными паломниками и охрана паломнических путей. Став мощной «корпорацией», Орден активно участвовал в Политической жизни Европы и Востока. Сохранился до наших дней как Мальтийский Орден, поскольку в 1530 – 1798 гг. резиденция ордена находилась на Мальте.

Орден Бедных Рыцарей Соломонова Храма, известный как Орден тамплиеров, был учрежден Гуго Пайенским и другими французскими рыцарями около 1120 г. с целью охраны паломников, отправившихся в Святую Землю. Со временем Орден стал крупнейшей финансовой и военной «транснациональной» организацией Европы, что привело к его уничтожению в 1312 г. дальновидным французским королем Филиппом IV Красивым.

Тевтонский Орден был преемником братства немецких купцов, созданного во время Третьего крестового похода при осаде Акры в 1191 г. для помощи бедным и больным немцам. В 1198 г. учреждение приняло статус военно-духовного Ордена. Дальнейшая история Ордена связана с его захватническими войнами в Прибалтике и созданием своего государства на славянских землях. Орден был разгромлен польско-русско-литовскими войсками в знаменитой Грюнвальдской битве (1410 г.).

На судьбу православной Византии крестовые походы оказали немалое влияние. Как известно, призыв императора Алексея Комнина к Западу оказать помощь в войне с пече-

негами, прозвучавший в 1091 г., отчасти обусловил начало всего крестоносного движения. Однако военная сила крестоносцев вызывала большое опасение в Константинополе, и власти всегда спешили как можно быстрее переправить чужое войско в Малую Азию; так было в первых трех походах. Отношение Византии с крестоносцами резко ухудшилось уже в конце правления Алексея Комнина. Затем между империей и государствами крестоносцев на Востоке неоднократно происходили военные столкновения. Главной целью Фридриха I Барбароссы, фактически начавшего Третий крестовый поход, поначалу был захват Константинополя, но этот план вызвал резкое противодействие со стороны Папы, который боялся немецкого могущества.

Эпоха Третьего похода ознаменовалась в Византии как нелегким противостоянием с мусульманским миром, так и внутренними конфликтами. В 1182 г. в Константинополе произошел мятеж, направленный прежде всего против засилья итальянских купцов, подрывавших местное ремесло и торговлю. Опираясь на восстание, к власти пришел представитель боковой линии Комнинов, Андроник I Комнин (1182 – 1185). Захватив трон вопреки желанию крупных землевладельцев, Андроник вынужден был пойти на реформы, смягчающие положение народа. В борьбе с феодалами император также поддерживал византийское купечество. Его политика привела к тому, что крупные феодалы призвали на помощь сицилийского короля Вильгельма II, который вступил в пределы империи и нанес войскам Андроника ряд поражений. Военные неудачи привели к свержению императора с престола: он пал жертвой заговора и был предан мучительной казни. На престол вззошел ставленник феодальной знати, трусливый и ничтожный Исаак II Ангел (1185 – 1204). Правление Исаака, закончившееся взятием столицы крестоносцами в 1204 г., а также его преемников было временем крайнего упадка империи.

В Древней Руси, раздробленной на княжества, в этот исторический период наибольшее значение получило Ростово-Суздальское (позднее Владимиро-Суздальское) княжество. Значимыми событиями того времени был захват Киева войсками князя Андрея Боголюбского (1169 г.), довершивший упадок древней столицы, затем – убийство князя заговорщиками (1174 г.) и, наконец, правление его преемника, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154 – 1212), сына Юрия Долгорукого (умер в 1157 г.). Став великим князем владимирским в 1176 г., Всеволод успешно боролся с феодальной знатью, подчинил Киев, Чернигов, Рязань, Новгород. При нем Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета.

Мусульманский восток

В эпоху крестовых походов христианский мир Европы противостоял в основном исламским государствам Малой и Передней Азии, Ближнего Востока и Северной Африки.

В Малой Азии турки-огузы создали султанат, управлявшийся младшей ветвью династии Сельджукидов (1077 – 1307). Отсюда появилось обобщенное название – «сельджуки»¹. Считая себя, как ни странно, преемниками Римской Империи, сельджуки называли султанат «Румским» и даже вводили у себя по западному образцу баронские титулы. Сельджуки оказывали постоянное военное давление как на Византию, так и на фатимидский халифат, господствовавший в исламском Средиземноморье, и постепенно захватывали земли обоих государств.

¹ Сельджуки – ветвь племен тюрков-огузов, названа по имени их предводителя Сельджука (X – нач. XI вв.). В 40-е – начале 80-х гг. XI в. завоевали часть Средней Азии, большую часть Ирана, Азербайджана, Курдистана, Ирак, Армению, Малую Азию, Грузию. Мамлюки (невольники, араб.) – воины-рабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов, основанную Салах ад Динном. В 1250 г. командная верхушка мамлюков захватила власть в Египте и основала династию мамлюкских султанов, правившую до 1517 г.

В это время халифат династии Фатимидов, что вела свое происхождение от Фатимы, дочери пророка Мухаммеда², переживал упадок. Владевший в X – XI вв. всей Северной Африкой, Сирией и Палестиной, халифат постепенно уступил свои земли на Ближнем Востоке сельджукам. В 1171 г. Фатимиды взяли на военную службу сирийского курда Саладина (о нем см. ниже). Он низложил халифа Адида и провозгласил себя султаном, а духовным главой признал правоверного багдадского халифа. Тем самым он объединил исламский мир, поскольку Фатимиды в исламском понимании фактически были еретиками, исповедовавшими исмаилизм³. С воцарением Саладина в Египте утвердилась династия Айюбидов, просуществовавшая до 1250 г. Саладин успешно сражался с крестоносцами и отвоевал у них почти всю Палестину, кроме части побережья, а также Иерусалим (1187 г.). Его власть простерлась также на большую часть Сирии, с городами Дамаском и Алеппо, и Верхнюю Месопотамию. С Румским султаном у Саладина сложились конфликтные отношения; достаточно упомянуть тот факт, что он даже заключил договор с византийским императором Исааком II Ангелом о совместных действиях против сельджуков и косвенно – против войска крестоносцев. Таким образом, Третий крестовый поход был направлен непосредственно против владычества Саладина.

Особенности европейского общества в эпоху крестовых походов

Напомним читателю еще раз: в государствах Европы сложилась развитая феодальная система. Ее особенности определяют поступки и образ мысли главных героев романа.

Важно отметить, что сложности в наследовании и, соответственно, в несении вассальных обязанностей перед сеньором возрастали пропорционально числу сыновей держателя феода. Поэтому во многих областях Европы стала складываться жестокая система *майората*, когда феодал передавался целиком старшему сыну. Младшие были вынуждены либо идти в вассалы к старшему, либо искать счастья на стороне. Они и составили наиболее активную часть рыцарей-крестоносцев, стремившихся к завоеванию земель на Востоке.

Вассальные отношения бывали весьма запутанными. Один дворянин мог стать вассалом двух и более господ и приносил вассальные клятвы, запрещавшие ему участвовать в войне против одного из сеньоров. Порой вассалы, чьи силы становились сравнимы с силами сеньоров, начинали войну против господ, предъявив им обвинение в несоблюдении обязательств по отношению к ним.

Так, граф Анжуйский, положивший начало династии Плантагенетов, был наследственным пользователем земель французского короля. Он сам и его дети-наследники, будущие короли Англии, оставались вассалами французской короны. Это во многом и послужило причиной конфликтов между странами, когда политическое могущество вассалов сравнилось с могуществом господ и даже его превзошло.

Сеньорами, имевшими вассалов, становились также иерархи католической церкви, обладавшие большими земельными угодьями. Один из главных героев романа, английский дворянин Артур Хастиндж, является вассалом епископа.

Вассал, в свою очередь, мог передать часть своего феода в пользование другому дворянину, в своего рода «субаренду» – главным образом на условии военной службы. Так сложи-

² Мухаммед (ок. 570 – 632) – основатель ислама, в 630—631 гг. глава первого мусульманского теократического государства (в Аравии); почитается как пророк Бога.

³ Исмаилизм – доктрина одной из крупнейших сект мусульманского мира, обладавшей всеми основными признаками тоталитарной секты; очень жесткая иерархическая структура, система посвящений на разных уровнях, физическая расправа над отступниками. Возникла в VIII в.; в X в. через династию Фатимидов доктрина стала господствующей в Северной Африке, Палестине и Сирии. Идеология включает элементы оккультизма и основана на тайном «знании» о безличном Боге-абсолюте, выделяющем из себя творческую субстанцию в виде Мирового Разума, а также – на аллегорическом понимании текстов Корана, что позволяет говорить о секте как об одной из форм рационалистического язычества, замаскированной под разновидность ислама.

лась иерархическая система общества. На ее высшей ступени стояли монархи. Ниже стояли герцоги, графы, маркизы – суверены целых провинций, сотен деревень. Подчиняясь вассальным обязательствам (хотя и далеко не всегда), они могли вести на войну несколько тысяч рыцарей. Еще ниже находились знатные дворяне, держатели более мелких феодалов, способные вывести на поле брани группу рыцарей. Официального титула эти сеньоры не имели. В ряде областей Европы они именовались баронами; в Германии их называли «герр», в Англии – лордами (бароны в Англии входили в разряд крупных феодалов, поэтому стояли на более высоком иерархическом уровне, чем в Европе). Еще ниже по иерархии находились дворяне, обладавшие одним поместьем. Это и были собственно *рыцари* (во Франции – шевалье, в Германии – риттеры, в Испании – кабальеро). На нижней ступени стояли *оруженосцы*. Будучи изначально лишь прислугой при рыцаре, они постепенно стали держателями земли. В Англии звание оруженосца, сквайра, стало достаточно почетным.

Поскольку главной силой крестоносного движения было рыцарское сословие, об основных рыцарских обычаях следует сказать подробнее. Рыцарь – это прежде всего воин. Никто не рождался рыцарем: дворянин становился им посредством особого обряда. Сам король должен был пройти посвящение в рыцари.

Как правило, обучение юного дворянина начиналось с того, что отец посылал его в дом более богатого и влиятельного землевладельца, который принимал к себе подростка в качестве комнатного слуги. Этот период длился обычно от пяти до семи лет. Еще не имея права носить оружие, он начинал обучаться владеть им, ездить верхом, а также постигал начала придворного этикета. В 18 – 20 лет юноша, если был достаточно богат, чтобы нести расходы, связанные с рыцарской службой, вступал в сословие посредством посвящения. Молодой человек, выкупавшись в чистой воде, надевал кольчугу и шлем. Затем его отец или чаще господин (в любом случае это должен был быть человек рыцарского достоинства), у которого юноша был в ученье, вешал ему на пояс меч, после чего сильно ударял юношу кулаком по затылку – это называлось «посвятительным ударом». Посвященный садился на лошадь, брал копье и на скаку поражал заранее приготовленное чучело. Таков был основной обряд, хотя в крайних случаях, особенно в военное время, вся процедура посвящения могла быть сведена к одному удару или же касанию мечом.

Духовенство позднее наполнило обряд (прежде всего – в духовно-рыцарских орденах) «религиозным содержанием», отчасти, несомненно, смягчавшим нравы сословия. Будущий рыцарь после нескольких дней поста проводил в молитве ночь – это называлось «бодрствование под оружием». Утром он присутствовал на церковной службе; при этом его меч, будучи посвященным на служение воле Божьей, лежал на алтаре. Священник благословлял меч со словами: «Услышь, Господи, мои молитвы и благослови Твоею всемогущею десницей этот меч, который слуга Твой N желает носить». После этого новый рыцарь выслушивал речь о своих обязанностях по отношению к церкви, бедным и вдовам.

Третий крестовый поход.

Хроника событий

Октябрь 1187г. Султан Саладин захватывает Иерусалим.

Конец 1187г. Римский Папа Григорий VIII, а после его кончины Папа Климент III призывают к крестовому походу в Палестину. В Англию, Францию и Германию направлены кардиналы с проповедями о «принятии креста».

21 января 1188г. Враждовавшие между собой короли Англии и Франции – Генрих II Плантагенет и Филипп II Август встречаются на границе Нормандии и Франции под древним вязом и, примирившись, принимают обет начать крестовый поход.

Апрель 1189г. Германский император Фридрих I Барбаросса первым выступает в поход, собрав под своими знаменами мощное войско численностью около 100 000 воинов. Путь проходит вниз по Дунаю, через пределы Венгрии к границам Византии. Король Венгрии Бела радушно принимает императора и способствует продвижению его войска.

Июль 1189г. Смерть короля Англии Генриха II в разгар нового конфликта с французским королем. Сын Генриха Ричард, ставший союзником Филиппа II Августа, восходит на английский престол и «принимает крест» (так именовался обет участия в походе).

Император Фридрих движется к Софии. Сербы и болгары предлагают ему союз против Византии.

Осень 1189г. После занятия немецкими войсками Филиппополя, а затем Адрианополя Фридрих ведет длительные переговоры с императором Византии Исааком II Ангелом. План захвата Константинополя не поддержан Римским Папой, угрожающим Фридриху отлучением от церкви.

Февраль 1190г. Заключение между Фридрихом I и Исааком II мирного соглашения, по которому Византия обязалась переправить немецкое войско в Малую Азию.

25 марта 1190г. Переправа немцев через Босфор.

Апрель – май 1190г. Движение немецкого войска на столицу Румского султаната Иконию, сопровождавшееся тяжелыми лишениями – эпидемиями, нехваткой продовольствия.

18 мая 1190г. Победа Фридриха над сельджукским войском под Иконией. По договору, султан снабжает крестоносцев заложниками и провиантом.

9 июня 1190г. Трагическая гибель Фридриха I Барбароссы на реке Салеф, в Киликии.

Июнь – июль 1190г. Начало совместного похода королей Франции и Англии. Английский флот с пилигримами движется вдоль атлантического, а затем – средиземноморского побережья. Сухопутное войско во главе с Ричардом I движется через Францию к Бургундии, где временно соединяется с отрядами Филиппа-Августа.

23 сентября 1190г. Вторая встреча союзных крестоносных войск: в Мессине, на Сицилии. Кровавые стычки местного населения с англичанами, а также между самими крестоносцами усугубляют раздор между королями, во многом вызванный политической нестабильностью на острове (в 1189 г. умер король Сицилии Вильгельм II, связанный родственными узами с Плантагенетами).

30 марта 1191г. — Филипп-Август в раздражении на союзника, Ричарда I, покидает Мессину и направляется прямым морским путем к крепости Акра.

Апрель 1191г. – Флот Ричарда, отплывший из Сицилии, попадает в бурю. Корабль, на котором плыла невеста английского короля Беренгария Наваррская, выброшен на побережье Кипра. Властитель острова Исаак Комнин (тезка византийского правителя Исаака II), отделившийся от Византии, объявляет ее своей пленницей. Непродолжительная война Ричарда против Исаака завершается захватом острова, что стало главным успехом короля во всем крестовом походе.

5 июня 1191г. – Отплытие Ричарда к берегам Сирии.

8 июня – 12 июля 1191г. Совместная осада Акры войсками Ричарда, Филиппа-Августа, а также немецкими отрядами, продолжившими свой путь после гибели императора. После взятия крепости между Ричардом и Филиппом-Августом возникает новый конфликт, который приводит к уходу французского короля и возвращению его в Европу. В Акре Ричард оскверняет знамя австрийского герцога Леопольда, что явилось поводом для пленения короля по окончании похода.

Июль – август 1191г. Поход Ричарда на Аскалон.

7 сентября 1191г. Победа Ричарда над войсками Саладина при Арсуфе.

Май 1192г. Взятие английским королем крепости Дарум, южнее Аскалона.

1августа 1192г. Успешная оборона Яффы от сарацин.

1сентября 1192г. Заключение мирного договора между Ричардом и Саладином, по которому за крестоносцами осталась лишь часть побережья, а также на трехлетний срок был открыт свободный проход христианских паломников в Иерусалим.

Сентябрь 1192г. Ричард оставляет Сирию и долго выбирает безопасный путь в Англию. Позднее его корабль попадает на мель между Аквилеей и Венецией.

21 декабря 1192г. Ричард Львиное Сердце пленен герцогом Леопольдом неподалеку от Вены и освобожден спустя год с небольшим за огромный выкуп в 150 000 марок серебром.

Главные действующие лица похода

Ричард I Плантагенет, по прозвищу Львиное Сердце – английский король, царствовавший с 1189 по 1199 г. Сын Генриха II, он родился в Оксфорде в 1157 г., воспитывался в Аквитании, провел детство и молодость на юге Франции и был чужд английскому образу жизни. Он получил хорошее образование, любил поэзию, музыку, но при этом был мстителен, коварен и жесток. Худшим его качествам, безусловно, способствовали постоянные семейные распри, интриги и предательства. Он то воевал на стороне отца против мятежных баронов, то сам участвовал в мятежах против Генриха. Ричард, несомненно, был образцом рыцаря – он беззаветно любил охоту, турниры, сражения и опасные приключения. Его царствование примечательно тем, что он практически все время отсутствовал в стране, занятый то крестовым походом (1190 – 1192), то войнами с французскими феодалами на континенте (1194 – 1199), в том числе и с мелкими, совершенно «недостойными» поединками с самим королем. Методы сбора денег на крестовый поход вызвали крайнее недовольство у английских феодалов, которые поставили себе задачу лишить Ричарда трона и возвести на трон его брата, Джона. Именно узурпация власти в его отсутствие стала главной причиной прекращения похода, заключения мира с Саладином и спешного возвращения в Европу, закончившегося пленением. Причиной же пленения Ричарда герцогом австрийским Леопольдом явилось оскорбление, нанесенное герцогу в Акре: Леопольд первым вошел в крепость и установил свой штандарт, а разгневанный Ричард приказал сорвать его и втоптать в грязь. Вернувшись в Англию после выплаты выкупа германскому императору Генриху VI (ему герцог передал короля), Ричард решительными мерами восстановил свою власть и почти незамедлительно отправился на материк, в Нормандию, воевать с баронами. После серии блестящих побед он был смертельно ранен стрелой во время похода против графа Лиможского. Ричард был дважды женат, но не оставил наследника и на смертном одре назначил им своего брата Иоанна.

Фридрих I Штауфен, по прозвищу Барбаросса (Рыжебородый) был одним из самых выдающихся представителей династии Гогенштауфенов. Родился около 1123 г. Он был увенчан в Риме короной Священной Римской империи в 1155 г. и главной своей задачей ставил восстановление древней Римской империи во всем ее блеске. С этой целью он почти три десятилетия с переменным успехом вел тяжелые войны с итальянскими городами Ломбардии, причем его дипломатический талант порой превышал талант полководца. В 1183 г. он заключил с ломбардскими городами мир, признав за ними самоуправление. Фридриху также удалось подавить внутреннее сопротивление могущественных немецких князей. Отношения с папским престолом у него всегда были сложными; он подвергался отлучению от церкви за поддержку антипапы в церковных спорах. Связав узамы брака своего сына и наследницу сицилийского престола, Фридрих смог предъявить свои права и на южные области Италии. Организацию крестового похода он провел более тщательно, чем короли Англии и Франции, что позволило ему уверенно противостоять византийскому императору Исааку II Ангелу на его территории, а также провести успешный поход по труднопроходимым землям Румского султаната сельджуков и нанести им ряд поражений. Саладин с тревогой ожидал приближения его войска, куда менее страшась остальных предводителей похода, пребывавших в постоянных распрях. Однако в июне 1190 г. случилась трагедия. Престарелый император решил самостоятельно перейти горную речку Салеф в Киликии, сорвался с камней и захлебнулся.

Незаурядная личность Фридриха вошла во многие легенды и произведения немецкого фольклора и литературы.

Филипп II Август – французский король династии Капетингов, родился в 1165 г. и получил рыцарское воспитание у графа Фландрского. Взойдя на престол в пятнадцать лет, он поставил себе целью укрепление страны и отвоевание у английских королей, своих васса-

лов, принадлежавших им по вассальному праву французских территорий. Всю свою жизнь он проводил политику собирания земель. В романе Д. Уильямса Филипп выведен явно отрицательным героем – заносчивым, злопамятным, непомерно самолюбивым человеком, к тому же достаточно трусливым. Этот образ не соответствует действительности. Филипп-Август был в высшей степени энергичен, даровит и храбр. Первым делом он занялся подчинением крупных феодалов и, заручившись поддержкой Папы, а также сыновей Генриха II, подавил мятеж своей знати, во главе которого стоял граф Фландрский, пытавшийся сохранить свое ведущее значение в королевстве. Затем, искусно внося раздоры в семейство Плантагенетов, он подготовил решительный удар по их владениям во Франции. Во время Третьего крестового похода он постоянно интриговал против Ричарда, в пользу его брата Джона, который правил Англией в отсутствие короля. После окончания похода и смерти Ричарда он потребовал к суду нового короля Иоанна по подозрению в убийстве племянника (Артура, сына Джеффри; Джеффри, как и Иоанн, приходился братом Ричарду I), а когда тот не явился, обвинил его в нарушении вассальной присяги и в результате победоносной войны отнял у него Нормандию, Анжу, Турен, Мэн и Пуату. Иоанн составил против Филиппа коалицию с германским императором, однако король Франции разбил их в знаменитой битве при Бувине (1214 г.), в которой проявил личную доблесть. Он также провел важные административные и хозяйственные реформы, впервые взяв себе в союзники городские коммуны, враждебные крупным феодалам; создал центральный орган управления смешанного состава – королевскую курию – и объединил финансовую деятельность местных властей в Париже. Несомненно, Филипп-Август был главной политической фигурой своей эпохи. Умер он в 1223 г.

Саладин (Салах ад-Дин Юсуф ибн-Айюб) родился в 1137 г. в Такрите (Месопотамия), происходил из курдской семьи. Его имя означает в переводе «Благо Веры». Целью всей жизни Саладина было объединение исламских земель и «священная война» против крестоносцев, в которой участвовал его отец. Военную карьеру начал у султана Нуреддина, который отправил Саладина вместе с его дядей, Ширкухом, на захват Египта у ослабевших фатимидских халифов, считавшихся еретиками-исмаилитами. После смерти Ширкуха Саладин принял власть над Египтом и, искусно устраняя своих возможных соперников, захватил Сирию и Дамаск, объявив себя султаном (1174 – 1175). После подчинения мосульского атабека Иззедина (1185 г.) Саладин стал правителем огромных территорий Египта, Сирии и части Месопотамии и направил свой удар на государства крестоносцев. 4 – 5 июля 1187 при Хаттине (Хиттине) он разбил войска коалиции Иерусалима и Триполи, затем взял Акру, Аскалон, а в октябре 1187 г. – Иерусалим. В отличие от крестоносцев, творивших зверства и некогда вырезавших иерусалимское население, он отнесся к пленникам очень гуманно, предложив свободу за выкуп. Дальнейшего успеха в войне с крестоносцами он не смог развить, а во время Третьего крестового похода потерпел ряд серьезных поражений. Вместе с тем он всегда проявлял политическую дальновзоркость и такое благородное мужество, перед которым преклонялись даже его враги-крестоносцы. В Европе появились сервенты, воспевающие его душевные качества, вполне соответствующие характеру истинного рыцаря, что стало само по себе удивительным явлением европейской культуры. После мирного договора с Ричардом султан вскоре скончался от лихорадки (март 1193 г.). Его ближайшие сподвижники обнаружили, что у могущественного повелителя мусульманского Востока не было средств даже на оплату постройки собственной гробницы!

Ги де Лузиньян (ок. 1129 – 1194), король Иерусалима, потерявший свои владения в войне с Саладином. В 1180 г. женился на Сибилле, сестре прокаженного короля Бодуэна (Балдуина) IV. После смерти Бодуэна Сибилла взойшла на трон. В битве при Хаттине король Ги, ставший королем иерусалимским, попал в плен и был освобожден за клятву более не поднимать оружие против султана и за сдачу Аскалона. Во время Третьего крестового похода он нарушил клятву и осадил Акру, дожидаясь подкреплений со стороны королей Франции и Англии.

После смерти Сибиллы Ги оспаривал право на корону с Конрадом Монферратским, мужем Изабеллы, сводной сестры Сибиллы. После убийства Конрада ассасинами⁴ он сделал дальновидный и весьма практичный политический шаг, отдав свой формальный королевский титул Ричарду Львиное Сердце в обмен на власть над островом Кипр. Вся карьера Ги Лузиньянского свидетельствует о его незаурядном дипломатическом и политическом таланте.

Куртуазная поэзия

Главный герой романа Д. Уильямса – молодой дворянин-поэт, *трувер*. Именно поэзия была главным источником вдохновения рыцарского сословия.

Романтика, показная театральность рыцарской жизни требовали выражения в песне и музыке. Однако кастовая психология рыцарей не подпускала к ним талантов из иных сословий. Первые поэты-рыцари появились на юге Франции во второй половине XI в. Их стали называть *трубадурами*. Певцы французского севера получили название *труверов*. В Германии они звались *миннезингерами*. Преобладающей темой их поэзии было изображение идеальной любви – рыцарского служения даме сердца, ради которой рыцари были готовы подвергаться всевозможным опасностям. Трубадуры и труверы из низших слоев рыцарства больше воспевали радости земной любви, спорили с церковным ханжеством. Поэты-рыцари, как правило, окружали своих меценатов, крупных сеньоров, которые содержали их в своих замках и поместьях, тогда как *жонглеры* — профессиональные исполнители – разносили песни по всей стране и придавали им широкую известность.

Главными песенными жанрами были *кансона*, любовная песнь; *сирвента*, в которой обсуждались вопросы морали, религии, политики, достоинства и недостатки покровителей и друг друга; *альба*, рассветная песнь; *пастурель*, песнь, обращенная к пастушке; *девиналь*, загадка, а также танцевальные песни – *эстампиды*, *дансы* и др. Все жанры имели весьма строгую поэтическую метрику и формы музыкального выражения.

Вооружение

Полное рыцарское вооружение стоило очень дорого. Иметь его могли позволить себе лишь достаточно богатые дворяне. Большинство остальных оставались в разряде оруженосцев.

Оборонительное вооружение – это прежде всего доспех. До конца XI в. основным доспехом служила броня – кожаная или матерчатая одежда, покрытая металлическими бляхами или крупными кольцами. Позднее броню почти полностью сменила кольчуга, одежда из мелких металлических колец, с рукавицами и капюшоном. Кольчуга надевалась через голову. Поначалу доходившая до середины голени и ниже, кольчуга постепенно укоротилась, и ноги стали защищать кольчатые поножиями-чулками. Капюшон закрывал всю шею и почти всю голову, оставляя открытым только лицо. Перед сражением рыцарь надевал на голову также шишак, стальной колпак конической формы, снабженный пластиной, защищавшей нос (с конца XII в. эти пластины исчезают). В XIV в., когда полная неуязвимость для ударов превратилась в главную стратегическую задачу рыцарей, вновь появляются тяжелые пластинчатые доспехи, а также – горшкovidные шлемы с забралами, ставшие своего рода символом рыцарства. Надо, впрочем, заметить, что шлемы из кованых пластин уже были в обиходе во время Третьего крестового похода. Это вооружение продержалось вплоть до начала XVII в.

Для отражения ударов служил деревянный щит, покрытый кожей и обитый сверху полосами металла. В центре щит был обычно украшен кольцом из позолоченного железа. Округлая

⁴ Ассасины – последователи экстремистской формы исмаилизма, использовавшие для претворения своих политических целей террористическую практику.

форма щита постепенно стала продолговатой; щит удлинился так, чтобы защищать рыцаря от плеч до колен. Его вешали на шею на широком ремне. В момент сражения щит держали левой рукой за внутренние ручки. С XII в. на щитах стали появляться дворянские гербы.

Наступательным оружием были разнообразные мечи и копья, сделанные из ясеня или граба и имевшие ромбовидное острие. Чуть ниже острия прибавляли прямоугольную полоску материи – хоругвь, или вымпел, развевавшийся на ветру.

Полностью вооруженный рыцарь был почти неуязвим, превращаясь в живую крепость. Известен случай, когда в одном из сражений король Франции Филипп-Август был повален с коня, но пока враги искали на нем незащищенное место, подоспели вассалы, отбившие у врага своего короля.

Для битвы рыцарю требовался и особый конь, настоящий тяжеловоз. Поэтому дворяне всегда держали в походах по меньшей мере двух коней – для обычного передвижения и для боя.

По сути дела, к вооружению рыцаря вполне можно отнести и его оруженосцев, одетых в менее тяжелые и дорогие доспехи, вооруженных легким щитом, узким мечом, пикой, топором или луком. Они вели боевого коня, несли щит своего господина, помогали ему вооружаться и садиться в седло, а также имели право защищать рыцаря от врагов более низкого, чем у него, происхождения.

Враги крестоносцев – сарацины нападали, как правило, отрядами легкой конницы. Основное вооружение мусульманского всадника составляли кинжал, сабля, круглый щит, иногда лук и стрелы.

На голове у него обычно был шишак, украшенный искусной резьбой – сурами из Корана. Лицо часто защищалось наносником в виде стрелки. Поверх кафтана, как правило, надевалась кольчуга, состоявшая из стальных и медных колец. Существовали кольчуги, у которых каждое кольцо было украшено именами Мухаммеда и его ближайших сподвижников и преемников. Узорами и надписями покрывались также все стальные части доспеха – наручи, набедренники, поножи и пр.

Круглые щиты делались из металла, кожи или дерева, обтянутого кожей. Были и цельно-металлические – ковавшиеся из цельного куска дамасской стали. Использовались и щиты из тростника, сплетенного железными нитями и покрытого отдельными бляхами.

Главным ударным оружием были кривые сабли, которые на Ближнем Востоке обычно носили по-турецки: сабля свободно, почти горизонтально земле, висела с левой стороны тела на шелковой перевязи так, что ее конец смотрел вверх; при этом четверть клинка ниже рукояти обычно оставалась обнаженной.

Лук делался из рогов буйвола. Его носили в особом колчане, пристегивавшемся к седлу.

С. В. РУСАНОВ

От автора

Посвящается Кандиде, с любовью и благодарностью

Читая дневник Дени Куртбарба⁵, необходимо помнить, что средневековые хронисты и писцы использовали главным образом римский календарь, разделяя каждый месяц на календы, ноны, иды⁶, чему сопутствовали определенные трудности и путаница при счете дней. Я попытался, сверяясь с принятым ныне времяисчислением, сохранить ясность хронологии. Большинству читателей, возможно, не следует обращать внимание на хронологию Дени.

Некоторых читателей, возможно, будут раздражать также устаревшие слова и выражения. Однако исторический роман уже по своей сути является своего рода анахронизмом, поскольку пишется о далеком прошлом. Самое большее, что можно сделать, это создать иллюзию присутствия в некоей реальности, как если бы исторический роман был в действительности современным романом, описывающим наше время. Если вследствие этого в тексте вдруг появится современное слово или фраза, читатель без особого труда переведет их про себя на французский эквивалент двенадцатого века, и тогда все покажется совершенно естественным и уместным.

⁵ Куртбарб – короткая борода (франц.).

⁶ Календы – в римском календаре первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к новолунию. Ноны – название седьмого дня в марте, мае, июле, октябре и пятого дня в остальных месяцах древнеримского календаря. Иды – название пятнадцатого дня в марте, мае, июле, октябре и тринадцатого дня в остальных месяцах древнеримского календаря.

ПЛАМЯ ГРЯДУЩЕГО ДНЯ

Постель из соломы нещадно мне колет бока,
И, Боже, ни пенни⁷ в моем кошельке не найдется;
Друзья лучших дней, вас теперь мне уже не сыскать,
Рассеялись все, словно пыль, что по ветру несется.
Не может стать тоньше бумага, тем паче – поэт,
Иначе перо острым жалом его одолеет.
Надежды грядущего дня мне заменят обед,
Пламя грядущего дня меня этой ночью согреет.
Рютбеф⁸, 1240 г.

⁷ Пенни – мелкая английская монета.

⁸ Рютбеф – парижский трувер середины XIII в. Происходил, по всей видимости, из городских дворянских низов. Приобрел известность своими сирвентами – песнями, обличавшими пороки общества и несовершенство жизни.

Глава I ФРАНЦИЯ

О Раймоне Сюрплисе по прозвищу Гневный, основателе достославного, но к нашим временам угасшего рода Куртбарб, известно мало сверх того, что он был вассалом Карла Лысого⁹ и женился на ведьме. Человек, наделенный необыкновенной храбростью и ужасным характером, он заложил фундамент богатства своего дома скорее всего тем, что заманивал в ловушку путешественников, которые уступали соблазну провести ночь под крышей. Больше тех несчастных никто никогда не видел, да и слухов о них уже никаких не было. Его сын Роже, прозванный Вспыльчивым, сделался первым сенешалем¹⁰ Куртбарба, поступив дальновидно: он изменил королю Одр, которому семья поклялась в верности, и принес вассальную клятву более могущественному Гуго Капету¹¹. За это он был вознагражден обширными лугами и лесными угодьями по берегам реки Туе. В «Краткой истории баронов Пуату» сказано, что прозвище Куртбарб Роже получил из-за привычки в приступе гнева выдирать клочья из своей бороды. Но есть еще и такое предание: украв шестерку лошадей у одного из соседей, Гильема из Лудена по прозвищу Леопард, Роже во всеуслышанье похвалялся, будто «побрil бороду леопарду за неимением льва». Гильем, проведав об этом, вспылil: «Я подвяжу ему бороду веревкой!» Как бы там ни было на самом деле, точно известно лишь то, что погиб Роже при весьма скверных обстоятельствах от рук рыцарей, состоявших на службе у кастельянов¹² в соседних замках. С теми кастельянами он тоже не поладил.

В продолжение двух последующих столетий семья процветала. Благополучие повлияло на характер мужчин, стоявших во главе дома; от своих предшественников, вздорных и вспыльчивых, жаждущих побеждать, они отличались своего рода рассудительностью, что выражалось в стремлении жить в комфорте и довольстве. Эти перемены сказались и в прозвищах, которые они получали. В конце одиннадцатого и начале двенадцатого веков один за другим следовали Аймары, Раймоны и Роже, носившие прозвища Осторожный или Толстый вместо Гневный или Вспыльчивый. Раймон IV Мудрый воздержался от участия в Первом крестовом походе. Его сын Аймар Молчаливый, сославшись на мучительную болезнь, протекавшую с осложнениями, не захотел откликнуться на призыв короля Людовика VII¹³, собиравшего вассалов под свои знамена. Осмотрительность сеньоров вела к тому, что поместье Куртбарб не расширялось, хотя его обитатели удивительно долго наслаждались миром и процветанием. В последней четверти двенадцатого века ограниченные размеры феода¹⁴ вынуждали наследников, не имевших в своем распоряжении иной собственности, терпеливо дожидаться смерти отца, прежде чем предъявлять права на землю.

У сенешала Аймара V, который владел поместьем в то время, было четверо сыновей. Трое старших в полной мере унаследовали фамильные черты своих предков и в духе традиции носили имена Роже Медлительный, Жоффрей Ленивый и Раймон Неподвижный. Старый сеньор, хотя ему уже перевалило за семьдесят, не обнаруживал никаких признаков старческой

⁹ Карл ШЛысый (823 – 877) – король Западно-Франкского королевства, с 875 г. «император франков». Безуспешно стремился предотвратить распад государства на отдельные феодальные сеньораты.

¹⁰ Сенешаль – в южной части Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа. Изначально (до конца V в.) – управляющий королевским дворцом.

¹¹ Гуго Капет (ок. 940 – 996) – французский король с 987 г., возведенный на трон влиятельными феодалами; основатель династии Капетингов. (Об одном из его соперников, Одо, формально носившем королевский титул, сведения крайне бедны.)

¹² Кастельян – смотритель, комендант замка.

¹³ ...призыв короля Людовика VII... – Имеется в виду призыв участвовать во Втором крестовом походе.

¹⁴ Феод – в средневековой Европе наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу под условие несения службы.

немощи, ибо принадлежал к тому типу худощавых людей, которые с возрастом высыхают, кожа их темнеет, и год от года они становятся все более поджарыми и жилистыми. Старшие сыновья, оправдывая свои прозвища, не считали зависимое положение неприятным для себя. Ожидание их совершенно удовлетворяло. Каждый со своей семьей занимал отдельные покои или часть апартаментов в замке, и поскольку отец должен был содержать их, пока был жив, он созывал их к обильно накрытому столу. Часы досуга между трапезами они заполняли соколиной и псовой охотой или слушали песни бродячего менестреля¹⁵.

Совсем другое дело – четвертый сын, Дени, неугомонный, честолюбивый, деятельный юноша, наделенный поэтическим даром. Блеск золота и серебра пробуждал восторженный отклик в его душе, а кроме того, Дени отличался известной горячностью нрава. Глядя на младшего сына, отец частенько ворчал, что, возможно, в легенде о прабабке-ведьме есть доля истины.

В своем отрывочном дневнике, что велся от случая к случаю, а потому неполном и не отличавшемся отточенным слогом (хотя и очевидно, что эти заметки автор собирался когда-нибудь превратить в хронику своих приключений во время Третьего крестового похода), Дени пишет о себе так: *«Я никогда не пренебрегал естественными телесными удовольствиями и вместо того, чтобы лечь спать в одиночестве, жалуясь на усталость, предпочитал пробуждение в приятной компании. Едва я успевал осуществить какую-нибудь затею, как мои глаза начинали блуждать в поисках чего-то нового, а моя матушка говорила обо мне, что я родился не под счастливой звездой, но под кометой. Неизменным было только мое желание научиться сочинять стихи, и даже на это у меня часто не доставало терпения, так что мне легче давались короткие баллады¹⁶, чем эпические поэмы»*.

Ожидание смерти отца ради права на незначительную часть наследства казалось юному честолюбцу унылым времяпровождением. Тихая, бедная событиями жизнь, какую вели в поместье Куртбарб, была невыносима. Кроме того, он хотел учиться у хорошего наставника, чтобы проникнуть в тайны поэзии, разобраться со столь запутанными материями, как стопы¹⁷ и рифмы, узнать о таких формах стиха, как сирвента и кансона¹⁸, о консонантных рифмах и рифмах смешанных, а также обо всем остальном, что составляет основу трубадурского искусства. Кое-что он перенял у менестрелей, забредавших в замок, кое-что у соседей, которые забавлялись стихосложением, отдавая дань моде. Но примерно в 1180 году – тогда ему было уже около восемнадцати лет – Дени покинул отчий дом и отправился в Пуатье. В этом городе гостил прославленный трубадур Пейре Видаль¹⁹, и Дени подружился с ним, потратив те скудные средства, что имел при себе, на подарки – еду и одежду. Когда же Видаль двинулся в обратный путь, юноша последовал за ним в Тулузу. В течение следующего года Дени постигал основные законы поэтического мастерства: сначала он учился у Видаля, потом у Пейре из Оверни²⁰ и у других поэтов, живших при дворе Дофина Робера I²¹. Так, путешествуя из города в город, из замка в замок, он перенял образ жизни и получил звание трувера, как именовали поэтов в северных частях Франции, на юге их называли трубадурами. Оба слова восходят к одному корню, который означает «первооткрыватель».

¹⁵ Менестрель – в Англии и Франции XII – XIII вв. профессиональный певец и музыкант, находившийся главным образом на службе у богатого сеньора.

¹⁶ Баллада – в средние века плясовая песня с определенной тематикой (восхваление любви и весны, осмеяние ревнивых мужей и пр.).

¹⁷ Стопы – повторение в стихотворной строке метрически сильных и слабых мест.

¹⁸ Сирвента и кансона – песенные жанры, использовавшиеся трубадурами.

¹⁹ Пейре Видаль (годы творчества 1180 – 1206) – сын скорняка из Тулузы, один из самых известных провансальских трубадуров, биография которого обросла многими легендами; некоторые из них автор использует в сюжете романа.

²⁰ Пейре из Оверни (годы творчества 1149 – 1168) – трубадур из Клермона, «мещанский сын», мастер изысканного стиля.

²¹ Дофин Робер I (ок. 1160 – 1235) – Дофин – имя, а не титул; граф Клермона и Монферрана. Будучи сам одаренным поэтом, он слыл великим покровителем трубадуров.

* * *

Дневник Дени из Куртбарба. Отрывок 1-й.

Шестой день до ноябрьских ид, 1187. Сегодня я начал вести эти записи, на основании которых, если будет на то Божья воля, я когда-нибудь напишу свою хронику. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, искренне уповая на покровительство добрейшей Матери Божьей и достойного святого мученика Дени²² – подобно ему, я довольно часто разгуливал, держа собственную голову в руках...

Когда истек срок моего ученичества у Пейре Видаля, короля глупости и предводителя поэтов, я расстался с ним в первую неделю после Пасхи в году 1182 и совершил путешествие в провинцию Овернь. Там я случайно познакомился с Пейре из Клермона и благодаря его связям сумел представиться Дофину Овернскому, тому самому доброму принцу Роберу, о котором ни один поэт не вспоминал без слез радости и сытого умиления. Этот благородный вельможа, хотя и был так беден, что никому и в голову бы не пришло потребовать за него выкуп²³, постоянно считал гроши, стараясь выгадать на всем. Он пришивал новые рукава к старому платью, но тем не менее радушно принимал всех, кто овладел тайнами искусства и умел слагать хорошие песни. В его честь я написал сирвенту, которая начинается так:

Я знаю государя, владения которого залиты солнцем,
Но золотые солнца его казны никогда не светят...

и т. д.

И могу признаться со всей подобающей скромностью, что эту песню до сих пор распевают многие менестрели выше по Луаре. Правда, они не пользуются таким же шумным успехом, какой выпал на долю ее автора. Я не из тех, кто, обладая скрипучим голосом, вынужден нанимать кого-то, чтобы петь вместо себя, я рано научился играть и на арфе, и на виоле²⁴. Благодаря этому стиху и моему собственному пению я получил место при дворе и жил там более двенадцати месяцев в мире и согласии, среди множества увеселений, хотя в моем кошельке брэнчало едва ли больше пары денье²⁵. Мы проводили время, сочиняя стихи, предаваясь играм, развлечениям и рыцарским забавам. Так, к примеру, время от времени выезжали мы поупражняться в метании копья в столб и в кольцо или вступали в состязание, именуемое бехорд – поединок всадников, вооруженных копьями с затупленными наконечниками, – такой вид конной забавы какие-то рыцари на юге переняли у мавров. При дворе Дофина нас было девять труверов, а также приходили менестрели и уходили, откормленные, точно мыши в амбаре. Соблюдая обычай, мы избрали себе дам сердца²⁶, и если наш стол в некотором роде не отличался разнообразием яств, этого никак нельзя было сказать о любовных играх.

²² Святой мученик Дени – галльский проповедник христианства в годы римского императора Диоклетиана (249 – 251). Согласно легенде, был обезглавлен на Монмартре.

²³ ...потребовать за него выкуп... – Феодалы «развлекались» пленением друг друга в битвах или на турнирах; при этом победивший часто заключал побежденного в темницу и удерживал его в заточении вплоть до выплаты выкупа.

²⁴ Виола – смычковый музыкальный инструмент, распространенный в средние века в романских странах.

²⁵ Денье – мелкая французская монета.

²⁶ ...мы избрали себе дам сердца... – Рыцарский кодекс побуждал дворян избирать себе «дам сердца», которым посвящались подвиги и стихи; было принято останавливать свой выбор на замужней даме, как правило – супруге сеньора, которому служил дворянин.

Там я приобрел двух хороших друзей, у которых многому научился. Одним из них был благородный Понс де Капдюэйль²⁷, барон Пюи Сен-Мари, человек огромного роста и утонченного воспитания. Чтобы ангелы не завидовали его совершенству, Бог наделил его маленьким недостатком: он был так скуп, что пожалел бы для вас и приветствия, только бы не потратить лишних слов. Играя в кости, он частенько занимал деньги у своих соседей, и если проигрывал, то обычно просил прощения и сокрушался, но если же выигрывал, то исчезал из замка недели на две, пока о долге не забывали. Он никогда не играл собственными костями, опасаясь, как бы от частого употребления не стерлись нанесенные на них знаки и костяшки не пришли бы в негодность. Тем не менее он держался с таким достоинством и пленял столь любезным обхождением и столь доброжелательной улыбкой, что, если вы распивали с ним вино в какой-нибудь таверне и он затем поднимался со словами: «Увы, я забыл дома свой кошелек», – вы платили по счету, испытывая признательность, что такой замечательный человек позволяет вам сделать ему столь большое одолжение. Он слагал чудесные кансоны, особенно ему удавались аубады, утренние серенады, которые в его исполнении звучали столь сладостно, что на глазах у слушателей всегда выступали слезы.

Вторым моим близким другом был Пейре из Клермона; поскольку слава о нем распространилась повсюду, стали его называть Пейре Овернским. И хотя он был незнатного рода, но обладал кротким нравом, складной речью и приятной наружностью, несмотря на плохой цвет лица. Этот недостаток, конечно, был следствием нездорового воспитания, какое весьма обычно в домах простых горожан. Его отец был торговцем и, как у них водится, одевал ребенка в красное платье и закармливал сладостями, отчего в юности он страдал угрями и фурункулами. Его песни подобны трелям соловья, но, равно как и птичьи рулады, казались сочиненными на неведомом языке. Понимали их с трудом, а потому я сочинил о нем такой станс²⁸:

А о Пейре Овернце молва,
Что он всех трубадуров глава
И слагатель сладчайших кансон;
Что ж, молва абсолютно права,
Разве что должен быть лишь едва
Смысл его темных строк прояснен.²⁹

Позже узнал, что некоторые приписывали авторство этих строф самому Пейре. Бог с ним. Я умолкаю.

Дамой сердца я избрал Маурину, жену кастельяна замка Дофина, изящную, темноволосую, жизнерадостную женщину, бросающую по сторонам соблазнительные взгляды. Она ничего не говорила, ее глаза говорили за нее. Она охотно слушала обращенные к ней речи. И все-таки я никак не мог добиться от нее ни «да», ни «нет» в ответ на мои мольбы о любви. Как часто я слагал стихи в ее честь и пел их для нее, а потом бросался на колени и клялся, что умру от любви к ней! Она же только тихонько кивала головой, словно мысли ее унеслись неведомо

²⁷ Понс де Капдюэйль (ок. 1190 – 1237) – рыцарь-трубадур из знатных вельмож, мастерски владевший как мечом, так и стихосложением в «легкой манере»; его гибель на страницах романа – дань автору одной из биографических легенд.

²⁸ Станс – здесь: небольшое стихотворение с несложным строфическим строением.

²⁹ ...Смысл его темных строк прояснен. – Здесь и далее перевод стихов, за исключением случаев, отмеченных отдельно, цитируется по изданиям: Жизнеописания трубадуров. М., 1993. (Литературные памятники); Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М, 1974.; Песни трубадуров (Библиотека всемирной литературы)/ Пер. А. Наймана. М., 1979.

куда, с туманной улыбкой дотрагивалась кончиками пальцев до моей руки и говорила: «Ей-Богу, милый Дени, лучше сыграй еще на своей виоле».

Случилось так, что однажды летним вечером все мы вышли из замка посидеть на травке, и госпожа Жанна, супруга Дофина, дабы развлечься, предложила учредить Суд Любви, последовав примеру королевы Алиенор³⁰, той самой, что вышла замуж за короля Англии. Потом госпожа Жанна возложила на себя обязанности председателя, а также назначила судьями трех своих дам и вслед за тем спросила, хочет ли кто-нибудь представить свое дело на рассмотрение суда по всем вопросам любви. Бернард из Сен-Труа спросил, может ли мужчина нарушить свое слово без ущерба для чести, если он вручил свою любовь даме и поклялся исполнить все, что она потребует, и если притом ее первое же приказание таково, чтобы из любви к ней он больше не говорил ей о любви? После непродолжительного спора, сопровождавшегося смехом, судьи вынесли решение, что мужчина должен неукоснительно следовать закону, записанному в *Предписаниях любви*³¹, который гласит: «Любовь любви ни в чем не отказывает». Следовательно, он не может, не утратив достоинства, отказаться выполнить первое же повеление своей дамы, даже если она захочет, чтобы он бросился в море. Однако госпожа Жанна своим грубым голосом, который больше подошел бы мужчине, промолвила: «Нет, ибо гораздо сильнее закон, который гласит, что воистину не влюблен тот, кто противится непреодолимым желаниям любви. А стало быть, поскольку самое естественное желание влюбленного – говорить о любви, воспевать любовь, шептать признания в любви, ни один мужчина не в силах с полной добросовестностью хранить молчание, и я считаю даму виновной, ибо она пожелала невыполнимого». Тогда все заплодировали и признали ее решение справедливым.

Остальные также стали предлагать трудные задачи того или иного рода, и все это время я не мог удержаться от того, чтобы смотреть на Маурину взглядом, исполненным нежности. Наконец я смело выступил вперед, воззвал к милосердию суда и попросил составить мнение о моем деле. Я сказал: «Достопочтенные судьи и вы, мадам Верховный судья, я прошу, чтобы суд рассмотрел мою жалобу на некую даму, которая не желает признаться, любит она меня или нет. Ибо, посудите сами, существует ли на свете большая жестокость, чем та, когда дама отказывается дать определенный ответ «да» или «нет», но оставляет возлюбленного висеть на длинной веревке, так что временами его ноги касаются земли, отчего он может перевести дух и ложно уверовать в то, что останется жив? Поскольку нет худшей пытки, чем несбывшиеся надежды».

Услышав это, судьи по большей части, разумеется, рассудили, что подобная жестокость заслуживает самого сурового осуждения, Маурина при этом изменилась в лице, однако не подняла опущенных долу глаз и ни разу не посмотрела на меня. Но госпожа Жанна бросила взгляд из-под своих темных, густых бровей на меня и на Маурину, и я понял, что она очень хорошо осведомлена о том, что происходило между нами, и о какой даме я повел речь. Она заговорила: «В каждом случае надлежит исходить из существа самого дела, а об этом деле кое-что не было сказано, то, о чем неизвестно истцу, но известно мне. Суть в том, что означенная дама любима другим мужчиной и отвечает ему взаимностью. Тем не менее, будучи мягкосердечной, она не смогла в этом признаться, а кроме того, верно сказано: не достоин любви тот, кто ведет себя нескромно. Потому при всей своей доброте она не в силах помешать естественному желанию другого человека говорить ей о своей любви, ибо, согласно *Предписаниям любви*, одну женщину любить двоим ничто не препятствует. А следовательно, я нахожу, что вина не может быть

³⁰ ...последовав примеру королевы Алиенор... – Алиенор де Пуату, герцогиня Аквитанская, была одной из самых незаурядных женщин своего времени. После своего развода с королем Франции Людовиком VII (1152 г.) вышла замуж за Генриха, герцога Нормандского, графа Анжуйского, ставшего в 1154 г. королем Англии. Будучи весьма образованной, очень любила устраивать различные поэтические состязания и всячески покровительствовала искусствам.

³¹ Предписания любви – один из разделов рыцарского кодекса, регламентировавший поведение дворян с дамами сердца.

возложена на нее, но проситель должен, если он истинный влюбленный, проявлять терпение и всегда помнить, что влюбленный обязан во всем уступать желанию своей дамы».

И тогда суд постановил, что дама невиновна, а я, хотя и поклонился с улыбкой, был преисполнен ревности. Я твердо решил, что узнаю имя мужчины, которому она отдала свое сердце. Поэтому я посоветовался с Пейре Овернским, чистосердечно рассказал ему обо всем и попросил помочь мне. Когда он узнал, что я имел в виду именно донну Маурину, он похлопал меня по спине, покачал головой и воскликнул: «Что? Так ты не знаешь, кто ее возлюбленный? Ибо воистину все на свете, кроме тебя, знают, что это сам Дофин».

Услышав эти слова, я задохнулся от горя, и слезы полились из моих глаз. Я бился головой о стену и так рыдал, что Пейре преисполнился тревогой и принес мне вина, сдобренного пряностями, и мокрую тряпицу на лоб, чтобы приложить к ушибленным местам. И он утешал меня, как мог, мудро приговаривая: «У кого нет щита, должен привыкнуть к ударам», – и еще: «Болезнь, которую нельзя вылечить, приходится терпеть», – и дальше: «Гибкий тростник клонится от ветра», – и продолжал в том же духе, пока я не попросил его замолчать, ибо очень ослабел.

Так вышло, что как раз на следующий день небольшая компания играла в игру под названием чикана, которая состоит в том, чтобы ударом деревянного молотка послать деревянный шар с одного конца поля на другой. И когда подошла моя очередь бить по мячу, я увидел, что моим соперником по игре оказался Дофин. Гнев, родившийся от ревности, овладел мною, и не задумываясь о том, что делаю, я ударил по мячу изо всей силы, направив его прямо в сторону Дофина. Мяч попал ему в ногу чуть повыше колена. Он выронил свой молоток и, схватившись за бедро обеими руками, принялся скакать на здоровой ноге и поносить меня сверх всякой меры. Он покинул поле, опираясь на одного из своих оруженосцев. Вскоре после этого происшествия ко мне с мрачным видом подошли Понс де Капдюэйль и Пейре Овернский и сказали, что поскольку оба относятся ко мне по-дружески, то полагают так: самое лучшее для меня – это собрать свои вещи и уехать из замка, ибо Дофин более не питает ко мне расположения, какое до сих пор выказывал.

Я расстался со своими товарищами, вздыхая и проливая слезы, но так и не попрощался с донной Мауриной, хотя именно ее холодность явилась причиной постигшего меня несчастья. При расставании Понс де Капдюэйль позволил навязать ему последнее су³² из моего кошелька. Он клялся, что искренне любит меня и обязательно отдаст долг в скором времени.

Я не буду описывать подробно свои странствия в продолжение нескольких последующих лет. Ту первую зиму я путешествовал по провинциям Фуа и Безье. В 1184 году я отправился в королевство Арагон³³ и не возвращался во Францию вплоть до 1185 года. На обратном пути меня ограбили. Рождественские празднования 1186 года я провел в Париже. Там произошел со мной такой случай: однажды, прослушав мессу³⁴, я выходил из церкви и увидел, как шайка жуликов набросилась на какого-то беднягу с побоями, и хотя я обычно осторожен сверх меры, я воспылал гневом и бросился ему на помощь. Мне удалось прогнать их всех. Увидев, что несчастный дрожит от холода, поскольку разбойники утащили его плащ, я сжалился над ним и отдал ему свой, который был уже старым и сильно поношенным. Продрогнув на холоде, я на другой день заболел и слег с кашлем, насморком и лихорадкой. Однако обратите внимание, как блаженный св. Дени вознаградил меня за благое дело, совершенное из бескорыстных побуждений! Ибо в тот же самый день давешний незнакомец посетил меня в моей комнате и признался, что на самом деле он – состоятельный горожанин. Он дал мне денег, а также прислал вина и

³² Су – французская монета, сначала золотая, потом серебряная и медная, равная 0,2 ливра.

³³ Арагон – королевство на территории Пиренейского полуострова, с 1473 г. объединено с королевством Кастилия, что составило основу Испанского государства.

³⁴ Месса – главное богослужение католической церкви.

дров, дабы подбодрить меня. Я сложил песнь в его честь, которой он остался весьма доволен, и таким образом я пережил ту зиму.

Нетерпение, шептавшее мне, что некая тайная истина глубоко сокрыта в недрах поэзии, и прежде других причин заставившее меня покинуть отчий дом, – это нетерпение оставалось со мной все эти годы. Мне казалось, будто в поэзии существует некий особый путь, которым я мог бы следовать, вместо того чтобы идти по тропинке, исхоженной вдоль и поперек сотней других людей. Ибо всем известно, что поэзия имеет установленные формы – свои рифмы, ритм и размер, и я отдал много лет, чтобы научиться искусству стихосложения. Существуют определенные фигуры, чтобы описать, что чувствует поэт, когда влюблен, и он должен ими пользоваться, сочиняя кансону. Есть утренняя песнь любви, называемая аубада, и вечерняя песнь, именуемая серенадой, и кто же посмеет вставить слово «восход» в вечернюю песнь? Ни один трубадур не напишет о своей глубокой любви в сирвенте или о войне и сражении в кансоне. И все-таки мне казалось, что не придумано пока таких песен, чтобы выразить чувства, обуревавшие меня. И еще мне казалось, что должна быть на свете такая любовь, для которой не годятся признанные каноны. Каждому мужчине известны законы любви. Подобно всем моим приятелям, я подчинялся им так же неукоснительно, как и правилам стихосложения. Я не однажды любил даму, следуя известным предписаниям, – делал ее своей избранницей, писал в ее честь песни, верно служил ей, преподносил скромные подарки, которые не могли бы пробудить в ней алчности, и так далее. Но всякий раз что-то подсказывало мне, что я совершил ошибку. Едва я останавливался на ком-то свой выбор, как некий внутренний голос шептал мне: «Это не она». И потому я продолжал искать ту единственную женщину, которая, возможно, предстанет передо мной однажды, как продолжал искать и ту единственную песнь, что когда-нибудь сама собой польется из моих уст.

Как-то раз я сидел в лавке, где торгуют жареным мясом, с неким менестрелем, одним из тех простолюдинов, кто носит рыжие парики, жонглирует ножами и распевает вульгарные песенки на потеху толпы. Мы грелись у тусклого очага, а в закрытые ставни стучал дождь, уже переходивший в мокрый снег. Лениво пощипывая струны своей арфы, он бормотал себе под нос такие вирши:

И короли, и знатные вельможи,
Чьи матери все в золоте и жены,
В итоге в гроб сосновый лягут тоже,
Другим достанутся их платья и короны,
И я, простой бродяга, как ни кинь,
Не улизну, когда Господь назначит.
Что ж, я повеселился всласть. Аминь.
И встречу смерть, руки своей не пряча.³⁵

Я спросил его, будто бы в шутку, где он услышал эти стихи, и он ответил, пожав плечами, что сам их сочинил, принимая во внимание час, место и время года. Я сказал ему, что в стихах отсутствует и надлежащий слог, и ритм, и метафора – все то, что, подобно красивым одеждам, облакает поэзию, – а кроме того, написаны они языком простонародья и полны вульгарных выражений. Он ответил, что для него это не имеет значения, поскольку подобные стансы часто исходят из самого сердца и приносят большое утешение. Я заметил, что, если бы я сам пел песни подобного рода перед лицом какого-нибудь высокородного сеньора, люди, наделенные

³⁵ Пер. Л. Ловер.

хорошим вкусом, посмеялись бы надо мной. Он ответил, что его совершенно не беспокоит, буду я их петь или нет, а что касается одобрения вельмож, то он не дал бы за это и ломаного гроша, потому как для него важно лишь собственное мнение. Он сказал также, что отлично знает, как заработать деньги: он прыгает и кувыркается, показывает фокусы и насвистывает птичьи трели, заставляет улиток скакать на столе и исполняет балладу о Тристане³⁶. «Но стихи я пишу для своего собственного удовольствия, – сказал он, – и больше ни для кого». На следующее утро его уже не было, и мы с ним никогда более не встречались. И все-таки, заметьте, я не забыл его вирши. Неужели в них было нечто, что важнее изысканного слога? Я даже не могу описать, как эта догадка раздражала меня, но временами я обнаруживал, что невольно повторяю эти строки про себя.

Четвертый день до майских нон 1189. В тот день я пел для могущественного барона Эсташа де Грамона и был приглашен погостить в его замке, который расположен на берегу Шаранты в Пуату. И конечно, я избрал дамой своего сердца его жену, Иоланду из Бриссака: за ее белую кожу, золотистые волосы и томную прелесть. Она приняла мою клятву в верности. Однако, должно признать, иногда мне казалось, будто она благосклонна ко мне только потому, что нуждалась в терпеливом слушателе ее жалоб на мужа, грубого и невоспитанного человека. И хотя она была очаровательна, но проливала такие обильные потоки слез из-за всякого пустяка, словно в ее голове помещался целый водоем.

Два месяца я ухаживал за госпожой Иоландой, называя ее в своих стихах сеньялем, то есть условным именем Бель-Вэзер, что значит Улада Очей, вздыхал ей вслед и щедро одаривал ее знаками внимания. Вскоре после Иоаннова дня³⁷, когда барон Эсташ находился далеко от замка со своей соколиной охотой, мы встретились наедине в зеленом саду, и я спел для нее аубаду, которую недавно написал:

Зачем же соловей так скоро улетает,
И нам в саду цветущем больше места нет?
Мне солнца первый луч тоскою сердце наполняет;
Прощай, любовь, уж небо золотит рассвет.³⁸

Всего в песне было шесть строф, и слово «рассвет», как и положено, упоминалось в каждой последней строке. Она слушала с искренним удовольствием, закрыв глаза, и в ответ на легкое пожатие руки пообещала удовлетворить мое самое большое желание. А было оно таково, чтобы мы возлежали всю ночь напролет подле друг друга, обнаженные, в целомудренных и нежных объятиях, а наши души витали бы над нами, слившись в блаженстве (как это происходит с настоящими любовниками). Она смущенно согласилась, промолвив: «Пусть это случится в ту ночь, когда мой супруг поедет в Лимож повидаться с другими баронами». Наше свидание пришлось на восьмой день до июльских ид.

Тем не менее, не успели мы возлечь вместе в ту ночь, как во внутреннем дворе замка поднялась суматоха, послышались крики, конский топот, скрип ворот, и оказалось, что барон Эсташ возвратился домой. Я бросился собирать свою одежду. Но госпожа Иоланда, ломая руки и рыдая так, что могла бы и голодного священника заставить отпустить ей грехи, принялась подталкивать меня к окну. Я мягко объяснил ей, что по наружной стене спуститься вниз невоз-

³⁶ Баллада о Тристане – одно из средневековых произведений о трагической любви рыцаря Тристана, племянника корнуоллского короля, к Изольде, его супруге.

³⁷ Иоаннов день – 24 июня.

³⁸ Пер. Л. Ловер.

можно. Тогда она открыла один из огромных сундуков, стоявших вдоль стены, который был наполовину заполнен аккуратно сложенным бельем. Я перекрестился, поручив свою душу Деве Марии, и забрался внутрь, молясь, чтобы господину барону не понадобилась до утра чистая рубаха.

По счастливой случайности между крышкой и краем сундука оказалась большая щель, и через это отверстие я смог дышать. Также благодаря этому я не был отделен от всего мира и слышал, о чем говорили в комнате. Итак, я услышал, как моя госпожа спросила, что заставило мужа вернуться домой в ту ночь, проделав неблизкий путь из Лиможа. Его ответ был настолько поразителен, что я чуть не выдал себя в порыве изумления.

Он сказал: «Король Англии умер³⁹. Новость поспешил донести до нас Аймар Тайефе из Пуатье. Он умер два дня назад в Шиноне, и граф Ричард стал королем. Никто не может сказать, что теперь будет».

Я употребил все свои силы, чтобы успокоиться в недрах сундука, подслушать, если скажут еще что-нибудь, а затем дожидаться, пока они уснут, с тем чтобы незаметно выскользнуть вон. Но, похоже, эта новость сулила перемены в моей судьбе, славные перемены, если только граф Ричард соизволит вспомнить слово, данное мне однажды вместе с известным кольцом...

* * *

Случайная встреча Дени с Ричардом Плантагенетом произошла ровно за год до описанных событий.

Вот как вышло, что английский принц, граф Пуату, герцог Аквитанский и один из самых доблестных воинов в мире, оказался обязанным никому не известному странствующему поэту...

Если вопрос о наследстве причинял беспокойство даже невозмутимым сыновьям Аймара из Куртбарба, то иные отпрыски феодалов не могли ни вытерпеть срока, ни перенести дележа. Вся Европа была охвачена пламенем войны между наследниками. Одни воевали, чтобы защитить то, что принадлежало им по праву. Другие стремились ускорить получение наследства путем кровопролития. Третьи, не имевшие вообще ничего, пытались урвать крохи с чужого стола. Ричард Плантагенет, чья жизнь отличалась множеством крайностей разного рода, в этом случае превзошел сам себя. Хотя он получил Аквитанию и Пуату в наследство от матери, королевы Алиенор, потребовалось немало усилий, чтобы защитить и удержать эти богатые, цветущие провинции, и заботы эти поглощали его настолько, что он даже не имел возможности насладиться своей собственностью. Он уподобился домовладельцу, который усердно трудится с восхода до заката, чтобы заплатить закладные и страховку, ведет нескончаемую войну против кротов, гусениц, насекомых-паразитов и мышей, подстригает газон, поправляет изгородь, пропалывает свой сад, и потому у него нет ни минуты, чтобы просто посидеть на солнышке.

В возрасте пятнадцати лет Ричард вступил во владение герцогством Аквитанским, получив кольцо св. Валерии, копье и штандарт, которые были изображены на гербе этого владения. Он принес вассальную клятву, присягнув на верность королю Франции Людовику, но положение несколько осложнялось тем обстоятельством, что его отец, король Англии Генрих II, ранее сделал подобные заверения от имени своего сына и не мог заставить себя отказаться от прав опеки⁴⁰ над имением Ричарда.

³⁹ ...Король Англии умер. – Король Англии Генрих II умер в 1189 г.

⁴⁰ ...отказаться от прав опеки... – Король Англии Генрих II спешил укрепить права своих наследников на территории феодалов, которые были у него в держании как у вассала французского короля; он разделил их между сыновьями, опережая возможное требование своего формального сеньора вернуть земли после своей смерти; вместе с тем, отдав земли сыновьям, Генрих боялся тут же упустить их из своих собственных рук, поэтому наложил на сыновей опеку.

По мнению Генриха, добытые с великим трудом земли Плантагенетов на континенте – Анжу, Нормандия, Мэн, Бретань и прочие – должны были быть разделены между сыновьями при его жизни так, чтобы все узнали о его намерениях прежде, чем он умрет. Он хотел, чтобы все ясно осознавали, чья рука правит в настоящем и будет – пусть исподволь – распоряжаться будущим потомков. Никто, похоже, не мог смириться с волей короля – ни его сыновья, ни его жена Алиенор, которая ненавидела его с той же страстью, с какой любила своих мальчиков, ни его главный противник и сеньор – французский король.

В 1170 году Генрих заставил короновать как короля Англии своего старшего сына, тоже Генриха. Сам он не собирался отречься от короны; эта церемония была чисто символической. С любовью он обращался к своему сыну, преклонив колено. Генрих-младший привык к лести: им много восхищались, а более всех он любил себя сам. Он считал справедливым то, что к нему обращаются коленапреклоненно. «Поскольку, – заявлял он, – я сын короля, тогда как мой отец всего лишь сын графа Анжуйского». Было очевидно, что он не удовлетворится ролью номинального правителя, и его мать разделяла такой взгляд сына. Таким образом, через год после инвеституры⁴¹ Ричарда как герцога Аквитанского он и молодой Генрих вместе со своим младшим братом Джоффри, который владел Бретанью, образовали лигу, чтобы заставить отца полностью отказаться от своих прав в их пользу. Алиенор поддержала сыновей, как и король Франции, для которого чересчур решительный Генрих всегда был источником неприятностей. Так начались энергичные военные действия: наступления сменялись контр наступлениями, горели замки, отовсюду слышалось бряцание оружия, победы и капитуляции, что называется, шли рука об руку. Этот вихрь событий кружил по Европе более полутора десятков лет.

Сначала король Генрих быстро подавил бунт молодых принцев. Но в то же время некоторые из воинственных баронов подняли восстание, одни – против него, другие – против Ричарда в Пуату, а третьи – за неимением ничего лучшего – перессорились между собой. Положение осложняли банды наемников, которые в то время не состояли ни у кого на службе и занимались грабежом и разбоем в качестве маневров – для поддержания боевого духа и воинских навыков. Ричард был послан своим отцом разгромить всех возможных противников и весьма в том преуспел в течение блестяще проведенной кампании, которая длилась около двух лет. Затем, по настоянию отца, он продвинулся немного дальше, вторгся в Гасконь, где захватил несколько городов и замков.

Но тем временем за его спиной вновь восстали беспокойные бароны – благородный Вулгрэн Ангулемский, Жоффрей из Ранкони и Аймар Лиможский. Следующие два года были потрачены на то, чтобы пустить им кровь и отвоевать одну за другой все их главные крепости. После короткой передышки возникла новая лига, на сей раз образованная трубадуром Бертраном де Борном⁴², но по сути дела – в том же составе. На ее разгром понадобилась еще пара лет. Затем, когда все пресытились войной за пределами собственного королевства, настало время вернуться к междуусобным раздорам, и Генрих-младший вдвоем с братом Джоффри повернул оружие против Ричарда и своего отца. Однако, прежде чем эта распря успела зайти слишком далеко, молодой Генрих заболел и, взглянув на дело с разных точек зрения, рассудил, что у него мало шансов одолеть отца, а поэтому взял да умер. Три года спустя за ним последовал его брат Джоффри, и таким образом Ричард, против всех ожиданий, сделался наследником трона.

Тем временем старый Генрих все интриговал и устраивал заговоры против своих сыновей, против королей Франции – сначала Людовика, а затем его сына Филиппа – и против многих рыцарей и знатных сеньоров по всей французской земле. Распри не прекращались, непрерывно велись военные действия, и ни один из конфликтов не был улажен ко дню смерти

⁴¹ Инвеститура – здесь: передача земель в держание Ричарду.

⁴² Бертран де Борн (ум. в 1215 г.) – знаменитый рыцарь-трубадур, владелец замка Аутафорт в Перигорском епископате. Постоянно воевал со своими соседями, в том числе и с Ричардом Львиное Сердце, когда тот был графом Пуату. Он прославился своими песнями-сирвентами на тему междуусобной войны во Франции.

Генриха. Что касается Ричарда, он то отправлялся сражаться по приказу отца против баронов, то неожиданно сталкивался с королем Филиппом-Августом, то пытался заключить мир между Филиппом и Генрихом, постоянно встречая непонимание со всех сторон. У него не было даже недели отдыха, когда бы он мог сбросить доспехи и вздохнуть спокойно.

Поскольку это был мужчина, наделенный силой и храбростью, и он всегда оказывался во главе своих рыцарей, его жизнь часто подвергалась риску. Однако в разгар одной из самых трудных его кампаний в 1188 году настал день, когда смерть подступила к нему лицом к лицу.

Он только что подавил бунт мятежных баронов, возглавленный, как обычно, Лузиньяном, Ранконем и Ангулемом и длившийся целый год, и закончил войну, взяв, казалось бы, совершенно неприступную крепость Тайебур второй раз за последние девять лет. Едва с этим бунтом было покончено, как пришло известие, будто Раймон Тулузский, которому Ричард нанес поражение несколько лет назад, вновь взялся за оружие, захватил нескольких торговцев из Пуату и обошелся с ними в высшей степени жестоко, ослепив и кастрировав одних и казнив других. Есть основания считать, что это внезапное выступление Раймона произошло при подстрекательстве короля Генриха, все еще занятого плетением интриг.

В ту пору Ричард, увлеченный красноречием архиепископа Трирского, который приехал в Европу с призывом оказать помощь в Святой Земле против крепнущей силы неверных, принял крест вместе со своим отцом, а также королем Франции Филиппом. Подозревали, будто Генрих, вовсе не собиравшийся когда-либо отправляться на Восток, искал способ разубедить сына в необходимости претворять в жизнь то, что следовало понимать всего лишь как политическое заявление о благих намерениях.

Независимо от того, как обстояло дело, Ричард бросил все и помчался на юг, где он живо опустошил часть Гаскони, захватил несколько крепостей и, наконец, подступил к самым стенам Тулузы. Этого не предвидел никто. Король Филипп-Август в отместку вступил в Аквитанию и немногим более месяца спустя разорил практически все земли, на которые претендовала Англия в Берри и в Оверни. Узнав об этом, Генрих начал набирать собственное войско в Нормандии, тогда как Ричард неохотно развернулся и поспешил назад, на север.

Филипп взял главный город Шатору в Берри, оставив его под охраной весьма доблестного рыцаря, некоего Гильема де Барре. Отвоевать город показалось Ричарду стоящим делом, и он осадил его со своими рыцарями и большим отрядом вольнонаемных всадников.

Дени де Куртбарб в то теплое лето путешествовал из Парижа на юг, останавливаясь в маленьких уютных замках по восточному берегу Луары, от Окзера до Везеле и дальше до Невера, где он переправился через реку. Вина были крепкими и изысканными, особенно белые вина Шабли, обладавшие тонким, чуть терпким вкусом; еда в тех местах была обильной, превосходные окорока с ароматом можжевельных ягод и восхитительные пироги с начинкой из дичи и домашней птицы пришлись бы по вкусу и гурману. Дени продал в Париже свою виолу и предпочел взамен арфу, поскольку на этом инструменте было легче аккомпанировать себе; ни разу не пришлось ему обнажать свой меч, ибо, куда бы он ни пришел, везде находил радушный прием благодаря пению и поэзии. Однако он имел несчастье оказаться в герцогстве Берри примерно в то же время, когда туда вступил король Филипп, и повсюду Дени видел беспорядки и волнения. Он нашел убежище в Шатору вскоре после того, как город попал в руки французов, и собирался было немедленно возвратиться в восточные провинции, где было относительно спокойно, когда к стенам крепости подступил граф Ричард.

На самом деле Ричарду не хватало воинов, чтобы осадить город по всем правилам военного искусства, и потому оживленное движение через городские ворота не прекращалось. Поэтому однажды утром Дени упаковал свои седельные сумки и выехал из крепости через Буржские ворота сразу за отрядом фуражиров, сделавших вылазку в надежде собрать что-нибудь в окрестностях. Проскакав небольшое расстояние, он обернулся в седле, чтобы бросить

прощальный взгляд на стены и башни города. Вдруг раздались хриплые крики и звон мечей, и он очутился в гуще жаркого сражения, точно щепка, подхваченная водоворотом.

Отряд фуражиров наткнулся на засаду рыцарей и вооруженных всадников из Пуату и пытался теперь пробиться назад, под надежную защиту крепостных стен. Дени натянул поводья, едва не наскочив на воина в разорванной кожаной одежде, и сумел уклониться от удара; на миг он сошелся нос к носу с другим всадником, а затем, ускользнув от него, пустился прочь с дороги. Он умчался бы в город не мешкая, если бы его внимание не привлек предводитель пуатевенцев.

Это был рослый, широкоплечий мужчина, чью поржавевшую кольчугу покрывала сеть серебристых полос, появившихся там, где ржавчина осыпалась под ударами мечей. Он был без шлема, и даже кольчужный капюшон был откинут назад, на плечи, так что его длинные каштановые волосы развевались по ветру. Ясная улыбка не сходила с бородатого лица, глаза горели боевым азартом. Он смеялся и что-то кричал, тогда как его рука поднималась и опускалась, нанося удары с сокрушительной силой и точностью. Это был воин, который наслаждался своим ремеслом и вкладывал в него душу без остатка. Он играючи помахивал здоровенной секирой, будто легоньким хлыстом. Лезвие и рукоять были сплошь измазаны кровью. Его правая рука также почернела от крови и казалась одетой в перчатку. Он был подобен героям песни о Роланде или Ожье⁴³, самым воплощением духа рыцарства.

Дени не мог отвести от него глаз. Он тотчас догадался, что это, должно быть, сам граф Ричард из Пуату, и понял, почему те, кому довелось увидеть его в сражении, называли его львом. Сравнение приходило в голову само собой: Ричард был неудержим, свиреп и к тому же – рыжеватой масти.

Неожиданно из города донеслись громкий свист и боевой клич. Небольшой отряд всадников мчался во весь опор от Буржских ворот. Граф Ричард натянул поводья и стал всматриваться вдаль, заслонив глаза рукой от солнца. Бой закончился, люди из отряда фуражиров отделились от своих врагов и отступили. Теперь Дени хорошо видел, что с Ричардом осталось только три рыцаря и восемь или десять конных воинов в кожаных куртках без рукавов и в стальных шлемах. Полдюжины мертвых тел распласталось вдоль дороги, и лежали две убитые лошади, тогда как третья билась, издавая жалобное ржание и пытаясь подняться на ноги.

Один из пуатевенских рыцарей сказал что-то громким, хриплым голосом. «...Десять на одного...» – успел разобрать Дени. Солдаты поворотили коней и, сбившись в кучу, галопом припустили по дороге в обратную сторону, причем один из них свесился вперед через луку седла.

– Назад, вы, грязные ублюдки! – проревел рыцарь, у которого на щите была изображена голубая звезда. Его голос сорвался от гнева. Ричард захохотал, поигрывая секирой.

В это время защитники города соединились с остатками отряда фуражиров. Объединившись, они помчались во весь опор на Ричарда и троих рыцарей. Дени по-прежнему не двигался с места, убеждая себя, что вся эта суета его не касается. В воздухе висела плотная туча пыли. Тускло сверкали клинки мечей. Громкий и страшный вопль заставил Дени содрогнуться. Кричал не человек, этот страшный звук издала лошадь. Дени увидел, как боевой конь рухнул под Ричардом. Граф вылетел из седла и покатился по дороге, но быстро вскочил на ноги, подняв щит над головой. Свою секиру он потерял.

Какой-то рыцарь направил в него копьё. Он ухватился за древко и потянул противника на себя. Мгновение они боролись, потом деревянное древко сломалось с громким треском. Ричард отскочил назад, сжимая половину древка с наконечником так, словно это был короткий меч. Привязанный к древку вымпел вился вокруг его окровавленной руки.

⁴³ ...подобен героям песни о Роланде или Ожье... – Имеются в виду героические сказания французского эпоса раннего средневековья.

Дени разглядел его лицо. Тень жестокой решимости покрыла чело графа. Он больше не улыбался и еще больше походил на льва.

– Сдавайся! – завопил кто-то.

– Убей его! – прокричал другой.

Дени пришпорил своего коня, больше не раздумывая. Он прорвал кольцо воинов, окруживших графа, сразил одного из нападавших, тогда как его конь сшибся с другим всадником и обратил того в бегство. Рыцари в замешательстве шарахнулись в разные стороны. Дени задержался подле графа и протянул ему руку.

– Прыгайте, – выпалил он.

В мгновение ока Ричард очутился позади него на лошади. Дени тотчас же пустил коня вскачь и понесся вверх по дороге. Ричард держался за его пояс. Враги преследовали их некоторое время, потом остановились и повернули к городу, поскольку солдаты-пуатевенцы, которые прежде бежали, теперь возвращались назад легким галопом, растянувшись вереницей по дороге и потрясая оружием.

Дени остановился, и Ричард соскользнул с конского крупа, вытирая лицо вымпелом, привязанным к обломку древка, который он все еще сжимал в руках. Он оглянулся на город и сказал горько:

– Гай, Элиа, Сентол, все взяты в плен или мертвы. И добрый конь...

Он посмотрел на своих воинов. Большинство из них с каменными лицами уставились в землю.

– Мерзавцы, – бросил он. – Но чего можно от них ждать? – Он ткнул пальцем одного из них. – Ты, дай мне своего коня.

Солдат молча спешил и держал стремя, пока его господин садился в седло. Теперь Ричард обратил свой взор на Дени. У него были пронзительные голубые глаза под красиво изогнутыми дугами бровей, глаза, обрамленные длинными ресницами. Он улыбнулся и сказал:

– Благодарю. Для рыцаря нет ничего более скверного, чем оказаться пешим. Тебе известно, кто я?

– Я узнал вас, граф де Пуату.

– Ты знатного рода?

– Это так. Мое имя – Дени из Куртбарба.

– А! Где находятся твои земли?

– Неподалеку от Сомюра, по берегам Туе.

– Ты спас мне жизнь. Я благодарен тебе. Как вышло, что ты оказался на поле боя?

– Я трувер. Я покинул этим утром Шатору, потому что для меня там было немного шумно. Я предпочитаю спокойную жизнь, монсеньор граф.

Ричард усмехнулся. Он снял с руки перстень, неотшлифованный аметист; оправленный в золото.

– В таком случае навести меня, когда в моих землях будет немного поспокойнее, трувер, – сказал он. – Я люблю музыку и поэзию. Приходи ко мне за своей наградой. Но не забудь приготовить хорошую песню.

– Не забуду, – пообещал Дени, принимая кольцо и учтиво кланяясь.

Он смотрел Ричарду вслед, когда тот удалялся в сопровождении своих воинов. Надевая на палец кольцо, он вспоминал мужественное, с резкими чертами лицо графа, острый взгляд его голубых глаз, золотистые волосы, забрызганные кровью. Он сказал себе: вот господин, слушать которому не зазорно для мужчины. Но также это был человек, которого следовало остерегаться. Ибо кто отважится погладить льва?

...Именно о том случае он думал теперь, скрючившись в сундуке, пока барон Эсташ готовился ко сну. В течение нескольких прошедших лет он иногда вспоминал о Ричарде, когда

во время своих странствий узнавал о нем что-то. Ричард пытался содействовать заключению договора между королем Генрихом и королем Филиппом и в награду за свои труды не получил ничего, кроме неприятностей. Довольно много сплетничали о том, что старый король отдает предпочтение младшему сыну, Джону Лэкленду⁴⁴, а не Ричарду, своему наследнику, и этот факт стал совершенно очевиден на встрече королей в Уитсантайде, когда Генрих предложил, чтобы французская принцесса Алисия, которая находилась под его опекой как нареченная невеста Ричарда, вышла бы замуж не за него, а за Джона и получила в приданое земли Плантагенетов во Франции. В результате у Ричарда не осталось иного выбора, кроме как объединиться с Филиппом против собственного отца, чтобы защитить свое наследство.

«Приходи ко мне, когда в моих землях воцарится мир», – сказал тогда Ричард. Что же, теперь спор между отцом и сыном был окончен. Во всяком случае, новости, привезенные бароном Эташем, были верными.

Дени зевнул. В сундуке не хватало воздуха. Он услышал глухой удар, когда Эташ швырнул в угол сапоги для верховой езды, затем до его ушей донеслись лязгание и звон – барон вешал свой меч и пояс на колышек, вбитый в стену.

– Как умер король Генрих? – приглушенно спросила Иоланда.

– Жалкой смертью, так Аймар сказал, – ответил Эташ. – В этом кувшине осталось вино?

Барон жадно, большими глотками пил вино, производя такие звуки, словно лакала собака. Он тяжело вздыхал и сетовал.

– Боже, как я устаю от верховой езды. Я уже не тот, что был в юности, – говорил он.

Дени услышал, как заскрипела кровать, когда барон опустился на край, и легко представил волосатое брюхо, отвисшее до колен. Затем раздались сладострастные стоны и какой-то скрежет, над происхождением которого Дени ломал голову, пока не сообразил, что Эташ с наслаждением скребет голени в тех местах, где его чулки терлись о спину лошади.

– Жалкой смертью, – повторил он, будто сама мысль об этом доставляла ему удовольствие. – В Шиноне. Он отправился туда после скверного разговора с Филиппом. Говорят, после его смерти слуги разворовали все, что было в доме, и ограбили мертвеца, так что он лежал там совершенно голый. Какой-то мальчишка набросил на него летний плащ. – Он хихикнул. – Аймар сказал, что его обычно называли Генрих Короткий Плащ, стало быть, он окончил жизнь в соответствии с прозвищем⁴⁵. И жил в соответствии с ним. Понятно? – он фыркнул и задохнулся от смеха. – Что ж, Господь да упокоит душу этого старого черта, – продолжал он, устраиваясь в постели и ворочаясь с боку на бок. Дени показалось, что кровать вот-вот развалится.

– Во всяком случае, это положило конец нашим разговорам. Никто не знает, что случится дальше. Ричард – король Англии! Завтра я пошлю за управляющим и еще хочу созвать всех кастелянов... – сонно добавил он напоследок.

– Бедняга, – всхлинула Иоланда; любое несчастье всегда трогало ее сердце, даже если к ней оно не имело никакого отношения. – Лежать одному и в таком виде. О Боже мой, какая ужасная смерть! – Она представила себя на его месте, покинутую и ограбленную, представила свое прелестное, брошенное на поругание мародеров тело. – Я должна сию минуту встать и помолиться за душу несчастного.

– Закрой рот, – любезно сказал ее муж. – Утром молись, о чем угодно. Дай мне немного поспать. Я два часа провел в седле.

Наступила тишина, нарушаемая время от времени едва слышными всхлипами Иоланды и редким похрапыванием Эташа.

⁴⁴ Джон Лэкленд – будущий король Англии Иоанн Безземельный (1167 – 1216, правление с 1199 г.), потерявший значительную часть английских владений во Франции. Здесь неточность автора: прозвище «Лэкленд» («Безземельный») брат Ричарда получил гораздо позднее, уже в свое правление, после потери земель на континенте.

⁴⁵ ... в соответствии с прозвищем. – Неточность автора. Генрих Короткий Плащ – прозвище одного из сыновей Генриха II Плантагенета, так называемого короля-юноши, скончавшегося в 1183 г.

У Дени затекла шея. Ему удалось протиснуть одну руку под голову и осторожно размять кончиками пальцев одеревеневшие мускулы шеи. Он думал, что придется ждать еще по меньшей мере полчаса, пока барон заснет достаточно крепко, и только потом осторожно выбраться наружу. Его занимало, вправду ли Иоланда совсем забыла о нем, и весьма на это надеялся. Менее всего он желал, чтобы она принялась вздыхать и проливать слезы над ним самим в такой час и при таких забавных обстоятельствах.

Он попытался успокоиться, повторяя про себя избранные строфы.

Ричард хотел, чтобы он привез новую песню... Необходимо соблюдать осторожность в том, что касается содержания песни, написанной для короля. С баронами иметь дело довольно трудно, но графы и герцоги еще более обидчивы, а что уж говорить о королях! Сочинить элегию⁴⁶ на смерть старого Генриха? Возможно, было бы разумно вообще не упоминать о старике. «Я знаю одного короля, владения которого залиты солнцем...» Милостивый Бог, нет. Известно, что в Англии так же пасмурно и сыро, как если бы она лежала на дне Узкого моря⁴⁷. Говорят, что в Англии день и ночь отличаются друг от друга единственно тем, что днем люди выходят на улицу под дождь, а ночью – нет. Английские петухи не кукарекают, а булькают. «Я знаю одного короля, владения которого обширны и пропитаны влагой...» Это не особенно расположит его к гостеприимству.

Он сочинял песни, и все его песни были пропитаны дождем. Все время вспоминался тот менестрель, которого он однажды встретил в промозглой харчевне. Тогда снаружи бушевало ненастье – дождь пополам со снегом. В ту зиму ему так и не удалось как следует согреться – когда лицо уже начинал обжигать огонь очага, спина застывала от холода.

Он вспомнил, как в возрасте семи лет его отослали служить пажем⁴⁸ в замок кузена отца, Раймона из Бопро. Окоченевшие пальцы, замерзший нос. Шестеро детей, свернувшихся калачиком под одной овчиной, чтобы сохранить тепло, дрожавших от холода и от тоски по родному дому. Они походили на мышек. «Мыши в амбаре. Я не должен забывать об этом», – подумал он. Голенькие мышата, устроившие теплое гнездышко и затевавшие невинные игры, чтобы не замерзнуть; они толкались, хихикали и болтали без умолку, и это помогало забыть тепло домашнего очага, белье, благоухающее лавандой, и ласковые материнские объятия. В замке сеньора Раймона было холодно, всегда холодно и всегда сыро. Сыростью тянуло из переполненных водой крепостных рвов. А дома, в Куртбарбе? Там река была более приветлива. В заводях резвились рыбы, лягушки. Там рос высокий камыш, служивший копьями в играх сыновей Аймона.

Четверо сыновей Аймона. Из всех воспоминаний это было самым приятным для него. Он лежит, зарывшись в подстилку из сухого камыша, на теплых камнях подле очага и следит, как хлопья снега мягко падают сквозь дымовое отверстие в крыше зала; он укрыт медвежьей шкурой, а нога его матери, обутая в тифельку из мягкой кожи, покоится у него на спине, порой ласково подталкивая... А менестрель, коленом придерживая свою арфу, поет песнь о четырех сыновьях Аймона.

Обычно он думал о трех своих братьях, уже покинувших родное гнездо и где-то служивших пажами. Старший, Роже, был уже достаточно взрослым, чтобы начинать учиться владению оружием.

В тот вечер у него не возникло тревожного предчувствия, что очень скоро двери родного дома захлопнутся и за его спиной и он будет отослан – учиться всему тому, что надлежало знать и уметь человеку знатного происхождения. Он знал, что когда-нибудь этот день насту-

⁴⁶ Элегия – произведение стихотворного жанра, написанное элегическим дистихом, в основном грустного, медитативного содержания.

⁴⁷ Узкое море – пролив Ла-Манш.

⁴⁸ Паж – в средневековой Европе юный дворянин, проходивший подготовку к посвящению в рыцари в качестве личного слуги при дворе крупного феодала или монарха.

пит, однако о будущем у него было весьма смутное представление. Будущее не простиралось дальше завтрашнего дня, когда он станет выслеживать в лесу зайцев по следам на снегу. Менестрель, не спуская с хозяина пронизательных глаз, пел об Аймоне, о том, как император Карл Великий⁴⁹ сам лично в праздник Рождества Христова посвятил в рыцари четырех высокородных братьев: Рено, Алара, Гишара и Ришара, о том, как Рено в гневе убил племянника императора шахматной доской, и о том, как Аймон, примерный вассал, предпочел стать врагом собственных сыновей, нежели предать своего сеньора. Пел он и о том, как четверо несчастных в нищенском рубище вернулись домой в Дордонь и их мать, едва признавшая их в том убогом виде, бросилась к ним, рыдая: «Рено, сын мой, не скрывай, если и вправду ты есть Рено, тогда во имя Господа, который всемогущ, признайся мне». И все, кто присутствовал в зале и внимал песне, тяжело вздохнули.

В глазах матери засверкали слезы и тихо покатались по щекам. Дени, подперев голову руками, сонно смотрел на нее и твердил про себя: «Не плачь, мама. В конце все будет хорошо, и я отправлюсь в Святую Землю. Я, Дени (он мнил в тот момент себя взрослым, не ребенком), стану святым».

Он усмехнулся. Не много святости он нашел в доме кузена Раймона. Он был мальчиком на побегушках, носился из конюшни на кухню, от псарни в спальню, всегда по чьему-нибудь приказу: «Эй, как там тебя, поддержи-ка этот моток шерсти... Иди сюда, малыш, подай мне скамеечку, мою иголку, мое веретено... Стой здесь с этой чашей... Беги на кухню и принеси для ребенка хлеба, размоченного в молоке». И так до бесконечности, пока, дойдя до полного изнеможения, он не научился дремать стоя, улучив минуту и забившись в укромный уголок. Когда ему минуло восемь, он уже умел чутко сквозь сон приближение человека, готового дать ему тумака или вывести из блаженной дремоты, обременив новым поручением. «Только так ты сможешь стать настоящим рыцарем, в услужении закалив добродетель. Рыцарю надлежит быть почтительным и услужливым. Пусть Жан-крестьянин балует своих детей сейчас, они потянут плуг позже. Что касается вас, то если вы надеетесь когда-нибудь препоясаться мечом и повелевать людьми, то должны научиться властвовать собой». Так этот добрый капеллан⁵⁰ Феликс, подобно наседке, кудахтал над пажами и оруженосцами помоложе, отдавая всех сильным запахом сырого лука. Этим ароматом он пропитался насквозь, ибо истреблял луковицы, точно яблоки, ради смирения и как средство от насморка, которым он страдал с сентября по май. *Dominus vobiscum. Et tibi pax*⁵¹, капеллан Феликс. Божьей милостью ты уже давно должен был превратиться в чистейший луковый сок, если от тебя вообще что-нибудь осталось.

Однако пребывание в замке имело одно неоспоримое преимущество, а именно то, что сеньор Раймон благоволил менестрелям и труверам и окружал себя ими в таком количестве, какое отец Дени ни за что бы не потерпел. С восьми лет Дени начал учиться игре на арфе и виоле и подражать стихам некоторых из гостей. А также он слышал великое множество песен, волнующих и повергающих в трепет баллад: «Песнь о Гильеме», «Песнь о Роланде», «Песнь об Уоне» и дюжины других. Каждую населял целый сонм достойных героев, в каждой обильно лилась кровь, крушились кости и вытекали мозги, а головы нехристей свистели в воздухе подобно ядрам катапульта. Гарен, вырвавший сердце своего врага собственными руками, Журден, отрезавший ухо у предателя Фромона...

Журден. Он почти полностью забыл эту песню. Господи, он слышал ее один-единственный раз, должно быть, в возрасте двенадцати лет и так сильно испугался, что не смог дослушать до конца и заткнул уши. Но почему? Он не помнил этого, как не помнил ни одной строчки из

⁴⁹ Карл Великий (742 – 814) – франкский король с 768 г., император с 800 г., из династии Каролингов. Его завоевания Лангобардского королевства в Италии и области саксов привели к образованию обширной империи.

⁵⁰ Капеллан – священник при часовне (капелле) или домашней церкви при замке.

⁵¹ *Dominus vobiscum. Et tibi pax*... – Да пребудет с тобой Господь. Мир праху твоему (лат.).

песни, ничего, кроме одной смутной картины – может, то был сон? – будто некто (возможно, даже и не Журден?) нанес удар мечом по шлему, изукрашенному позолотой и усеянному драгоценными камнями, и клинок скользнул так, что отрубил ухо противнику, не повредив самого шлема. Отчего это повергло его в такой ужас? Ему доводилось слышать истории и похуже. Почему именно этот сюжет произвел на него столь тягостное впечатление, посеяв в душе ядовитые ростки страха, ведь, в конце концов, это было всего лишь ухо, ухо предателя?

...Во сне он отчетливо видел сумрачный зал с высокими сводами, освещенный адскими факелами с ореолом, вроде того, какой появляется, если зажмуриться. В зале находился длинный пиршественный стол. За столом сидел Фромон, оскалив свои острые зубы и облизывая языком, подобным змеиному жалу, кроваво-красные губы. Медленно опускается меч, и его, Дени, собственные руки сжимают рукоять. Драгоценные камни – огромные карбункулы, смарагды⁵², неотшлифованные алмазы, бериллы, точно застывшие капли морской воды, – брызгами разлетелись в разные стороны. Фромон, елейный толстяк, протянул ему блюдо, на котором лежали хлебный нож с закругленным концом и салфетка. Он, Дени, поднял салфетку и с отвращением отшатнулся – на блюде лежало отрезанное ухо. Он резко оттолкнул от себя тарелку. Фромон настаивал.

– Пожалуйста, возьми это, – сказал он. – Для своей же пользы. Как ты собираешься стать рыцарем, когда вырастешь?

– Я не хочу быть рыцарем, – отвечал Дени. К горлу подступали рыдания.

– Твоя мать очень рассердится, – говорил Фромон. Он взял метлу и принялся выметать из-под камыша, устилавшего пол, кровь, превратившуюся в кристаллы. Кровь звенела, точно осколки битой посуды.

Журден спрыгнул прямо с небес или с потолка, мягко приземлившись на ступни.

– Вот как надо делать, – сказал он. – И размахнуться правой рукой, вот так! – Он показал, как именно, с помощью большого деревянного меча. – Видишь? Ты бьешь негодяя под руку в тот момент, когда тот поднимает свой щит. – Он подмигнул. – Если ты верно действуешь мечом, то можешь разрубить его надвое. Это будет ему хорошим уроком. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил Дени. – Но мое ухо, вы делаете мне больно.

И в самом деле кто-то тащил Дени за ухо, будто хотел вовсе оторвать его. Краем глаза он заметил, как его ухо исчезло в темноте. Крик ужаса и боли застрял в горле, и он захныкал, обхватив голову руками:

– Пустите. Пожалуйста, пустите.

Он пробудился ото сна в полном замешательстве, смутно припоминая, где он находится. Крышка сундука была откинута, и кто-то помогал ему выбраться. Он так долго пробыл в скрюченном положении, что все тело одеревенело. Он невольно вскрикнул, когда попытался выпрямиться.

– Тсс! – прошипел кто-то.

– Это вы, госпожа? – простонал он.

– Нет, не она, – произнес голос, принадлежавший барону Эсташу. – Ты шумел достаточно громко, чтобы разбудить и мертвого. Она может спать, невзирая ни на что, но будь я проклят, если б не проснулся сам от такой возни. Послушай, трувер, у меня был трудный день, я больше двух часов провел в седле. Убирайся отсюда к дьяволу.

– Монсеньор, я...

Эсташ сунул Дени в руки его одежду, пробормотав:

⁵² Карбункулы – старинное название густо-красных прозрачных минералов – рубина, пиропы и др. Смарагды – старинное название изумрудов.

– О, Христос, мои рубашки... Вон! Я слишком устал, чтобы наказать тебя сейчас. Кроме того, все слышаны о трубадурах... – Он сильно толкнул Дени к двери. – Что бы ты тут ни делал, не попадайся мне утром на глаза.

Прихрамывая, он поплелся назад, в постель, и захрапел еще до того, как Дени достиг последней ступени лестницы.

Глава 2

Англия

Дневник Дени из Куртбарба. Отрывок 2-й.

Седьмой день до шольских ид, 1189. В сей день я прибыл в город Сомюр, где граф Пуату содержал двор, перебравшись туда из Фонтевро, в котором был погребен его отец, король Генрих. Я размышлял о нем, пока карабкался на холм, на вершине которого стоял замок, и в моей памяти всплыли строчки прославленного плача, что был написан Бертраном де Борном на смерть короля-юноши, брата Ричарда:

Если б собрать нам все множество бед,
Слез и несчастий и тяжких докук,
Слышал о коих сей горестный свет,
Легок сейчас оказался б их выюк,
Ибо наш юный английский король
Умер...

Едва ли кому-то придет в голову сочинить подобный плач на смерть старого короля, зато благодарственные молитвы по поводу его кончины будут возноситься многими, как если бы пала наконец некая старая крепость, бывшая разбойничьим гнездом. Со всех сторон до меня доносились слухи о милосердии Ричарда, как, например, в случае с Уильямом Маршалом, могучим воином и лучшим из рыцарей, который в прошлом выступал против него из преданности своему королю и которого он ныне легко простил и возвеличил. И еще говорили, что его щедрость не знает границ и он, в духе пословицы, подает обеими руками. Это весьма радовало мое сердце.

Однако мне предстояло еще многое преодолеть, чтобы вкусить от его щедрот. Было не так-то легко подступиться к графу (ибо именно так его продолжали величать, поскольку он еще не стал королем и не станет, пока не отправится в Англию принять корону). Готов поклясться, что все труверы, менестрели, жонглеры, певцы и танцоры, во множестве бродившие по дорогам Франции, подобно пчелиному рою устремились теперь к новой пчелиной матке, так что я не только не смог подойти к замку ближе чем на сто шагов, но первую ночь мне пришлось провести под сводами моста через Луару за неимением лучшего пристанища. Там было ужасно сыро, к тому же ночью пошел дождь, потому я укрыл арфу своим плащом, а сам сидел до рассвета, дрожа и чихая. Наутро я охрип и простился с надеждой хорошо петь, а позже в тот день граф выехал из замка со всей своей свитой и поехал по дороге в сторону Сизы. Путешествие продлилось пять дней, а затем и еще пять до Руана, и все это время я держался в хвосте этого кортежа вместе с сотней других бедолаг, питавшихся черствой коркой и надеждой.

Руан – большой и красивый город, главная часть которого расположена на северном берегу реки Сены и соединена мостом с противоположной стороной, где раскинулись красивые предместья. Там я и нашел временный приют в доме торговца. Он удовлетворился обещанием, что я буду петь ему те самые песни, которые так нравятся норманнам⁵³, в основном о войне. Ибо не зря говорят: «Север любит войну, а юг предпочитает жизнь». В четверг, который приходился на тринадцатый день до августовских календ, в кафедральном соборе граф

⁵³ Норманны – здесь: феодалы Нормандии, выходцы с севера Франции.

Ричард принял меч и стяг герцогства Нормандского. Церемонию совершил архиепископ Руана, и присутствовавшие при сем событии пропели *Jubilate*⁵⁴. Я пришел туда, желая хотя бы одним глазом взглянуть на графа Ричарда, что и сделал, когда он вышел на ступени собора, чтобы принять от своих подданных присягу на верность. Он выглядел весьма величественно в прекрасной пурпурной мантии на беличьем меху, увенчанный герцогской короной. Когда я стоял в этой огромной толпе, заполнившей всю площадь, я почувствовал, как чья-то тяжелая рука опустилась мне на плечо, и, обернувшись, узрел Понса де Капдюэйля, которого не видел целых шесть лет. Вот послушайте и узнаете, каким великим благом явилась эта случайная встреча благодаря покровительству блаженного св. Дени и вмешательству Пречистой Девы.

Мы с Понсом обнялись и, выбравшись из толчеи, направились к берегу реки, где находилось несколько винных лавок для моряков и рыбаков, живших неподалеку. Мы уселись, и после того, как оба выпили, Понс поведал мне, что недавно прибыл из Бове, где господин епископ радушно принимал его у себя около года. Но затем между ними произошла размолвка из-за каких-то пятидесяти фунтов – денег из Парижа, которые нашли прямую дорогу из кошелька епископского чиновника, ведавшего раздачей милостыни, в руки достойного бедняка. «Но, разумеется, у епископа не было причин сожалеть о столь богоугодном деянии?» – заметил я. И на это Понс ответил: «Ты справедливо рассудил, Дени, это было богоугодное дело, ибо, Господь свидетель, я не могу назвать другого бедняка, столь достойного милости, как я сам. Но епископы, как тебе известно, особенно подвержены алчности и скарденности, и я, будучи человеком великодушным, не смог более оставаться с ним, ибо клянусь спасением своей души в том, что ставлю милосердие превыше других добродетелей в священнослужителях».

Затем мы заговорили о графе Ричарде, и Понс рассказал мне, что надеялся получить кое-какую награду за песнь, которую он сложил в честь Ричарда. Именно это привело его в Руан, но теперь он увидел, какое множество трубадуров собралось здесь с той же целью, и потому решил вновь отправиться на юг, возможно, во владения графа де Сен-Жиля, и преподнести ему ту же самую песнь. Я сказал ему, что граф Раймон не питает любви к Ричарду, хотя и поклялся тому в верности. Тогда Понс ответил, что, благодарение Господу, в имени Раймон такое же число слогов, сколько и в имени Ричард, и не столь уж большой труд заменить в песне одно имя на другое. Еще он сообщил мне, что живет в доме некоего доброго человека, ткача, который был весьма польщен, что под его кровом ночует трубадур столь благородного происхождения и повсеместно прославленный, так что вовсе не возьмет с него денег, если только Понс не заставит его. Далее Понс сказал, что не уедет из Руана, пока Ричард не покинет провинцию, поскольку такое скопление рыцарей и баронов в городе непременно сулит множество развлечений – игру в кости, в мяч и турниры, приняв участие в которых мужчина вроде него вполне может добыть и деньги, и рыцарские доспехи. Ему очень нравились турниры, а так как он был высокого роста и хорошо сложен, то часто побеждал своих соперников и в качестве приза забирал их вооружение и коней. Что же касается азартных игр, то он так же любил игральные кости, как и монахи свои четки. Я обещал, что навещу его завтра в его жилище, и на том мы расстались. Но прежде, когда настало время платить за выпитое вино, Понс вскричал, что – увы! – он забыл кошелек и не имеет при себе ни су. С улыбкой обняв меня, он попросил заплатить за двоих и заверил, что отблагодарит. Денег у меня не было, и потому в уплату я оставил свой кинжал с серебряной рукоятью, внутри которой находился кусочек дровца одной из стрел, от которых принял мученическую смерть св. Себастьян⁵⁵, и я считал, что поступаю дурно, расставаясь с этим сокровищем таким образом.

⁵⁴ *Jubilate*– «Возрадуйся» (100-й псалом).

⁵⁵ ...принял мученическую смерть Св. Себастьян... – Святой мученик Себастьян (250 – 288), бывший воином римской императорской гвардии, за приверженность христианству был расстрелян из луков.

В тот же самый день граф Ричард оставил город и направился в крепость Жизор, где, как я слышал, он позднее встретился с королем Франции. Ныне, когда старый король умер, они торжественно пообещали прекратить вражду и относиться друг к другу дружественно. И поскольку они раньше приняли крест, то теперь поклялись вместе отправиться в крестовый поход в следующем году по наступлении Великого Поста. Поговаривали, что, когда граф покинул Жизор, крепостной мост рухнул под его тяжестью и он вместе с конем провалился в ров с водой. Некоторые полагали в том дурное предзнаменование, но лично я думаю, будто этот случай произошел вследствие естественных причин, ибо Ричард выделялся среди прочих мужей мощным телосложением и большим весом.

Итак, в тот же вечер, узнав новость об отъезде Ричарда в Жизор, я глубоко задумался о том, как мне поступить дальше. Я рассудил, что извлеку мало пользы, если буду тащиться во след ему подобно шлейфу дамского платья, который собирает по пути всю грязь и пригоден только на то, чтобы отшвырнуть его прочь с дороги. Оставалось или бросить дальнейшие попытки обратить внимание Ричарда на свою особу, или же отправиться в Англию и там попытаться приблизиться к нему, когда он приедет. Последняя мысль показалась мне удачной, ибо к тому времени уменьшится число придворных в свите, а также отстанут многие трубадуры, которые не смогут заплатить за проезд на корабле через Узкое море. Но с другой стороны, я находился в том же положении: я и сам мог с тем же успехом перелететь через пролив, с каким заплатить за проезд. Поэтому я преклонил колена в своей комнате и молил св. Дени и Пресвятую Деву помочь мне, а затем с тяжелым сердцем отправился в постель.

На следующий день, незадолго до вечерни⁵⁶, когда дневная жара немного идет на убыль, я не спеша пересек мост и, очутившись в главной части города, отправился в квартал ткачей к дому, где поселился Понс. Едва я приблизился к нему, как на улицу вышел сам Понс в компании двух благородных сеньоров, одетых в легкие летние накидки пестрой расцветки. В одном из них я узнал молодого рыцаря Жерве де Танкарвиля, сына обер-гофмейстера⁵⁷ Нормандии, весьма великодушного и щедрого юношу, однако чрезмерно склонного к разврату; второй кавалер был мне неизвестен. Понс поздоровался со мной и сказал, что они идут домой к Жерве играть в кости, а затем Жерве радушно пригласил меня присоединиться к их обществу, если я ничего не имею против. Мы вместе двинулись дальше, весело распевая. По пути Понс взял меня под руку и отвел немного в сторону, как будто собирался помочиться у стены дома. Он тихо зашептал мне на ухо: «Эти двое – алчные люди, весьма страстные игроки. В твоем кошельке есть деньги?» В ответ я показал ему, что кошель пуст, за исключением освященного оловянного медальона с изображением св. Тома⁵⁸, имевшего сходство с серебряным пенни. Я надеялся подсунуть его вместо настоящего, если мне посчастливится напасть на хозяйина таверны, когда тот будет слишком занят, чтобы повнимательнее рассмотреть вещь. Понс сказал: «Понятно. Дени, дай мне тогда твой кошель и позволь вручить тебе мой, полный денег. Поскольку я знаю тебя как человека честного, то, возможно, не потеряю голову во время игры. А тебе вовсе не следует принимать в ней участие». С этим я согласился, и мы продолжили путь.

Итак, мы подошли к красивому дому, которым семья Танкарвиль владела в этом городе, и вступили в великолепный зал, где за столом трое или четверо мужчин уже играли в карты. Жерве угостил нас вином, а после того, как игра завершилась, потребовал кости, объявив, будто предчувствует удачу, и поклявшись, что три раза из трех выбросит нужное число очков. «Не успел я проснуться сегодня утром, – объяснил он, – как увидел в саду семь скворцов, которые взлетели четверкой и тройкой, и поэтому семь – мое число». Тогда они все хором

⁵⁶ Вечерня – 6 часов вечера.

⁵⁷ Обер-гофмейстер – придворный чин управителя дворцовым хозяйством и штатом придворных (здесь – в Нормандском герцогстве); также председатель дворцового суда и совета.

⁵⁸ Св. Тома – здесь имеется в виду один из апостолов Иисуса Христа, известный в православной традиции под именем Фома.

закричали, что одному из них, Гильему де Клеру, надлежит следить за игрой и принимать ставки, и все они заключили между собой пари на удачу Жерве. Тот сказал Понсу: «Давай, мой верный друг, дорогой Капдюэйль, побейся со мной об заклад». Понс вместо ответа вынул с удрученным лицом мой кошель, открыл его и сказал: «Видит Бог, у меня нет ни пенни, но я попытаю счастья с тем, что мой друг Дени из Куртбарба одолжит мне». Когда я услышал его слова, у меня не осталось иного выбора, кроме как достать его кошелек, туго набитый серебряными монетами, и дать ему, сколько он попросил, – пять денье.

Вслед за тем они сыграли; назначенные Жерве семь очков выпали, когда он метнул кости в первый раз, как шесть и одно, и во второй – тоже семь. Они потребовали еще вина; ставки между тем удвоились. Понс играл на деньги, которые выложил на стол, а Жерве вновь заказал семь очков и сорвал удачу, выбросив «три» и «четыре». Признаться, ему необыкновенно везло, никогда я не видел ничего подобного. Они продолжили игру с еще большим азартом. Все дружно рвались к столу, и меня понемногу оттеснили в сторону, так что в конце концов я оказался стоящим в одиночестве у дверей.

И в этот миг мои глаза застлало туманом. Мне как будто явился призрак, похожий на блаженного Дени, державшего на ладонях свою увенчанную митрой голову, и ее губы улыбались мне, и голос произнес тихо, но отчетливо: «Возлюбленный сын мой, иди вперед и плыви на корабле в Англию, как ты хочешь, ибо, смотри, ты держишь деньги в своих руках».

И тут меня вынесло на улицу без малейшего усилия с моей стороны, и столь же чудесным образом я был перенесен за пару дней в порт Онфлер, где нашел судно, отправлявшееся с грузом вина в Портсмут. Я заплатил за свой проезд, а также за перевозку коня, которого купил перед тем, как покинуть Руан. Я вручил свою судьбу в руки Господа и пустился в плавание по вздымающимся волнам.

Не могу сказать, как долго длилось наше путешествие по морю, ибо все это время я пребывал во власти великого душевного смятения и прискорбного страха смерти. К тому же меня так выворачивало, что мне казалось, будто я вот-вот выплуну изо рта подошвы своих ног. Но Бог позаботился о корабле – ну и, конечно, вместе с Господином Шкипером, который ни на мгновение не отходил от штурвала и покатывался со смеху (я даже заподозрил, будто он обезумел), приговаривая, что это плавание спокойное и легкое и то, что я принимаю за волны, на самом деле не более чем рябь в садке для разведения рыбы. Тем не менее едва я вновь ступил на твердую землю, как преклонил колена и возблагодарил Создателя за то, что он счел целесообразным сделать меня человеком благородной крови, а не моряком. Итак, я воочию убедился, что в стране англичан вовсе не так сыро, как мне говорили, ибо светило солнце, а жницы в поле трудились, подоткнув подошвы своих юбок. В Портсмуте я отдыхал и восстанавливал силы, пока земля не перестала качаться у меня под ногами; премного восхитил меня этот большой и оживленный порт. Население города исчислялось многими сотнями, и все же, как ни странно, он не пользовался привилегиями, закрепленными королевской грамотой, что являлось причиной некоторого недовольства среди его жителей. Отсюда на север, в направлении Лондона, шла дорога, которая вела мимо Чичестера, а оттуда в Гилфорд, и я отправился в путь в компании нескольких монахов из общины кафедрального конвента Чичестера, которые приехали в Портсмут купить пеньку и деготь, а также все необходимое для постройки нового собора на месте недавно сгоревшего и теперь возвращались домой. Я не знал ни слова на их языке, но их управитель был из хорошей семьи и говорил по-французски, и с его помощью я мог с ними беседовать. По дороге я пел им песни, и когда мы прибыли в Чичестер, они взяли меня с собой, приютили на ночь и превосходно накормили, когда же я вновь собрался в путь, их настоятель велел приготовить мне в дорогу запас хлеба, сыра и вяленой рыбы в таком количестве, чтобы хватило до конца путешествия. Он также объяснил, что, миновав возвышенность, называемую Дауне, до которой верхом можно добраться менее чем за один день, я окажусь поблизости от

местечка Палборо, где недавно был основан монастырь ордена бенедиктинцев⁵⁹, а его приор даст мне кров.

Я ехал через Даунс. То были меловые горы, довольно пологие, не очень высокие, поросшие старым могучим лесом. Погода стояла чудесная, на душе было легко и радостно, слух улаждало пение жаворонков. В середине дня, добравшись до места, откуда начинался отлогий спуск вниз, я подкрепился немного хлебом и сыром и с высоты обозрел всю долину, широко раскинувшуюся у подножия горы. Далеко внизу сквозь деревья я смог разглядеть полосы вспаханной и засеянной земли, пастбище, соломенную крышу и квадратную башню церкви. Этот край показался мне богатым и плодородным. Затем я вновь сел на лошадь и стал спускаться по склону, ослабив поводья и уронив голову на грудь. Я сомлел под палящими лучами солнца; и таким вот образом, сам не знаю как, я сбился с пути, свернув не на ту дорогу, и даже не подозревал об ошибке, ибо совсем не знал эту страну. Итак, я ехал прямо, вдоль общинного пастбища, где паслась отара овец и трое или четверо мужчин, лежа под сенью дерева, вели меж собой беседу. Я натянул поводья и, окликнув их, произнес по буквам название монастыря, о котором мне говорили. «Хардхем?» – выговорил я, стараясь изо всех сил одолеть варварское произношение английского слова.

Они поднялись с земли, подошли поближе и остановились, в упор рассматривая меня. Они были одеты в довольно чистые рубахи и чулки, подвязанные по английской моде, с ножами у пояса и длинными пастушьими посохами или палками в руках. Один из них, рослый человек мощного телосложения, заговорил на своем ужасном языке, остальные заворчали с одобрением. Они приблизились вплотную, первый схватил меня и грубо стащил с седла.

Мне не понравилось, как со мной обошлись, тем более они были простолюдинами: во Франции крестьяне, подобные этим, никогда бы не осмелились повести себя так дерзко. Я вырвался из их рук и выхватил свой меч, прислонившись спиной к крупе лошади. Весьма сдержанно я выразил негодование по поводу столь неучтливой обращения с путешественниками, между тем раздумывая про себя, что лучше: броситься на них или попытаться вскочить на коня и умчаться прочь, пока они не напали на меня. Они стояли, внимательно наблюдая за мной и переговариваясь, бросая в мою сторону весьма злобные взгляды. Я стал сожалеть, что вообще решил покинуть свою страну и оказался среди таких диких и невежественных людей.

И вдруг я услышал топот копыт и увидел, как через луг едет всадник с соколом на руке, а позади него – слуга с перекинутым через седло насестом для сокола и еще один человек, вооруженный коротким луком и мечом. По соколу, которого он держал, я определил, что первый всадник может быть только рыцарем или землевладельцем, и потому я окликнул его со словами: «Милостивый государь, если это ваши псы, прогоните их прочь».

Когда он подъехал ближе, я смог лучше рассмотреть его и увидел, что у него светлые волосы и приятное лицо, светившееся таким дружелюбием и добротой, что я помимо воли проникся к нему искренней симпатией. Он приветствовал меня и сказал: «Боюсь, это люди из моего поместья», – и повернувшись к ним с улыбкой, заговорил на их языке, хотя и несколько неуверенно, как мне показалось. Вслед за этим они сплюнули на землю, понурились и побрели прочь.

Незнакомец пояснил, что они не намеревались причинить мне вреда, их поведение было ничем иным, кроме как обычной грубостью английских простолюдинов. «Они точно дети, – сказал он, – они подчиняются не столько голосу разума, сколько доброму слову и мягкому обращению или же розге». На это я ничего не ответил, однако спросил, как далеко находится Хардхемский монастырь. Он рассмеялся и сказал, что я изрядно отклонился от правильного пути, удалившись на два лье⁶⁰ от главной дороги. Он сказал, что его зовут Артур из Хастин-

⁵⁹ Бенедиктинцы – члены католического монашеского ордена, основанного ок. 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Италии.

⁶⁰ Лье – французская мера длины, равная 4 км.

джа, и настойчиво уговаривал поехать с ним, ибо в его доме я смогу отдохнуть. А заметив мою арфу, висевшую в сумке позади седла, он заявил, что не многие трубадуры и менестрели навещают в эти отдаленные места, и он сочтет за великое одолжение, если я соглашусь сыграть и спеть для него что-нибудь по своему выбору. И речь его, обращенная ко мне, была столь приятна и учтива, что я не смог отказать ему, отправившись вместе с ним и не предполагая того, что вскоре осуществится мое желание, во исполнение коего я приехал в Англию.

* * *

Первое впечатление Дени о добродушии и жизнерадостности незнакомца оказалось верным: Артур из Хастинджа был человеком, не утратившим к двадцати пяти годам внутренней гармонии. От природы он обладал уравновешенным характером и редкостным дружелюбием и никогда не думал дурно о других; он очень любил жизнь, и столько всего занимало его, что в его душе не оставалось места для зависти, ненависти или алчности. Он дал вассальную клятву епископу Чичестерскому и был обязан нести рыцарскую службу за четыре хайды⁶¹ земли, к тому же, по другому соглашению, за плату в размере двух свиней и одной овцы ежегодно имел в своем держании еще участок земли, принадлежавший Фекампскому аббатству. Его соседи были весьма приветливыми людьми. С одной стороны лежали земли Мод Фитцлерой, связанной узами вассалитета с лордами Хотерива, а с другой – владения предприимчивого семейства из ла Ли, члены которого прославились как большие мастера улаживать различные споры и любители основательно поесть. Артур жил в довольно большом и сыром замке, наполовину каменном, а наполовину деревянном и покрытом штукатуркой. Замок был хорошо защищен добротным частоколом. Артур был холост, но время от времени вступал в плотскую связь с любезной и привлекательной вдовушкой из числа своих держателей земли, которая заменяла любовными играми уплату своей ренты. Его мать, весьма внушительная старуха, которой, по досужим слухам, исполнилось уже сто три года, бдительно следила за его управляющим и заботилась о том, чтобы в отчетах не было никакого надувательства. Таким образом, дела Артура шли недурно, а его земли стоили несколько больше рыцарского вознаграждения в размере двадцати фунтов, положенного за вассальную службу.

Он был посвящен в рыцари в возрасте двадцати двух лет своим сеньором, милейшим епископом. С тех пор прошло три года, и за это время он лишь дважды обнажал свой меч: первый раз во время набега банды грабителей, который был успешно отражен, и второй – когда он подвергся нападению разъяренного, ополоумевшего гусака на скотном дворе поместья. В обоих случаях он держался с обычным для себя добродушным мужеством. Несмотря на то, что его жизнь протекала спокойно, Артур вполне уважительно относился к рыцарским обычаям и с огромным удовольствием слушал рассказы и песни о знаменитых воинах-христианах. Подобно большинству людей знатного происхождения, препоясанных мечом и носивших шпоры, он не умел ни читать, ни писать, но никогда не сожалел об этом упущении. У него был, впрочем, один серьезный изъян, который он с успехом скрывал ото всех, просто никогда не упоминая о своем недостатке, а именно: он был ужасно близорук.

Дени весьма пришелся ему по сердцу, и более близкое знакомство лишь укрепило его симпатию. Поскольку он сам был лишен чувства юмора, изощренный ум других доставлял ему особенное удовольствие. Но кроме того, за рассказами Дени, проникнутыми иронией, его легкомысленной непринужденной манерой вести беседу он чувствовал музыку, созвучную тому наслаждению, которое ему дарили простые проявления бытия. Ибо и теплые лучи солнца, и запах готовых кушаний, ласки возлюбленной и осязание ее нежной кожи, пение птиц и свежесть листьев на деревьях, омытых дождем, – все это приносило ему радость жизни. При всем

⁶¹ Хайда – старинная английская мера площади, равная 80 – 120 акрам, или 32,4 – 48,6 га.

том, что их различало, они оба принадлежали к братству тех, кто способен оценить прелесть окружающего их мира, в отличие от иных, которые идут по своему жизненному пути как по пустыне, в бесплодных поисках единственного источника, способного утолить их жажду. И наконец, поскольку он никогда не удалялся от своего дома дальше чем на пятьдесят миль, он восхищался Дени, который уже попутешествовал немало, от Нормандии до Испании, преодолел путь из Франции в Англию. Дени в его годах был свободен как птица и возил все свое имущество в седельных сумках.

Нельзя сказать, что Дени неохотно остался в Хайдхерсте (именно так называлось владение Артура). Ричард еще не вернулся в Англию. Дорога в Лондон, похоже, была гораздо более длинной и трудной, чем он предполагал. В Англии у него не было друзей, и ему пришлось в голову, что будет невредно их завести. А помимо прочего, он испытывал приязнь к Артуру, ставшую искренним откликом на чистосердечие и доброту этого юноши. Он почувствовал себя как дома и тотчас завоевал расположение престарелой леди Элизабет Хастиндж, целуя ее в морщинистую щеку с таким пылом, как если бы она была самой Изольдой Прекрасной⁶².

– Надеюсь, вы не обидитесь, – как-то застенчиво сказал Артур, – но я пригласил своих соседей пообедать вместе с нами. В конце концов, не каждый день к нам приезжает погостить знаменитый трубадур.

– Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем возможность спеть для вас и ваших гостей, – ответил Дени. – Однако, боюсь, я далеко не столь знаменит.

– Вы проявляете скромность, приличествующую истинному рыцарю, – промолвил Артур. – Но мы не такие невежественные дикари, как вы, возможно, подумали. Даже в этом отдаленном уголке мы слышали ваше имя, наряду с именами Пейре Видаля, Арнаута Даниэля⁶³ и Бертрана де Борна.

Дени зарделся от удовольствия.

– Вы очень добры. Я приложу все усилия, чтобы не разочаровать вас, – сказал он.

Когда они приступили к обеду, зал уже был полон. За столом, стоявшим на возвышении, по правую руку от Артура, на почетном месте, сидел Дени; им также составили компанию леди Элизабет и два самых знатных соседа Артура: леди Мод Фитцлерой и Роберт де ла Ли с супругой, сыном и невесткой. Другой стол, внизу, возглавляли управляющий Артура, его капеллан дон Ансельм, капеллан леди Мод и две дамы из ее сопровождения и еще несколько держателей земли Артура из числа наиболее состоятельных. Каждый старался выказать самые изысканные манеры (сотрапезники вели, понизив голоса, вежливую беседу на незначительные темы до тех пор, пока их несколько раз не обнесли элем⁶⁴ и вином, а говядина и баранина не были убраны, чтобы уступить место сушеным фруктам, орехам и яблочному пирогу).

Роберт де ла Ли распустил свой пояс и осторожно перевел дух. Это был плотный коротышка, столь же широкий, сколь и толстый, имевший густо-красный цвет лица, щетинистые брови и огромные седые старомодные усы той формы, из-за которой норманны обычно называли их *гренами*.

– Восхитительный обед, мой мальчик, – сказал он низким скрипучим голосом. – Совершенно восхитительный. Какого дьявола мы не можем так есть дома, Беатрис? – добавил он, повернувшись к жене.

Она издала слабый невразумительный звук. Артур прополоскал руки в тазике, который подал ему его оруженосец.

⁶² Изольда Прекрасная – по средневековой легенде, супруга корнуоллского короля, в которую был влюблен рыцарь Тристан.

⁶³ Арнаут Даниэль (годы деятельности ок. 1180 – 1195) – дворянин, ученый, оставивший науки и ставший сначала жонглером, т.е. исполнителем песен, а затем – трубадуром. Данте считал его несравненным мастером изысканного стиля.

⁶⁴ Эль – светлые, густые сорта английского пива.

– Благодарю, Роберт, – сказал он. – Это настоящий комплимент, ибо он исходит из уст человека, который умеет воздать должное хорошему столу.

Роберт ухмыльнулся.

– Если бы эти слова сказал кто-нибудь другой, я бы, пожалуй, счел их оскорбительными, – ответил он. – Мой милый мальчик, эта говядина тает во рту, как масло. Я очень разборчив по части говядины. Но, знаешь, я продал свое стадо коров и занялся овцами. Гораздо выгоднее. Эй, Уильям?

Его сын, Уильям, был молодым человеком с грубыми чертами лица и грязными ногтями. Он ухитрился просидеть до конца обеда, не проронив ни слова, за исключением кратких просьб наполнить его кубок или блюдо. Теперь он выдал нечто вроде: «Мм-хм» – и потянулся за еще одним яблоком, которое разломил пополам одним ловким движением сильных рук фермера.

– Верно, – гордо подтвердил Роберт. – Только посмотрите, какая разница. Половину коровьего стада к зиме необходимо забить и засолить в Мартинмесе, но теперь, имея овец, мы обнаружили, что можем получить от них достаточно сыра и шерсти, чтобы оплатить их прокорм. И все же, Артур, мне придется навещать сюда время от времени, чтобы не забыть вкуса телятины. Бьюсь об заклад, у вас во Франции нет такой говядины, сэр Дени.

– Мне говорили, сэр, что английские коровы – лучшие в мире. Я считал, что это пустая похвальба, но теперь не сомневаюсь, что молва правдива, – сказал Дени. Ответ так себе, но это лучшее, что он мог придумать, принимая участие в беседах подобного рода.

Леди Мод, сидевшая с ним рядом, промолвила:

– Вы или неисправимый льстец, или действительно много попутешествовали, чтобы иметь возможность вынести подобное суждение. Лучшие в мире? В самом деле?

Дени повернулся и взглянул на нее.

– Что касается второго, мадам, – сказал он, – мне доводилось обедать в стольких замках, городах и деревушках, что я давно сбился со счета. Что же до первого, то когда б я был льстецом, то, представ перед вами, сделался бы заложником честности, ибо лесть умирает перед лицом истинной красоты.

После этой речи он почувствовал себя немного уверенней. Что же касается дамы, то она вся вспыхнула. Краска залила ее длинную, изящную шею и лицо до корней ее светлых, золотистых волос, полускрытых легкой вуалью. Она обладала самой красивой фигурой из всех дам, когда-либо встречавшихся Дени, и очень большими, круглыми, простодушными голубыми глазами.

– Я вижу, мне следует быть с вами настороже. Боюсь, в вас есть нечто от придворного льстеца, а мы все здесь – скромные провинциалы, – ответила она.

– Леди, я не придворный льстец и не примитивный лгун, – возразил он. – Я француз, и в том, что имеет отношение к дамам, я обязан не говорить ничего кроме правды.

– Что он сказал? – прокаркала леди Элизабет, дернув сына за рукав. – Оруженосец?⁶⁵ Чей оруженосец?

– Он сказал, что он – француз, мама, – объяснил Артур.

– Превосходно! Конечно, он француз. Почему бы и нет? С этими вьющимися волосами и таким красивым лицом? Гореть мне в аду, если бы я сама не стала французенкой, будь я помоложе лет на тридцать – сорок. – Развеселившись при одной мысли о подобном превращении, она пронзительно захохотала, обнажив пять или шесть крупных, основательно стертых зубов, все, что у нее остались. – Послушай, француз, нечего строить глазки этой девушке. Расскажи нам, что нового во Франции. Зачем, ты думаешь, мы устроили званый обед?

⁶⁵ Оруженосец? – В английском языке слова frenchman (француз) и henchman (оруженосец, паж) созвучны.

– В самом деле, Дени, – вмешался Артур, – пожалуйста, расскажите нам о последних событиях. Самые свежие новости мы слышали больше недели тому назад, когда узнали о смерти короля Генриха.

Это была одна из тех новостей, которые они все ожидали с нетерпением, и Дени сделал им одолжение, потешив самым подробным и занимательным рассказом о том, что знал. Они восторженно ловили каждое его слово. Закончив свое повествование, он заметил:

– Естественно, я не могу рассказать о том, что случилось за последние несколько дней. События развиваются стремительно, как вам известно. Но по слухам, граф Ричард уже к середине месяца прибудет в Англию. Если это правда, я хотел бы к тому времени добраться до Лондона.

– У вас есть к королю дело? – спросила Мод.

Он кивнул:

– Если я когда-нибудь смогу подойти к нему достаточно близко, чтобы поговорить.

Роберт де ла Ли пробормотал себе под нос:

– Стало быть, короли поклялись отправиться в Святую Землю на Великий Пост, не так ли? Хм. Хм. Любопытно, Ричард действительно сделает это? Наш милостивый государь покойный король принял крест в восемьдесят семь лет, верно? Однако я побожился своей бессмертной душой, что он так же не собирался идти в поход, как и уступать трон своим сыновьям. Кто-нибудь когда-нибудь мог с уверенностью сказать, что Генрих намеревался сделать? Он смотрел в одну сторону, а удар наносил в другую. Я до сих пор выплачиваю долги, в которые влез из-за Саладиновой десятины⁶⁶ и последнего налога за освобождение от военной службы. Приятный и легкий, к тому же очень богоугодный способ пополнить казну. Вот что это было, его принятие креста. И вы намерены убедить меня, что Ричард не сын своего отца?

– Я уверен, что Ричард очень похож на своего отца, – мягко сказал Артур. – С другой стороны, судя по тому, что я о нем слышал, Ричард настоящий рыцарь, обладающий обостренным чувством чести.

– О, честь! – фыркнул Роберт. – Ты живешь в прошлом. Рыцарство... Кем бы Ричард ни был, он не сэр Тристан...

– Нет, судя по тому, что доходило до меня, он определенно не таков, – хихикнула леди Элизабет, которая прислушивалась к беседе, приложив к уху сложенную трубкой кисть руки. – Тоже мне Тристан! Он любит молоденьких юношей, хорошеньких мальчиков с гладкой кожей, еще не бреющих бороду, вот что мне рассказали. Да ведь он никогда и не протестовал, что его отец спит с этой французской принцессой⁶⁷... как бишь ее? Аделаидой...

– Алисией, мама, – напомнил Артур. – И я, право, не думаю...

– Не надо на меня кричать. Так я и говорила, Алисией. Никогда ни слова им не сказал, хотя предполагалось, что он сам женится на девице. Его больше занимали игры с пажами, осмелюсь заметить.

Артур покраснел.

– Как бы там ни было, это его личное дело, мама. И еще до конца месяца он станет королем, помазанником Божьим, и потому хватит неучтиво отзываться о нем в подобном роде. Что же до крестового похода, я уверен, если он поклялся выступить, то сдержит клятву.

– Послушайте, не поймите меня превратно, – вскричал Роберт. – Не подумайте, что я против крестовых походов. Отнюдь. – Он расколол грецкий орех сильным ударом рукояти кинжала и с набитым ртом продолжил свою мысль: – Мы должны преподать урок этим неверным собакам, чтобы они не вздумали шутить с нами. Если мы этого не сделаем, они пройдут по нашим землям, насилуя наших женщин и сжигая наши дома. Нет-нет, это благое дело для

⁶⁶ Саладинова десятина – налог, введенный в ряде стран Европы для организации крестового похода.

⁶⁷ ...его отец спит с этой французской принцессой... – Принцесса Алисия предназначалась в жены Ричарду.

короля-христианина – отправиться туда, к ним, насилловать *их* женщин и жечь *их* дома. Без всякого сомнения, мой дорогой мальчик. Нет никого, кто бы сильнее меня желал освобождения Гроба Господня. У меня есть свои убеждения, как и у всякого другого. Если его нужно освободить, стало быть, его нужно освободить, и этим все сказано. Но только я говорю, что разумный человек не будет делать ставки на то, что Ричард совершит какой-нибудь героический или рыцарский подвиг, если только предприятие не сулит солидный куш. – Он поднял свой кубок к плечу так, чтобы оруженосцу было удобно наполнить его. – Как по-твоему, Уильям? – спросил он. Уильям, уплетавший за обе щеки изюм, согласно кивнул и, хлопнув по колену свою пухленькую, хихикающую жену, подмигнул ему.

– Запомните мои слова, – продолжал Роберт. – Что бы ни случилось, нам придется заплатить за это. Мы только-только выплатили денежки по щитовому сбору⁶⁸ для последнего похода старого Генриха во Францию. Теперь он мертв, упокой Господь его душу, а нам скоро предстоит снова туже затягивать пояса.

Он со скорбным видом похлопал по своему солидному животу, и Дени не смог удержаться от смеха.

– Достопочтенный сэръ, – сказал он, – я не сомневаюсь, что все сказанное вами о графе Ричарде – истина, но я видел его в бою и скажу вам, что он любит сражаться больше всего на свете. Он отправится в Святую Землю хотя бы лишь потому, что там начнется горячая схватка. А что же касается суждения, предложенного вами, Артур, полагаю, что, возможно, рыцарские подвиги привлекают графа больше, чем его отца.

– Я очень не люблю спорить со своими гостями о политике, – поспешно вмешался Артур. – Умоляю вас, давайте не будем больше обсуждать эту тему, или же наш вечер завершится ссорой. Дени, пожалуйста, не согласитесь ли вы спеть что-нибудь для нас?

Остальные присоединились к его просьбе, и Дени, которого не надо было долго упрашивать, отодвинул назад свое кресло и взял из рук пажа свою арфу. За нижним столом воцарилась тишина, когда он стал настраивать инструмент. Он с улыбкой оглянулся по сторонам и коснулся струн.

Для начала он спел несколько славных плясовых песен в жанре дансы⁶⁹, столь популярных в южных землях, «потешных», вроде «Я счастлив» или «Давай, возьми меня за руку», ритмичных и быстрых, которые сразу зажгли гостей, заставляя их отбивать такт на столах и прихлопывать ногами. Потом он заиграл дерзкую и веселую мелодию и спел известную сирвенту, написанную Монахом Монтаудонским⁷⁰:

Хоть это и звучит не внове,
Претит мне поза в пустослове,
Спесь тех, кто как бы жаждет крови,
И кляча об одной подкове;
И, Бог свидетель, мне претит
Восторженность юнца, чей щит
Нетронут, девственно блестит,
И то, что капеллан небрит,
И тот, кто, злобствуя, острит...

⁶⁸ Щитовой сбор – выплата, производимая вассалом, таким образом откупавшимся от военной службы своему сеньору.

⁶⁹ Данса – жанр плясовой песни.

⁷⁰ Монах Монтаудонский (годы творчества ок. 1193 – 1210) – овернский дворянин, отданный в монахи. Прославился веселыми сатирическими песнями и шутками.

Сидевшие за столом на возвышении дружно смеялись. Те, кто немного понимал по-французски за нижним столом, смеялись тоже. Те же, кто вовсе не знал французского языка, смеялись громче всех, искоса поглядывая по сторонам, дабы убедиться, что их одобрение всеми замечено.

А дальше, повинаясь своему переменчивому настроению, Дени спел несколько песен собственного сочинения: песнь любви, которую очень давно он посвятил донне Маурине, и еще одну, за которую был удостоен золотой круговой чаши при дворе короля Арагонского, и кансону, сочиненную совсем недавно в Грамоне. Теперь уже весь зал безмолвствовал, и у многих на глаза навернулись слезы. То здесь то там соприкасались руки и колени, и комната была наполнена вздохами.

Дени послал многозначительный взгляд леди Мод.

– Дабы закончить, – сказал он, – я хотел бы спеть мое самое последнее сочинение. Возможно, вам известно, что мы, труверы, порой задаемся целью быстрого сочинительства затем, чтобы узнать, как быстро мы можем написать стихи и положить их на музыку. Итак, эту песнь я сложил как раз сегодня вечером, во время обеда.

По залу пронесся единодушный вздох удивления.

– Она написана в форме аубады, или утренней песни любви, – продолжал он, – и, как вы сами убедитесь, слово «рассвет» появляется в последней строке каждой строфы. Добиться этого довольно трудно. Я посвятил ее... прекрасной даме, которую назову Бель-Вэзер, Услада Очей.

И он запел:

Зачем же соловей так скоро улетает,
И нам в саду цветущем больше места нет?
Мне солнца первый луч тоскою сердце наполняет;
Прощай, любовь, уж небо золотит рассвет.

Воцарилось долгое молчание, льстившее автору больше любых аплодисментов. А затем, подобно грому, грянули и аплодисменты. Артур потребовал свою чашу и приказал наполнить ее вином; он снял с пальца золотое кольцо, бросил перстень в кубок, а кубок подал Дени.

– Пейте, Дени, – молвил он. – Вы доказали нам свое великое мастерство, и все мы исполнены благодарности. Мне стыдно, что подарок так скромнен, но вас должны вознаградить наша признательность и восхищение.

– Я более чем вознагражден, если сумел доставить вам удовольствие, – сказал Дени, поглядывая на Мод. Она зарделась, подобно утренней заре.

– Доставить нам удовольствие? Это было великолепно, мой мальчик, просто великолепно! – заявил Роберт. – И к тому же чертовски умно. Эти малые, трубадуры, поражают меня. Знаете ли, мне частенько приходило в голову, что я и сам мог бы сочинять песни, если бы у меня было время. Но потом я задумался, а откуда они берутся? Я имею в виду, как придумывают все эти слова и мелодии и прочее.

– Это не трудно, если вы знаете как, – сказал Дени.

– А, вот именно. Загвоздка в том, чтобы знать – как. Наверное, вы готовитесь к этому с детства и все такое? Что ж, ладно. Тем не менее кто-то ведь должен сеять пшеницу, разводить скот и делать дело. Что ты говоришь, Уильям?

Уильям вытер рот тыльной стороной ладони.

– Грм, – пробормотал он и потянулся за куском пирога.

Роберт посмотрел на него с умилением и снова повернулся к Дени.

– А вы, Дени, вы, должно быть, растеряетесь, если вам придется вести хозяйство, ей-ей?

– Боюсь, что так, – ответил Дени. – Совершенно верно.

– И все же, без сомнения, это замечательная жизнь, – неожиданно промолвила жена Роберта, Беатрис. – Я хочу сказать, путешествовать повсюду... видеть мир... петь для королей и... и...

– Замолчи, любовь моя, – с сердцем сказал Роберт. – Что ты знаешь об этом? Я уверен, сэру Дени неинтересно, что ты думаешь о замечательной жизни.

– Нет, Роберт, я не могу согласиться. Большая доля истины заключена в том, что говорит твоя супруга, – деликатно вмешался Артур, с едва заметной укоризной. – Иногда я чувствую себя здесь ужасно стесненно. Понимаете, не то чтобы я был несчастлив. Я, подобно всем нам, люблю свою землю. С другой стороны, временами мне действительно кажется, что рыцарь не должен проводить свою жизнь, сидя на одном месте.

– Опять дух рыцарства! – воскликнул Роберт.

– Нет-нет, не совсем так, – возразил Артур. – Думаю, мы стараемся забыть, что долг призывает нас под знамена наших сеньоров. Мы находим все более выгодным платить наемникам вместо того, чтобы самим нести службу, – нам кажется, что легче раскошелиться на эти многочисленные подати, не считаясь с издержками, чем расстаться с домом и сражаться вдали от него.

И мы настолько... как бы... озабочены сохранением собственного, ограниченного мирка, что забыли: где-то за его пределами существует и другой, большой мир. Дени видит этот большой мир собственными глазами. И я уверен, что подобный опыт возвышает его, делает гораздо лучше – таким человеком, каким я никогда не мог бы надеяться стать.

Дени положил руку Артуру на плечо.

– В любом случае это невозможно, – сказал он. – О, не спорю, путешествия приносят определенную пользу. Довольно любопытно посмотреть на чужие страны. Но весьма часто я устаю от кочевой жизни, и мне начинает не хватать пристанища, собственного дома, корней... Иногда я плачу, вспоминая свой дом, в котором мне нет места.

– Знайте, что можете оставаться здесь столько, сколько захотите, – искренне сказал Артур. Их взгляды встретились, и они улыбнулись друг другу.

Мод коснулась руки Дени, и он повернулся к ней.

– Надеюсь, вы позволите мне последовать примеру Артура, – сказала она, – и тоже преподнести вам маленький подарок.

Промолвив это, она сняла с шеи тонкую золотую цепочку. В звенья были вставлены отшлифованные кусочки горного хрусталя овальной формы. Она робко протянула украшение.

– Леди, – сказал Дени, коснувшись ее руки своею, когда принимал цепочку, – где бы я ни был, я буду носить ваш подарок как знак вашей благосклонности. Он будет мне талисманом и напоминанием о вас, в войне и мире.

– На войне? – Она вздохнула, потупив взор. – О, воистину ужасно. Но сколь приятна такая мысль. Ваша песнь, та аубада... Она просто восхитительна. Вы и в самом деле сочинили ее за обедом?

– Да, поверьте мне, – сказал Дени.

– И как только у вас это получилось? Придумать столь красивые слова, тогда как мы дружно ели и пили...

– Это было непросто. Для экспромта надобно то, что мы, поэты, зовем вдохновением.

– О, понимаю. Вдохновение, внушенное той упомянутой дамой, которую вы покинули во Франции, не так ли?

– Бель-Вэзер рядом со мной в этот миг, – промолвил Дени, понизив голос.

– Вы имеете в виду, что она находится в Англии?

– Леди, благодаря ей Англия представляется мне райским садом. Она сама Англия. Возможно ли скрывать? Она здесь. – Он сжал ее руку.

– На нас все смотрят, – тихо прошептала она. Он отпустил ее.

– Неужели это действительно вас волнует?

– Это слишком откровенно. – Она прямо взглянула на него своими огромными, невинными глазами. – Прошу вас, не подумайте, что я неблагодарна. Но первый раз в моей жизни кто-то сложил песнь в мою честь.

– Вам это не нравится?

– О нет. Напротив. Но я... мне необходимо подумать. Мне бы хотелось достойно отблагодарить вас...

– Вы уже отблагодарили меня более чем достаточно. – Он взвесил цепочку на ладони.

– Надеюсь, вы приедете навестить меня, – сказала она. – Мое поместье соседствует с землями Артура, и мой дом находится не очень далеко отсюда. Возможно, вам удастся убедить его привезти вас ко мне в гости. И быть может, у себя дома я... я сумею выразить свою признательность как подобает.

Он наклонил голову в знак согласия. В этот момент к нему обратился Артур, и Дени отвернулся от нее. Однако он был весьма доволен проведенным вечером и даже вполне примирился с мыслью, что оставшееся время придется выслушивать Роберта де ла Ли.

Уилкин Рыбак и Эрнальд Кузнец сидели на толстых сучьях гигантского дуба, простиравшего свои ветви над лесной дорогой, держа между собой на ветке наковальню. Всю ночь шел дождь, и ветка все еще была скользкой. Им стоило немалого труда не дать тяжелому предмету соскользнуть вниз.

– Не знаю, – сказал Уилкин после паузы.

– Чего ты не знаешь? – переспросил Эрнальд. – Держи ее прямо, парень.

– Не знаю, хорошо ли бросить эту штуку на голову хозяину.

– Конечно, хорошо, старый дурень.

– А он точно поедет этой дорогой?

– Конечно, этой.

– Ох...

Некоторое время они молчали, наслаждаясь утренней свежестью. Потом Уилкин пробормотал:

– Ну, не знаю.

– Чего ты не знаешь?

– Сказывают, он не такой уж дрянной хозяин.

– А, правда. Хороший он хозяин. Я разукрашу всякого, кто скажет по-другому.

– Ну и что?

– А то, – терпеливо сказал Эрнальд, поскольку ему приходилось объяснять суть дела снова и снова, – сам посуди. Хозяин – лорд манора⁷¹, правильно?

– Ну, так и есть.

– А мы – его слуги, правильно?

– Правду говоришь, Эрнальд.

– Тогда слушай дальше. Слуги должны воевать с хозяевами. В этом вся соль, парень, вот как, – сказал Эрнальд, и на том спор завершился.

Он завершился бы в любом случае, ибо в это время в поле зрения появился Артур, увлеченно беседовавший с Дени. Он на ходу сбивал ивовым прутом головки высоких сорняков.

⁷¹ Лорд манора – букв.: «господин поместья».

– Видите ли, очень трудно в чем-то убеждать людей, – говорил Артур. – Каждый готов согласиться с некоей идеей в целом, но затем, когда вы пытаетесь заставить применить эту идею на практике, все упорствуют и находят разного рода отговорки. Например, эта история об ответственности лордов перед своими держателями...

Они как раз проходили под тем самым дубом. Послышался свист падающего предмета и глухой удар, сотрясший землю. Вся жизнь Дени была чревата неожиданностями, потому он был шустрее Артура: он живо схватил гостеприимного хозяина за руку и увлек в сторону от тропы. Потом они огляделись. На дороге, глубоко зарывшись в мягкую, влажную землю, лежала наковальня. Она пролетела всего в нескольких дюймах⁷² от них. Артур с удивлением рассматривал упавший предмет.

– Боже мой! – воскликнул он. – Что это?

– Похоже на наковальню, – сухо ответил Дени. Он выхватил кинжал и, стиснув рукоять, стал всматриваться в крону дуба над головой.

– Но это невероятно, – сказал Артур. – Как наковальня может упасть с дерева?

– Полагаю, эти мерзавцы там, наверху, в состоянии нам объяснить как, – заметил Дени. – Возможно, вам стоит приказать им спуститься. Вы ведь знаете, я не говорю на их языке.

Артур не увидел наверху ничего, кроме сплошной зеленой массы. Однако он сурово сказал по-английски:

– Немедленно слезайте.

Покорно Эрнальд и Уилкин спрыгнули на землю и понурились перед хозяином. Артур, прищурившись, посмотрел на них.

– Эрнальд Кузнец и Уилкин Рыбак, – назвал он. – И зачем это вы туда забрались?

Уилкин толкнул локтем Эрнальда, и тот сказал:

– Эта штука соскользнула, милорд.

– Соскользнула? Надо полагать. Но я не думал, что на деревьях сидят с наковальнями. Не так ли?

– Э, в общем-то нет, не сидят, – согласился Эрнальд.

– Ну, говори, человек.

– Мы ее закаливали, милорд.

– Закаливали наковальню? На дереве?

– Э, да что тут. Сказывают, что, по обычаю, дуб вроде как дерево кузнецов. И ежели взять наковальню и опустить ее в росу дубовых листьев после дня святого Суитина, выйдет она худо, зато удача в работе привалит.

– Понятно, – Артур печально покачал головой. – Любезнейший, как по-твоему, что скажет дон Ансельм, узнав об этих языческих обычаях? Не говоря уж о том, что эта проклятая штука едва меня не убила? Если бы это случилось, у тебя были бы серьезные неприятности. Ты понимаешь это, не так ли?

– Ох, милорд, еще бы не понимать, – сказал Эрнальд. – Но это обычай вроде как.

– Да-да. Обычай. Разумеется. Итак, берите вашу наковальню и уносите с собой, – велел Артур. – И постарайтесь в следующий раз быть поосторожнее.

Они почтительно дотронулись до своих лбов, подняли с двух сторон наковальню и побрели прочь. Артур проводил их взглядом и вздохнул.

– Они суеверны, точно дети, – сказал он. – Как бы я хотел привить им хоть немного культуры.

– Суеверны? Вы так считаете? Кровожадны, я бы сказал, – проворчал Дени.

– О нет, вы ошибаетесь. Это был несчастный случай, – возразил Артур. – Видите ли, в этих краях все совершается согласно старинным традициям. И по традиции, если отпустишь

⁷² Дюйм – дольная единица длины в системе английских мер, 1 дюйм = 1/12 фута = 2,54 см.

наковальню в росу дубовых листьев в день святого Суитина, это принесет кузнецу удачу. Один из тех парней – деревенский кузнец.

– По-моему, день святого Суитина был неделю назад, – уточнил Дени.

– О, ну, он сказал *после* дня Святого Суитина. По крайней мере, мне кажется, что он сказал именно так, – встревоженно поправился Артур. – Нет, мой дорогой Дени, вам следует забыть о подобных подозрениях. Они действительно славные, простые люди, только чрезмерно преданные обычаям и древним поверьям, их упрямство нерушимо, как договор с дьяволом. Разумеется, сами они считают это независимостью. Но они совершенно безобидны.

– Я бы не сказал, что с их стороны было очень просто и славно – попытаться убить меня, когда я впервые появился в этих местах. Помните, я всего лишь спросил у деревенщин дорогу до Хардхемского монастыря, а они стащили меня с лошади и собирались избить. Безобидные...

– Ах это, – усмехнулся Артур. – Да, я намеревался рассказать вам об этом. Видите ли, произошло недоразумение. Озрик – один из пастухов – объяснил мне позже. Я был сбит с толку, так как... Поймите, все случилось по вине вашего акцента, Дени.

– Моего акцента? Я не понимаю.

– Вы спросили дорогу на Хардхем. Для них это прозвучало так, будто вы сказали: «Проклятье!»⁷³ Они сочли, что ничем не заслужили вашей грубости. Даже спустя сто пятьдесят лет они ужасно ранимы, когда дело касается норманнов. Я думаю, они до сих пор возмущаются, что дома я говорю по-французски. В любом случае, согласитесь, ничего страшного не случилось.

– Я рад, что вы можете так легко говорить об этом. Если бы вы не появились столь своевременно, кто-то уже был бы мертв. И неужели вы искренне верите, что эти парни на дереве не собирались разmozжить вам голову?

Казалось, Артур потрясен.

– О небеса, нет! Ничего подобного. Собирались убить меня! Мой дорогой Дени, я – лорд манора. Возможно, они темные, неотесанные люди, но они не мятежники. Несмотря на свое упрямство, они подчиняются власти и прекрасно знают о моем сильнейшем желании защищать их. В ответ они платят преданностью, той самой крепкой, идущей от самого сердца преданностью, на которую способны только англичане. Я имею в виду, что, в конце концов, весь наш образ жизни основан на взаимном уважении и взаимозависимости, не так ли?

Дени поигрывал кинжалом, который держал в руке. Вопреки заверениям Артура, он не спускал настороженного взгляда с подлеска, тянувшегося по обеим сторонам тропы.

– А как быть с тем, о чем вы говорили недавно? – сказал он. – О людях, которые не следуют на практике своим убеждениям? Разве среди них не встречаются те, кто понятия не имеет о... взаимном уважении?

– Да, конечно. Об этом я и говорил, не правда ли? И это очень плохо, но *они* — бароны и рыцари, которым свойственно своекорыстие. Им известно, что от них требует рыцарский кодекс чести, но ими правит гордыня, а не смирение, жадность, а не щедрость; они обижают женщин и угнетают слабых. Но, Дени! Это вовсе не значит, что рыцарский дух умер. Это не значит, что рыцарство – пустой звук и оно не приносит пользы, не так ли? Уничтожьте рыцарство, и общество развалится на кусочки. То же справедливо и в отношении связи между господином и подданным. Если мы не будем поддерживать друг друга, тогда, – он подкрепил слова жестом, – тогда мы возвратимся в состояние первобытной дикости и к хаосу. Долг рыцаря – управлять, защищать, помогать. Долг крестьянина – выращивать хлеб, обрабатывать землю. Мы идем рука об руку, словно братья, и все хранимы Богом и королем.

⁷³ «Проклятье!» – Hardham (Хардхэм) и ругательство «God damn», соответствующее русскому выражению «проклятье!», созвучны в английском языке.

Его лицо светилось. Добрые карие глаза, сосредоточенно следившие за выражением лица Дени, были исполнены искренности. Дени улыбнулся ему.

– Пожалуй, вы правы, – сказал он, не желая спорить с другом. – А вы настойчиво пытаетесь претворить в жизнь эти законы, не правда ли?

– Я делаю все, что в моих силах, – сказал Артур. – Знаете, они ведь такие близорукие. Я стараюсь делать запасы на случай неурожайных лет. Я стараюсь хорошо вознаграждать труд своих пастухов, пахарей, кучеров и женщин, которые ухаживают за молочным скотом. Я стараюсь завершить каждый год с небольшой прибылью от продажи пшеницы, свиней и сыра. Вообразите, как это трудно. Эти люди вполне довольны, если сегодня их желудок полон. Да вы хотя бы понимаете, что только на пахоте... ну, например, необходимо давать быкам передохнуть несколько минут каждые пятьдесят пейсов⁷⁴ или около того, но если бейлиф⁷⁵ не будет следить за погонщиками, они все улягутся и проспят час. Они не любят работать без отдыха в страду, но не понимают, что выгодно всем, когда поля вспаханы и засеяны без проволочек и потери времени.

Он продолжал вдохновенно говорить про размеры урожая, суммы полученной выручки и годовых расходов и так далее, в то время как Дени, вежливо кивая, с нетерпением ждал, когда же кончится лес и в поле зрения появятся пастбища – собственность леди Мод Фитцлерой.

– О Господи, боюсь, я утомил вас. Но когда я начинаю говорить на эту тему... – сказал Артур.

– Нет, мне действительно интересно, – отозвался Дени. – И я на самом деле думаю, что вы правы, в теории – вот опять это слово! Я только хотел бы узнать, как далеко нам еще предстоит идти.

– Не особенно. О, вас не очень затруднит, если здесь я сверну ненадолго? – Они подошли к ивовым зарослям и грубому бревенчатому мостику, под которым весело журчал ручеек. Вдоль дальнего берега вилась узкая, заросшая стежка, уводя в сторону от главной лесной дороги. – Мне нужно лишь заглянуть к архангелу Гавриилу и подать ему милостыню.

– Как? – Дени несколько опешил. – Архангел?

– Гавриил. Он живет в стороне отсюда на берегу ручья. Конечно, совершенно выживший из ума старик, но довольно милый. Раз в две недели я даю ему пенни на пропитание. Поскольку мы все равно идем мимо, я думаю, мне следует задержаться.

Дени последовал за ним по тропинке. Она заканчивалась поляной, изрядно вытопанной. На поляне стоял крошечный шалаш из прутьев, обмазанных глиной. Грубо сколоченный крест был врыт в землю у входа. Необычайно грязный косматый старик со свалывшейся бородой и с лицом, похожим на сморщенное зимнее яблоко, которое почти полностью скрывали упавшие спутанные космы волос и свалывшаяся борода, удил рыбу на берегу ручья. Подле него, наполовину завернутая в листья, лежала, сверкая чешуей, небольшая форель и стояла деревянная миска с червями. Несмотря на возраст, он, должно быть, обладал острым слухом. Он вскинул голову, обернулся и, насторожившись, точно старая, хорошо обученная собака, стал дожидаться, когда покажутся гости. Увидев, кто идет, он заулыбался беззубым ртом.

Дени терялся в догадках, как надлежит обращаться к архангелам. Но Артур, нимало не смущаясь, сказал:

– Добрый день, Ваше Небесное Высочество.

– А, день добрый, день добрый. Это тот юный рыцарь, как бишь его? Имена этих смертных так легко забываются. Впрочем, неважно. Подходите, садитесь.

Они уселись рядом с ним. Он легонько пошевелил удочкой, пустив наживку плыть по течению. Стрекоза зависла низко над бурой водой и вдруг метнулась прочь, поблескивая на

⁷⁴ Пейс – старинная английская мера длины, равная 2,5 фута, или 76,2 см.

⁷⁵ Бейлиф – судебный смотритель и управляющий в сеньорате.

солнце крыльями. В чаще леса не умолкая трещали синицы, и где-то высоко на дереве дрозд-деряба завел свою песнь: «Чьюрр!» – точно мальчишка стучал прутиком по штакетинам палисада.

Дени улегся на спину, опираясь на локти, и стал вглядываться в крону деревьев. Артур сказал:

– Я принес вам пенни, Ваше Небесное Высочество.

– Премного благодарен. Ты добрый мальчик. А кто второй? – спросил архангел.

В голове Дени лениво шевельнулась мысль, что архангелу следовало бы обладать чудотворной силой хотя бы в такой мере, чтобы угадывать имена. Но, вероятно, подобные вещи не казались старику достойными внимания.

– Друг, – сказал Артур. – Как рыбалка?

– Плохо. Жаркая погода нагоняет на них сон, знаете ли. Все, что им хочется, – это забиться под камни.

Будь я помоложе, я бы переловил их руками. Но я стар, и меня это не особенно волнует.

– Не знал, что архангелы ходят на рыбалку, – сонно заметил Дени.

– Когда мы предстаем в человеческом обличье, мы поступаем как все люди. Когда-то я был настоятелем монастыря и тогда вел себя как настоятель. Понятно, трудно поверить, что аббаты⁷⁶ и человеческие существа могут иметь что-то общее...

– В такой день, как сегодняшний, я могу поверить чему угодно, – ответил Дени. – Я могу понять, почему вы предпочитаете быть скорее архангелом Гавриилом, сидеть здесь и ловить рыбу, чем настоятелем монастыря, занимаясь управлением хозяйством и поддерживая дисциплину.

– Все не так просто, – хихикнул архангел. – Но ты сообразительный парень. И потому не хочешь ли, чтобы я предсказал тебе судьбу? – сказал он.

– Нет, не стоит, – ответил Дени. – Предположим, мне было бы назначено судьбой умереть завтра. Как бы я тогда смог насладиться сегодняшним днем? Тогда вместо одного будет испорчено целых два дня.

Архангел пристально посмотрел на него воспаленными, но пронизательными глазами.

– Ты не умрешь ни завтра, ни послезавтра, – изрек он. – Тебя ждет путь длиннее, чем ты думаешь, но ты не найдешь того, что ищешь. Однако, если это хоть немного утешит тебя, ты найдешь нечто другое, столь же ценное, только ты не поймешь, чем обладаешь, пока едва не утратишь этого.

– Не думаю, что мне нравится такое будущее, – сказал Дени. – А другого я не могу попросить?

В это мгновение леска натянулась. Архангел сделал подсечку и, убедившись, что крючок глубоко заглочен, потянул добычу. Из воды, трепыхаясь, выскочила вторая рыбка. Он ударил ее головой о корень дерева и осмотрел со всех сторон.

– Какая красавица, – сказал он. – Замечательно, когда можешь насладиться как видом своей пищи, так и ее вкусом. Как изобильна земля! Когда я был настоятелем, я был слепцом. Мое ревностное служение Богу было обращено к миру внутреннему, к вещам духовным. Я не осознавал, что проявления духа существуют благодаря окружающему миру. Внутренний мир! Что за отвратительное определение, как ни взгляни. Оно позволяет ошибочно истолковывать самолюбие как любовь к Богу и посчитать нашу собственную темноту в душе более яркой, чем солнечный свет, исходящий от Бога. – Он завернул форель в листья, окунул ее в ручей и положил рядом с первой рыбкой. – Вот почему я покинул небесные чертоги, – задумчиво пробормотал он, обращаясь будто к самому себе. – Чтобы сначала познать страдание как человек, а потом обрести радость как человек. Ибо, в конце концов, подобные чувства недоступны

⁷⁶ Аббат – в католической церкви настоятель монастыря.

ангелам. Жить, достигнув полного совершенства, – в этом есть свои недостатки. – Он вытянул босые ноги со скрюченными пальцами и черными ногтями и подался вперед, сгорбившись и обхватив руками свой впалый живот. – Познав сомнения, муки, неопределенность, мы лучше начинаем понимать, что такое радость.

– Да, я помню, вы рассказывали мне. Многие часы вы провели, пытаясь найти ответ на этот вопрос... – заметил Артур.

– Что за вопрос? – спросил Дени.

– Однажды он снизошел на меня во время службы, когда читали отрывок из Священного Писания, – пояснил архангел. – Как гром среди ясного неба. Я слушал монотонный голос чтеца и разглядывал лица монахов: одни были исполнены уныния, другие кротки, словно овцы, третьи казались голодными и изможденными, и лишь немногие слушали внимательно. Проповедник читал: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»⁷⁷. И внезапно меня поразила мысль: если Бог и в самом деле всеведущ, то Он знал, что Адам отведал плод от дерева. А тогда какая была польза в заповеди? А если же Он не знал, что Адам вкусит плод, то Он не всеведущ. Но тогда как Он может быть Богом?

– Да, я понимаю, о чем вы говорите, – задумчиво сказал Дени.

– Я не мог избавиться от этой мысли, – продолжал архангел. – Я удалился в свою келью и сидел в одиночестве, глядя в окно. В чем же заключалась истина? Если Бог знал все, тогда Он знал и то, что Адам отведал плодов от дерева познания. И потому разве не было сушей жестокостью заповедовать не делать этого? А если Он не знал, ибо Адам был наделен Им свободной волей, тогда Он не всеведущ и не видел последствий Своих поступков, подобно всякому тупоумному отцу, который запрещает своему сыну пить вино и тем самым пробуждает в нем неутолимую жажду. Я сказал себе: «Это всего лишь софизм»⁷⁸. Главное – вера». Однако противоречие мучило меня. Я был как жук, пригвожденный двумя булавками. «Тебе угрожает впадение в ересь», – предупреждал я сам себя, и против этого не было иных средств, кроме епитимьи⁷⁹, хлеба, воды и, наконец, бичевания. Но между ударами я не мог не думать: «Знает ли Господь, что я подвергаю себя бичеванию? И знает ли Он почему?» Это было подобно зубной боли. Но где я мог найти теолога⁸⁰, способного излечить мой недуг. И эта попытка продолжалась много дней. Я забыл уставные часы⁸¹, обеты моего ордена и забросил управление монастырскими делами. Я не мог ни есть, ни спать. Я исхудал как щепка, остались лишь кожа да кости, и я не мог даже молиться, ибо в каждой молитве, где говорится о Господней любви и Господнем милосердии, мне виделось потаенное лицемерие. Действительно ли Бог исполнен любви? Почему он тогда допускает, чтобы процветали зло и несправедливость? Правда ли Бог столь милосерден? Почему же он позволяет множеству детей своих умирать медленной, мучительной смертью? Неужели Бог всемогущ? Почему же тогда столь часто преуспевает дьявол в похищении Его душ? Я покинул обитель и странствовал, блуждая в потемках. Крайне изможденный, я засыпал прямо на голой земле и питался корками хлеба, которые мне подавали добрые прохожие. Однажды я пришел в этот самый лес, на это самое место. Я упал на траву, отчаявшийся, обессиленный, едва ни при смерти. И в этот миг надо мной раздался глас, звавший меня по имени. *«Гавриил, Гавриил! Главный среди Моих архангелов»*, — возвестил он.

Старик умолк, перебирая пальцами одной руки свою белую бороду.

⁷⁷ ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. – Цитата из Библии (Быт., 2,17).

⁷⁸ Софизм – мнимое доказательство, в котором обоснованность заключения кажущаяся, порождается чисто субъективным впечатлением, вызванным недостатком логического анализа.

⁷⁹ Епитимья – в христианской церкви наказание в виде поста, длительных молитв и т.п., налагаемое исповедующим священником.

⁸⁰ Теологи – ученые, исследующие сущность и действия Бога.

⁸¹ Уставные часы – молитвенные часы в монастыре.

– И голос открыл вам ответ! Что же он сказал? – сказал Дени, зачарованно слушавший историю. Старик слабо улыбнулся.

– Он сказал: «Возьми палку, привяжи к ней веревку, прицепи к концу крючок, насади на крючок наживку и лови рыбу в этом чудесном ручье».

Дени изумленно заморгал.

– О! – воскликнул он. – И вы так и сделали?

– Сделал. Ибо я понял, что архангелам не нужно знать ответы на вопросы, которые касаются одного лишь человеческого рода. Архангел, как и Бог, просто *дух*. – Он поднял с земли свой улов и воткнул конец удилица в мягкую землю. – А теперь я собираюсь поспать немного, – объявил он. – Когда я проснусь, приготовлю себе обед. У кого-нибудь еще есть вопросы? Господь да благословит вас обоих. Ну, идите себе.

Артур встал на ноги.

– До свидания, Ваше Небесное Высочество, – промолвил он. – Я снова загляну к вам недели через две. Непременно приходите ко мне, если вам что-нибудь понадобится до тех пор.

– У меня есть все необходимое, – сказал архангел. Когда они шли обратной дорогой вдоль ручья, Дени сказал:

– Какой странный мальчик. Но, как вы и говорили, он ужасно мил.

– В Англии полно странных людей, – пробормотал Артур. – В этом и состоит одна из наших привлекательных черт. Но мне действительно нравится Гавриил. Весьма утешительно думать, что в Судный день он будет одним из семи ангелов с трубами, которые возвестят о конце света. Мне кажется, он протрубит неохотно.

Дени рассмеялся.

– Меня заинтересовало предсказание моей судьбы. Его пророчества часто сбываются?

– Не могу сказать определенно. Он очень редко занимается прорицательством. В прошлом году он сказал мне, что мне следует прислушаться к новым песням, которые побудят меня последовать за певцом, но я не... – Он внезапно остановился. – О небеса! – вскричал он. – Конечно. Он имел в виду вас.

– Хм... – Дени потер свой подбородок. – Вполне возможно.

– Итак, как насчет того, что он сказал вам – о поисках того, что вы ищете. Вы *действительно* ищете что-то особенное?

– Да, – подтвердил Дени и запнулся, растерявшись.

Как он может рассказать о своем желании, столь смутном и сугубо личном? Несмотря на то, что Артур ему очень нравился, поэтом тот не был, и едва ли можно было ожидать, что он поймет, сколь важным представлялся Дени поиск новой формы в поэзии – искания, цель которых изъяснить словами было далеко не просто. Или, иначе говоря, если бы он смог сказать, чего именно хочет, он сумел бы этого достичь. Правда, почти так же сильно он желал и еще одного, что имело словесное выражение. Он промолвил:

– Я ищу место, которое принадлежало бы только мне.

– Землю?

– Да, землю, деньги. Попросту говоря, я хочу разбогатеть. Можно сказать, меня вытолкнули из гнезда. Полагаю, отец достаточно крепок, чтобы прожить еще много лет, и как бы то ни было, после его смерти всего наследства не хватит на четверых. Спокойная жизнь под одной крышей на те средства, что останутся, вполне удовлетворит моих братьев, но я хочу большего. Я всегда хотел большего.

– Большого?

– Больше того, что я имел, больше того, что есть. – Он беспокойно повел плечами. – Хотел по крайней мере иметь свою землю и свой собственный дом, где я мог бы жить, как мне нравится, и тратить свои деньги по собственному усмотрению.

Артур кивнул. В конце концов, подобные вещи он прекрасно понимал. В этом была вся его жизнь: надел земли, дарящей обильные урожаи, тучный скот, работники, безмятежная жизнь, протекающая в надежных стенах родного дома. Он мог бы, подобно Дени, странствовать по свету – такая мысль вовсе не казалась ему невероятной. Час от часу он находил ее все более привлекательной, но он не мог вообразить себя безземельным. Что бы с ним ни случилось, он всегда будет словно привязан невидимыми нитями к этому участку плодородной земли – своему домену⁸², еще крепче держали его путы взаимных обязательств, его долг как по отношению к нижестоящим, так и по отношению к своему феодальному сеньору. Он занимал определенное место на иерархической лестнице между теми, на ком она зиждется, и теми, кто стоял на ее вершине. И это не только побуждало смириться с естественным порядком вещей, но и рождало чувство удовлетворения, что все обстоит так, как и должно быть, и что человек, являясь частью этого механизма, всегда знает свое предназначение.

Артур сказал, по обыкновению переходя прямо к сути дела:

– Но это ведь очень просто решается, Дени. Почему бы не взять землю в держание у меня?

Дени с изумлением уставился на него.

– У меня гораздо больше земли, чем нужно, и я не представляю, как ее использовать, – продолжал Артур не совсем правдиво, зато с воодушевлением. – Вы могли бы взять два участка земли, граничащей с поместьем ла Ли, с мельницей и речушкой. В том месте, где когда-то была крепость, которую король Генрих приказал разрушить после беспорядков, случившихся пятнадцать лет назад, остался фундамент. Там мы могли бы построить вам чудесный замок. И для начала у вас были бы доходы от мельницы. Что скажете? Разве это не великолепно? И как землевладелец я буду очень снисходителен.

Дени выдавил улыбку. Он похлопал Артура по руке и сказал:

– Это доставило бы мне огромное удовольствие. Но так не годится, Артур. Я прекрасно знаю, что вы не можете позволить себе передать мне во владение хоть сколько-нибудь вашей земли, у вас ее не так много. И по правде говоря, я хочу иметь больше шестидесяти акров⁸³. Я жажду. Я не наделен вашим даром с удовлетворением принимать вещи такими, как они есть. Если мне удастся повидать Ричарда, полагаю, у меня будет с чего начать. Он должен мне кое-что.

Артур, казалось, впал в уныние, но в то же время он почувствовал и некоторое облегчение. В конце концов, выручка от мельницы составляла солидную часть всех его доходов.

– Думаю, я понял, что вы хотите сказать, – промолвил он. – Но мне очень жаль. Я был бы в восторге, если бы вы сделали моим вассалом. Однако, если вы рассчитываете на то, что Ричард заплатит вам деньги, которые должен... что ж, за обедом вчера вечером Роберт сказал сущую правду. Казна почти опустела, и я уверен, что Ричарду придется прибегнуть к крутым мерам, чтобы добыть денег.

– Его долг совсем иного рода, – заметил Дени.

Лес поредел, и, выйдя из-под сени деревьев, они очутились на склоне пологого холма, заросшего папоротником. Там паслись овцы. Чуть далее они миновали длинные, узкие полосы земли, возделанные руками держателей, а за ними довольно скоро показались хозяйственные строения, примыкавшие к замку леди Мод, окруженному частоколом.

Они нашли хозяйку в сыроварне, где она следила за работой. Она вытерла руки полотенцем, которое ей подала одна из служанок, и приветствовала гостей. По английскому обычаю она поцеловала их в щеку, и Дени, задержав ее руку в своей, промолвил:

– Во Франции, леди, целовать в уста считается более учтивым.

⁸² Домен – часть феода, находящаяся в личном распоряжении его держателя; земля, на которой стоит дом или замок с близлежащими окрестностями.

⁸³ Акр – единица площади в системе английских мер; 1 акр = 4840 кв. ярдам = 4046,86 кв. м.

– Но мы ныне не во Франции, сэ, – просто ответила она. Тем не менее она не отстранилась, и он легко поцеловал ее, уловив свежий запах молока, исходивший от ее гладкой кожи.

Она велела маленькому пажу сбегать и принести вина и вафель, а сама через внутренний дворик провела их в маленький, приятно затененный сад, заросший травами и полевыми цветами, где вдоль ограды росло около дюжины яблонь. Один большой чурбан служил столом, а вокруг него располагались три простые деревянные скамьи. Все сели, и через пару минут появился паж, спешивший с салфеткой, перекинутой через руку, а с ним еще один мальчишка. Они подали охлажденное вино и обнесли всех блюдом с печеньем, а затем скрылись за самой большой яблоней, откуда потом доносился их шепот и сдавленные смешки, пока они доедали крошки.

– Мы задержались по пути, чтобы навестить архангела, – сказал Дени. – Вы его знаете?

– О да. Он мил, не правда ли? – ответила Мод.

– Я никак не могу выбросить из головы некоторые вещи, о которых он говорил. Интересно, какой ответ вы дадите на его пресловутый вопрос?

– Какой вопрос? – спросила Мод.

– Всеведущ Бог или нет, – сухо пояснил Артур. – Видите ли, Дени, я сомневаюсь, что благородному человеку подобает обременять себя рассуждениями такого рода. В конце концов, посмотрите, что случилось с бедным стариком Гавриилом. Он, между прочим, из хорошей семьи, второй сын эрла⁸⁴. Это можно предположить хотя бы на основании того, что он до сих пор говорит на изысканном французском языке. А закончил он тем, что живет, уподобившись дикому животному, в чаще леса, и все потому, что не сумел взять в толк, что человеку благородного происхождения – неважно, рыцарь он или клирик⁸⁵ – надлежит принимать существующий порядок вещей таким, каков он есть.

– Но, кажется, он вполне доволен своей судьбой. Он выглядит вполне счастливым, – заметил Дени.

– Сейчас, в августе, все просто замечательно, – кивнул Артур. – Но вы представляете, каково ему в январе? Конечно, я слежу за тем, чтобы у него были дрова и теплый плащ зимой, но, думаю, преимущества такой жизни весьма сомнительны. В конце концов, благородному человеку следует проявлять некоторое смирение и... такт. А в таких вопросах сквозит высокомерие. Все равно что спрашивать, умеет ли всемогущий Господь предсказывать судьбу. Бог дал нам мир, и мы должны принимать его с благодарностью, а не шарить по всем углам.

Мод промолвила задумчиво:

– Но, Артур, жить в лесу, словно отшельник, – это так романтично. Именно таким образом и поступают всегда рыцари в балладах. Ланселот в красивой истории, сочиненной добрым старым Уолтером Мэпом, скрылся в лесу и жил там, когда Джиневра⁸⁶ отвергла его. Ведь он, как и Гавриил, «был дик, точно зверь, и разум покинул его». И Тристан, как говорится в новой песне Элиаса из Боррона, потерял рассудок от любви к Изольде и пустился странствовать.

– Верно, но Гавриил пустился странствовать не из-за женщины, – возразил Артур. – Пример неподходящий, Мод.

– Я думаю, что дама уловила самое существо дела, – вмешался Дени. – Если как следует поразмыслить, есть нечто героическое в том, что он совершил. Я удивлен, что это не взволновало вас, Артур.

Артур усмехнулся.

⁸⁴ Эрл. – Ныне титул эрла считается аналогичным титулу графа; однако вначале существовало различие: эрлы происходили из более древней родовой знати Англии, частично из англосакских родов, графы появились несколько позднее и некоторое время стояли ниже эрлов на иерархической лестнице.

⁸⁵ Клирик – здесь: человек из духовного сословия.

⁸⁶ Джиневра – супруга легендарного короля Артура.

– Почему вы оба издеваетесь надо мной? Ведь то, что я имею в виду, так просто. Только мне ужасно трудно выразить это словами. Рыцарство не имеет ничего общего с такого рода героизмом – убежать из-за того, что ты не можешь ответить на глупый религиозный вопрос. Рыцарство, прежде всего, – мужество. Если ты не можешь найти ответ на подобный вопрос, необходимо смириться с этим и жить дальше. Но я считаю, что его долгом было заботиться о своем монастыре и монахах. Ему надлежало остаться там, чего бы это ему ни стоило.

Дени похлопал друга по колену.

– Таких людей, как вы, Артур, сыщется один на тысячу, – сказал он. – Ей-Богу, я восхищен вами. Вы устыдили меня и одновременно заставили испытывать гордость от того, что я перепоясан мечом.

– Прошу прощения. Разумеется, я не собирался вгонять вас в краску, – пробормотал Артур. – Как бы то ни было, давайте не будем больше об этом говорить. Есть нечто, о чем я хотел вас спросить – об известном предсказании Гавриила. Как вы полагаете, я могу каким-то образом помочь вам добиться свидания с Ричардом?

– Не знаю, – ответил Дени. – Что вы имеете в виду?

– Ну, видите ли, моим сеньором является епископ Чичестерский, и мы с ним очень близкие друзья. С тех самых пор, как умер мой отец, а я был новоиспеченным оруженосцем, епископ считал себя обязанным заботиться обо мне как бы *in loco... locus...* как там говорится?..

– *In loco parentis*?⁸⁷

– Да, именно. Знаете, он как бы заменил мне отца. И поскольку он всегда был очень добр ко мне, и так как вполне возможно, что он поедет в Лондон по случаю коронации, я подумал, что он может замолвить за вас словечко.

– Вы очень любезны, Артур.

– Почему вы так настойчиво стремитесь встретиться с Ричардом? – спросила Мод. – Или вы предпочитаете не говорить об этом?

– Вовсе нет, – ответил Дени. – Если только история не покажется вам утомительной. – Он пригубил вино и начал свой рассказ.

– Теперь вы понимаете, – заметил он под конец, – что я нахожу за ним долг в виде некоторой услуги, даже если это будет всего лишь место трувера у него при дворе. – Он развязал шнурки своего кошелька и пошарил внутри. Нашупав кольцо, он вынул и показал его. – Во всяком случае, это красивая безделушка. Я хранил ее для того, чтобы при встрече он узнал меня. Но если все мои надежды не оправдаются, полагаю, я сумею выручить за кольцо пару марок.

Глаза Мод сияли.

– Это просто повергает в трепет, – задыхаясь от волнения, воскликнула она. – Вы спасли жизнь королю...

– Он тогда не был королем, – поправил Дени.

– ...рискуя своей собственной. И вы с неподражаемой скромностью говорили о том, как Артур заставил вас устыдиться, а между тем сами всегда проявляете чудеса рыцарской доблести...

– О небеса! – взмолился Дени. – Ваши слова глубоко смущают меня. Все произошло совсем иначе. Я даже не задумывался о том, что делаю. Мне всего лишь было неприятно видеть, как человек в одиночку сражается с врагом, превосходящим его числом. Я бы сделал то же самое и для воина противной стороны, если бы Ричард и его люди окружили его.

– Мой дорогой друг, нет необходимости объяснять нам, – сказал Артур. – Исходя из всего, вами сказанного, становится совершенно ясно, что именно вы совершили и почему. И

⁸⁷ *In loco parentis*? – Место отца? (лат.)

я считаю позором то, что Ричард забыл о вас. Несомненно, мы должны добиться аудиенции для вас.

– Я могу это сделать, – неожиданно объявила Мод.

Они с изумлением воззрились на нее.

– Я уверена, что сумею устроить это, – сказала она. – О, пожалуйста, не смотрите на меня так. Не удивляйтесь, мой дед, Генри Фитцлерой, был внебрачным сыном короля Генриха I⁸⁸ и уэльской принцессы Несты. После смерти короля он утвердился в этих землях и стал вассалом Хотеривов. Уильям Хотерив – мой опекун, а одним из его самых близких друзей, впрочем, как и моего отца, является Уильям Маршал. Я знаю Маршала с детства. Боже мой! Помню, как пылко я была в него влюблена. Он был блестящим рыцарем, необыкновенно сильным и превосходил всех на турнирах и в сражениях. Когда мне было лет двенадцать и пока мой отец был еще жив, он часто приезжал в замок Хотерив в Бартоне попить и поохотиться, и он обычно говорил: «Юная девица, если отец не найдет вам супруга, вы всегда можете рассчитывать на меня». Правда, я не видела его много лет, ибо он очень долго находился во Франции, но я убеждена, он вспомнит свои обещания исполнить все, что я ни пожелаю. И я знаю, мой сеньор Уильям Хотерив не откажет в помощи. Он довольно влиятельный человек. Что вы думаете об этом, Дени?

– Что он думает? – вскричал Артур. – Но ведь это же замечательная мысль. Уильям Маршал! Он один из самых достойных мужей королевства. Да всякий знает историю о том, как однажды Ричард держал судьбу Маршала в своих руках и пощадил его, когда тот был на стороне его врагов. Единственный, кто смог победить Ричарда в сражении! Вы сами рассказывали нам, что Ричард послал его в Лондон, чтобы именно он обо всем позаботился. Должно быть, он уже в Лондоне.

– Конечно, звучит вполне убедительно, – поджав губы, сказал Дени.

Мод бросила на него быстрый взгляд.

– На самом деле вы не хотите принять помощь от женщины, не так ли? Вы говорите так холодно.

Он вскинул голову.

– Моя дорогая леди, – сказал он, – дело совсем в ином. Я думал о том, что сказал вам вчера вечером. Вы решили, что я пошутил? Я ношу знак вашей милости на себе, на шее, под рубашкой. Настала моя очередь исполнять ваши повеления, служить *вам*. А вместо этого вы предлагаете мне помощь, за которую я никогда не смогу расплатиться тою же монетой.

Артур кашлянул.

– Я... м-м... прошу прощения, – пробормотал он. – Думаю, мне следует... следует взглянуть, как там мой конь. – Он поспешно встал и покинул их, не оглядываясь назад.

– Он забыл, что вы пришли пешком, – хихикнув, сказала Мод.

– Он – чистое золото, – сказал Дени. Он придвинулся ближе и взял ее за руку. – Бель-Вэзер, – нежно промолвил он.

Она отвернулась.

– Самое большее, о чем я бы вас попросила, – это позволить мне помочь вам, – прошептала она едва слышно. – Вы уже подарили мне гораздо больше, чем я заслуживаю... сочинив ту песнь в мою честь...

– Я сложу для вас сотню песен, – пообещал он, прижав к губам ее руку. – Какая песнь может быть достойна вас? Я приехал в Англию, полагая увидеть туманную землю, где никогда не светит солнце, а нашел саму колыбель солнца. Все, чему я когда-либо научился, познавая искусство труверов, не в силах помочь мне теперь, ибо не существует слов, дабы воспеть совершенство самого солнца.

⁸⁸ Генрих I (1068 – 1135) – король Англии с 1100 г., младший сын Вильгельма Завоевателя.

Он наклонился к ней совсем близко, обвив рукой ее гибкий стан. Его губы касались ее ушка.

– Согрей меня лучами своих глаз, – попросил он. Она повернула к нему лицо, их губы встретились.

– О Боже, – прошептала она, – никто никогда не говорил так со мной прежде. – И с восторгом упала в его объятия.

Как раз в самом разгаре страстного поцелуя Дени осенило, что он вполне может жениться на ней. Лорд поместья Фитцлерой, вассал Хотеривов, друг Уильяма Маршала... Раньше эта идея ему не приходила в голову, но сейчас она вдруг показалась вполне осуществимой.

Он отстранился. Она медленно открыла глаза и томно спросила:

– Что случилось?

– Ничего, моя возлюбленная, кроме моего изумления, что мне может быть уготовано такое счастье. – И он вновь принялся ее целовать, хотя и несколько рассеянно.

* * *

Дневник Дени из Куртбарба. Отрывок 3-й.

Мысль, пришедшая мне в голову, что я мог бы жениться на леди Мод, не давала мне покоя, хотя я и решительно отверг ее. Я уподобился некоему ростовщику, получившему в заклад драгоценный камень. Он то любит им с величайшей осторожностью, то хочет с выгодой продать его, то вынимает, чтобы насладиться его красотой при свете дня, а то спешит убрать с глаз долой, дабы не впасть в искушение.

Так и я размышлял об ее прекрасных угодьях, тучных полях, сочных лугах, о большом стаде и многочисленных работниках, мысленно прикидывая, каков может быть годовой доход, включая налог на пользование лесом и водой, и насколько ее ленное владение обеспечивает рыцарю достойный образ жизни. Иначе же я никогда не смогу вздохнуть свободно. Но потом я спрашивал себя, неужели приличествует истинной любви думать о выгоде? Что за нужда труверу жениться, или как я могу обосноваться в этом дальнем сельском захолустье, будучи в Англии чужестранным подданным? Жениться? Да, но на моих условиях: когда я стану хозяином собственных земель, тогда и наступит время составить приличную и выгодную партию; такой брак был бы честным и уместным. Кроме того, избрал я леди Мод своею Бель-Вэзер, сиречь возлюбленной, а как наставляют *Предписания любви*: «Между мужем и женой истинной любви не бывает». Но вслед за тем меня вновь посещала мысль, как приятно было бы сделаться соседом Артура, мы бы стали неразлучны, как в стародавние времена Дамон и Пифиас, о которых сказано в Священном Писании или где-то еще. И вновь этот вопрос неотступно точил мой мозг, словно червь сердцевину цветка, и я спрашивал себя, действительно ли она – моя истинная любовь, или я еще раз обманулся? А если она не та, кого я ищу, то все прочие доводы не имеют смысла.

Но ее общество приятно, ибо она весьма красивая и любезная дама, хотя, возможно, и говорит слишком много о рыцарских подвигах и рыцарском долге. Впрочем, этот небольшой недостаток следствие того, что она забивала себе голову рыцарскими романами и, как я недавно узнал, заставляла своего секретаря едва ли не каждый вечер читать ей отрывки из книг подобного рода или читала сама, поскольку была обучена грамоте, что, честное слово, является большой редкостью для англичанки.

Так прошло около двух недель, причем я не столько предавался размышлениям, сколько участвовал в увеселениях и празднествах: мы выезжали на соколиную охоту, прогуливались среди полей, пировали и танцевали под пронзительную музыку, какую только и могли сыграть музыканты Артура или его соседей, заводили разговоры с крестьянами, работавшими на

полях, – ибо именно так Артур обычно делал, по его словам, во исполнение обязанностей, возложенных на него как на их лорда, – и время от времени наносили визиты то одним знакомым, то другим. Большой компанией мы ездили в город под названием Петуорт, где семья Перси (близкие друзья леди Мод, чей сеньор, Уильям Хотерив, породнился с ними, женившись на Агнес Перси) владела прекрасным домом. Однажды Артур отвез меня и в известный монастырь ордена бенедиктинцев в Хардхеме, до которого я не добрался, сбившись с пути по дороге из Чичестера; и на стенах монастырского собора я увидел воистину дивные фрески, безыскусные, как сама жизнь, изображавшие сцены Судного дня и души грешников, которые корчились в страшных муках, повергая в трепет зрителей, а также много других восхитительных картин.

За это время я еще больше привязался к Артуру, и хотя во многом не мог с ним вполне согласиться, его здоровый дух и цельная натура внушали уважение, ибо в наши дни эти качества встречаются редко. Немало есть людей, препоясанных мечом и удостоенных рыцарского звания, кои не следуют рыцарскому кодексу чести. Он принадлежал к числу тех, кому бы вы с радостью доверили охранять свою спину в бою, тех, кто, однажды подарив вам дружбу, ни при каких обстоятельствах не откажутся от нее. Я знал – пока он жив, мне не грозят голод и лишения. Ему очень нравилось слушать мои песни, и в награду, помимо своей дружбы, он дал мне новую одежду, новую сбрую для коня, небольшую котомку для моих пожитков и в качестве подарка два фунта анжуйских денег в преддверии того дня, когда мне придется отправиться в Лондон.

Как-то раз, когда мы с Артуром прогуливались вместе, наслаждаясь теплой и ясной погодой, он повел меня вдоль реки к тому месту, где были посажены ивы, и рассказал мне, как правильно срезать с них прутья и как искусно их сплетают потом работники, чтобы сделать рыболовные сети, корзины и прочие изделия. Мы вышли на открытое место, где находился пруд, на берегу которого играли дети, кучка взъерошенных, чумазных, пронзительно визжавших оборванцев. Я увидел, что двое из тех, кто постарше, навалились на маленького и лупят его, связав ему запястья веревкой, сплетенной из ивовой коры. Признаюсь, я не могу смотреть на такое: во мне сразу всплывают дурные воспоминания о тех днях, когда я служил пажем в замке монсеньора Раймона де Бодро. Надо мной насмехались мальчишки старше возрастом и так мучили меня, что я не поставил бы и медяка на жизнь против смерти. Я ринулся вперед, но Артур обогнал меня и оттащил старших детей от младшего.

Он объявил им, что в высшей степени бесчестно двоим нападать на одного, и спросил, в какую игру они играют. Один из них, с милой, жизнерадостной мордочкой, усыпанной веснушками, и с широкой, щербатой улыбкой – у него недоставало передних зубов, охотно признался, что они играли «в рыцаря и крестьянина». Тогда Артур, погладив его по голове, сказал им, что это дурная игра, поскольку рыцарю отнюдь не подобает столь жестоко обращаться с крестьянами, ведь рыцарство основано на кодексе чести, который предписывает защищать низших по званию и заботиться о слабых. Далее он поведал им о рыцарском ордене Тамплиеров, члены которого, подобно монахам, подчиняются строгой дисциплине, и о рыцарях Госпиталю св. Иоанна⁸⁹, взявших на себя попечение о больных и раненых, и подтвердил, что сам он, сколько бы ни было ему отпущено Господом лет жизни, никогда не поднимет руки на крестьянина, неважно – свободного или крепостного. Я сначала ничего не понял из их разговора, но видел, как смягчилось его лицо, когда мальчик ответил ему, и с глубоким вздохом он отпустил их, погладив по голове. Я спросил, о чем шла речь, и он объяснил мне. Я сказал: «Вы хорошо поступили, именно так, как я и ожидал, ибо немногие рыцари настолько заботятся о благополучии своих вассалов, чтобы обращать внимание даже на поведение их детей». – «Да, – согласился он, – но что мне с ними делать? Они так невежественны, и я не знаю, какую пользу при-

⁸⁹ Тамплиеры, рыцари Госпиталю Св. Иоанна – члены античных духовно-рыцарских орденов, основанных в королевствах крестоносцев; более подробно о них сказано во вступительной статье.

носит им моя забота о них. Ибо когда я закончил речь, ребенок сказал невинно: «Но, милорд, *мы* были крестьянами, а тот, которого мы били, был рыцарем».

Я смеялся над этим происшествием до тех пор, пока слезы не заструились по моим щекам, но он лишь покачал головой. Впрочем, через некоторое время он тоже начал смеяться, а затем сказал, что его несчастье в том, что он слишком серьезен, и ему даже стоит поучиться у меня легкому отношению к жизни. Я бы с радостью помог ему в этом, но прекрасно понимал, что он никогда не сможет проявить легкомыслие в том, что касается вопросов чести и долга. Да и я не хотел бы видеть его иным.

В другой раз, когда Артур занялся кое-какими делами со своим бейлифом, я отправился в лес и вышел на ту поляну, где жил отшельник, называвший себя Гавриилом. Он молился, преклонив колена, и, увидев меня, покивал головой, улыбаясь. Я сел, прислонившись к стволу дерева, и, закинув руки за голову, предался мечтам. У меня вертелись в голове строфы песен и припевы, целые стихотворные отрывки и отдельные строки, и вдруг я встрепенулся, пораженный мыслью, внезапно пришедшей мне в голову. А меня осенило: раз любовь – чувство изменчивое, неистовое и свободное, то почему любовные стихи должны быть подчинены строгой форме? Почему бы мне не сочинить гимн любви без рифмы, пренебрегая точным счетом слогов в каждой строчке, песнь столь же неистовую и свободную, какой и должна быть истинная любовь?

Я стукнул себя по лбу, дабы избавиться от этой сумасшедшей мысли. Как такое возможно? Это будут уже не стихи, а просто набор слов. Тем более, что любовь не должна быть ни неистовой, ни свободной, ибо влюбленные в своих поступках всегда следовали законам любви, установленным и закрепленным во многих песнях и трактатах, как, например, было заведено при дворе королевы Алиенор, когда она правила в Пуату, а также при дворе графини де Шампань и всех прочих. Против подобного безумства восставали и здравый смысл, и весь предшествующий опыт, как в поэзии, так и в любви, поскольку и любовь, и поэзия подчинялись определенным законам, а если бы закона не существовало, мы превратились бы в диких животных.

И все-таки я не мог избавиться от этой мысли, рассуждая, что можно установить новые законы так же, как когда-то впервые были введены размер стиха, созвучие и остальные правила. Почему мне нельзя издать собственные законы, и подобно тому, как я искал единственную женщину, которой суждено стать моей истинной любовью, я могу попытаться найти метафоры и мимолетные строки, дабы словами рассказать о ней. Как ручей, струившийся у моих ног, журчал, не зная ни о какой форме, или как птицы поют, не ведая о форме, от чистого сердца, так и я мог бы петь. И вот я сидел, выдерживая борьбу с самим собой, когда ко мне подошел отшельник, уселся рядом и спросил, что меня тревожит.

Я ответил, что ничего из того, что доступно его пониманию, и на это он заметил: «Сынок, все помыслы доступны разумению Господа, а поскольку мы, архангелы, как, впрочем, и люди, являемся частью Божьего разума, стало быть, мы способны приобщиться к его знанию, равно как каждая капля воды несет в себе ту же влагу, что и ручей».

Эта речь меня обнадежила, и я поделился с ним своими мыслями. Он сидел, согнув колени и уперевшись в них подбородком, погруженный в глубокую задумчивость. Наконец он промолвил: «Ты слышал когда-нибудь ту часть Священного Писания, которая именуется Песнь Песней Соломона?» Когда я ответил, что не слышал, он прочел мне следующие строки, зажав переносицу пальцами и закрыв глаза:

Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста;
Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих,
Одним ожерельем на шее твоей.
О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста;

О, как много ласки твои лучше вина,
И благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!
Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста;
Мед и молоко под языком твоим,
И благоухание одежды твоей
Подобно благоуханию Ливана!⁹⁰

Когда он умолк, его слова еще долго звучали в моих ушах сладчайшей музыкой, и мне показалось, что все остальные стихи умерли и как пепел развеяны по ветру.

Потом я сказал: «Неужели так сказано в Священном Писании?» «Да, так, – ответил он, – и я слышал, как многие умудренные экзегеты⁹¹ спорили о том, что являет собой Песнь Песней. Каков бы ни был источник – там много слов и все в том же духе: аллегорическое описание любви Бога к святой церкви, или же любви Господа нашего Иисуса к душе человека, или, как мне сказал один просвещенный еврей⁹², любви Бога к чистому разуму. А ты что думаешь, трувер?»

Я ответил, что недостаточно осведомлен, дабы судить о таких вещах, но поскольку он продолжал настаивать, я признал, что мне это показалось самой великой песней любви из всех, какие мне доводилось слышать. «И хотя вы, вероятно, подумаете, что я просто богохульствую, – добавил я, – все же пусть моя душа будет проклята навеки, если в песне сокрыто нечто иное, чем любовь мужчины к своей избраннице. Этот царь Соломон, – продолжал я, – наверное, был самым выдающимся трувером в мире, равным самому Гильему де Пуатье⁹³». И тогда отшельник сказал, что я не должен просить о проклятии своей души, но во всем остальном он склонен согласиться со мной.

К уже сказанному я мало что мог прибавить, ибо мои мысли пребывали в большом смятении. Потому я поднялся на ноги и собрался идти. Но прежде, чем я ушел, Гавриил сказал, что жизнь коротка и мы, возможно, больше не увидимся, и с тем пожелал мне добра. Он велел мне опуститься на колени, благословил и напутствовал так: «Ни Бога, ни хорошей поэзии не следует искать с помощью одной лишь формы. Подумай об этом, трувер». На том я расстался с ним, глубоко убежденный, что независимо от того, был он настоящим архангелом или нет, он стяжал и мудрости, и благодати вполне достаточно для смертного человека.

На другой день – на девятнадцатый день до сентябрьских календ, или по простому счету на четырнадцатый день августа – во время обеда Артуру передали известие, что накануне король Ричард ступил на английский берег, высадившись в гавани Портсмута, где его встретили с великой радостью. Там он принял от жителей города присягу на верность, а вслед за тем со всей своей свитой ускакал в Винчестер. И тогда я понял, что отшельник предвидел это событие и потому простился со мной.

Однако мне были уготованы и другие сюрпризы. Ибо когда я сказал Артуру, что настала пора мне попрощаться с ним и покинуть Хайдхерст, он ответил, что нам не придется расставаться, поскольку он решил ехать вместе со мной. Услышав это, я застыл с открытым ртом, словно меня поразил гром небесный. Он заявил довольно легкомысленно, что, познакомившись со мной, исполнился столь неодолимой жадой странствий, что не успокоится, пока не

⁹⁰ Цитата из книги «Песни песней Соломона», входящей в состав Библии (Песн. 4,11).

⁹¹ Экзегеты – толкователи античных библейских текстов.

⁹² ...как мне сказал один просвещенный еврей... – Судя по всему, речь идет о некоем приверженце гностицизма, тайных доктрин о мистическом познании Бога, определивших развитие некоторых христианских ересей.

⁹³ Гильем де Пуатье (или Гильом де Пуату) (1071 – 1127) – девятый герцог Аквитании и седьмой граф Пуату, старейший трубадур и один из самых крупных феодалов юга Франции. Принимал участие в Первом крестовом походе. Создатель песен в различных жанрах, считается патриархом куртуазной поэзии.

совершит путешествия, тем более, раз еще не видел ни Лондона, ни какого-либо иного места дальше Чичестера или Саутгемптона. Но это было еще не все. На следующее утро в замок приехала верхом леди Мод, также узнавшая новость о прибытии короля, и сказала, что теперь настало время, когда она может помочь мне, как обещала, и она не станет давать мне никаких писем и записок, но отправится со мной к Уильяму Маршалу и попросит его провести меня к королю. Слезы выступили у меня на глазах, и я возблагодарил Пречистую Деву и блаженного св. Дени за то, что они послали мне столь верных друзей.

Мы пустились в путь не сразу, поскольку обоим, Артуру и Мод, предстояло привести в порядок свои дела в замках и имениях. Тем временем до нас дошли свежие вести о том, что королева Алиенор была освобождена из долгого заточения⁹⁴ Уильямом Маршалом и встретила в Винчестере со своим сыном Ричардом, которого не видела около пятнадцати лет, и будто все, видевшие, как она обнимала его, плакали. И еще Уильям Хотерив рассказал нам, что король подтвердил обещание, данное его отцом Уильяму Маршалу, а именно выдать за него замуж леди Изабеллу де Клер, дочь эрла Страйгльского. Король сказал: «Боже правый, мой отец только обещал, а я с легкостью отдаю и даму, и земли». Свадьбу назначили на двадцать первый день августа, после чего новобрачные должны удалиться в поместье лорда Энгеррана д'Абернона в Суррее. После некоторых колебаний мы решили, что нам лучше приехать прямо туда спустя два-три дня после свадьбы, а не в Лондон и попытать счастья, понадеявшись на покровительство Маршала.

Одиннадцатый день до сентябрьских календ. В сей день мы вместе отправились в путь: Артур и его оруженосец, юноша по имени Питер из Котса, Мод, в сопровождении служанки и одного из своих домочадцев, и я. Мы ехали, распевая песни, смеясь и рассказывая забавные истории. Артур сиял от радости и счастья, точно ребенок, любой пустяк вызывал у него улыбку. Светило солнце, из придорожного кустарника доносились птичьи рулады, и приподнятое настроение не покидало нас.

Путешествуя таким образом, мы прибыли наконец в Сток д'Абернон, оставив позади деревни, названия которых немало повеселили меня: Миклхэм и Эффингхэм, Брокхэм и Фетхэм. Ибо, полагаясь на скудные познания в английском языке, я предположил, что слово «хэм»⁹⁵ должно означать нечто съедобное, и подобное изобилие «хэмов», с моей точки зрения, красноречиво свидетельствовало об аппетите англичан. Но Артур объяснил мне, что на саксонском диалекте это значит всего лишь «деревня». Мы провели ночь в городе, название которого я не запомнил, а на следующее утро отправились напрямик в замок лорда Энгеррана и там встретились с зеркалом рыцарства – благородным, доблестным и любезным Уильямом Маршалом.

Что я могу сказать об этом лорде, чье имя прогремело по всему миру и чьи подвиги сделали его образцом для подражания среди рыцарей. Приятной наружности, хотя и широковат в талии, в расцвете сил, с неспешной речью и скромными манерами, но с горделивой осанкой – таков был облик этого человека. Начав свой путь нищим рыцарем, не имевшим ни гроша за душой и добывавшим себе пропитание, выступая на турнирах, он достиг того высокого положения, которое занимал ныне, сделавшись правой рукой короля. Но тогда как многие другие в его положении преисполнились бы высокомерия и чванства, он остался таким же приветливым и внимательным, как и раньше. Он встретил леди Мод весьма и весьма радушно, обнял ее и, прежде чем она успела вымолвить хотя бы одно слово, напомнил ей об их последней встрече пять лет назад, когда она была еще двенадцатилетней девушкой, а он в то время приезжал

⁹⁴ ... королева Алиенор была освобождена из долгого заточения... – Королева участвовала в мятежах своих сыновей против отца, короля Генриха II, за что и была подвергнута им заключению.

⁹⁵ «Хэм» – английское слово «ham» означает ветчину, а также селение.

в Англию навестить свою сестру, бывшую супругой Робера де Пон-де-л'Арш. Он приветствовал всех нас и, выслушав просьбу Мод походатайствовать обо мне перед королем, сказал: «Я нахожу несправедливым, чтобы столь достойный человек, которому Ричард обязан жизнью, стоял и ждал милости в передней. Я исправлю упущение, и это доставит мне огромное удовольствие». Затем он сообщил нам, что поедет в Лондон на коронацию, которая должна состояться не позднее сентябрьских нон, хотя точный день еще пока не назначен, и что сразу после церемонии он лично представит меня Ричарду.

В тот вечер он не отпустил нас от себя, и мы пировали вместе с ним и его супругой, которая была наделена и красотой, и разумом, а кроме того, познакомились с неким рыцарем по имени Хью из Хемлинкорта, одним из старых соратников Маршала, человеком весьма доблестным, хотя и несколько туповатым. Однако он поведал нам о тех временах, когда он, Маршал и знаменитый рыцарь Бодуэн Бетюнский были товарищами по оружию, и рассказал нам множество историй об их совместных приключениях.

Мы слышали о тех днях, когда король-юноша был отдан королем Генрихом на попечение Маршала, и как они принимали участие во многих турнирах, завоевав предостаточно почестей и выкупов. По подсчетам самого Маршала, он в то время принял участие в ста двадцати турнирах, не менее.

Мы слышали рассказ о состязании между Анет и Сорель, на котором билось великое множество рыцарей из Франции, Фландрии, Шампани, Нормандии, Анжу и Англии, так что земля была сплошь усеяна сломанными копьями, и боевые кони с большим трудом могли передвигаться по ристалищу. На этот турнир Маршал и король-юноша прибыли с опозданием и увидели, что путь им преградил весьма достойный рыцарь Симон де Нофле со своими вассалами. Король-юноша было вознамерился повернуть назад, но Уильям ринулся вперед, опрокинув вооруженный заслон и расчистив себе путь. Он схватил за повод коня Симона де Нофле и галопом помчался дальше, увлекая его за собой, а вслед спешил король-юноша. Продолжая путь, они достигли места, где дождевой желоб выступал из стены дома на дорогу. Симон зацепился за него, вылетел из седла и, повиснув на желобе, остался в таком глупом положении. Однако Маршал об этом не знал и прискакал туда, где они разбили лагерь. Там он приказал оруженосцу: «Хватай этого рыцаря». – «О каком рыцаре ты говоришь?» – вскричал король-юноша, следовавший за ним по пятам. «Того, которого я веду», – ответил Маршал и, обернувшись, узрел пустое седло. Вот когда король-юноша очень повеселился.

А далее мы слышали еще из уст самого Маршала историю о том, как однажды он держал жизнь Ричарда в своих руках, что само по себе было беспримерным подвигом. Это случилось в июне, незадолго до смерти короля Генриха, когда тот воевал с королем Франции Филиппом, а его сын, граф Ричард, сражался на стороне короля Филиппа. Король Генрих укрылся в ЛеМане и там же был осажден несколькими баронами из Пуату и Франции. Часть предместий была предана огню, и, хотя англичане дрались храбро, падение города казалось неизбежным. Маршал рассказал нам о том, что, когда он убеждал короля спастись бегством, Генрих воскликнул: «Христос, я больше не почитаю Тебя, ибо Ты отнял у меня все, что я считал самым дорогим на свете, и допустил, чтобы мне нанес позорное поражение этот молокосос-предатель». И в самом деле прискорбно было видеть, с каким ожесточением сын воюет против родного отца. И они покинули город, в спешке даже не надев кольчуг. Не успели они удалиться на небольшое расстояние, как их настиг отряд всадников, и впереди всех скакал граф Ричард. Ричард был одет лишь в кожаную куртку, какие рыцари обычно носят под доспехами, и вооружен одной только булавой, не имея в руках ни копья, ни меча, – так стремительно он рванулся в погоню. Уильям повернул назад, и когда они сошлись лицом к лицу, Ричард выкрикнул: «Боже правый, Маршал, неужели ты убьешь безоружного человека?» «Пусть дьявол поразит тебя, а не я», – ответил Уильям. Пронзив копьём коня Ричарда, он развернулся и галопом умчался прочь. Таким образом он спас короля Генриха от плена.

Подперев одной рукой щеку, а другой рукой катая по столу хлебные крошки, он продолжал рассказ и поведал нам, что стыдно было смотреть, как больного и уставшего короля травили и выгнали к Шинонской бухте. Так свора гончих псов травит матерого оленя. Из-за быстрой скачки открылась старая рана Генриха, и у него поднялся жар. А потом его вынудили согласиться на переговоры с королем Филиппом. Ему пришлось принять условия, по которым он лишался своих земель в пользу Ричарда. Отдавая дань справедливости, признался Маршал, нельзя целиком винить в том Ричарда, ибо его отец весьма часто вел с ним нечестную игру и угрожал отобрать богатые провинции, коими тот владел, чтобы отдать их его младшему брату, графу Джону⁹⁶, своему любимчику. Кроме того, сказал Маршал, вовсе не это соглашение свело короля в могилу. Причина его смерти была иной. А именно: он поставил условие, что ему назовут тех, кто бросил его на произвол судьбы, дабы присоединиться к королю Филиппу. И когда огласили список, выяснилось, что первым стоит имя графа Джона.

После я спросил у Маршала, каково пришлось ему после кончины старого короля. Ведь всем известно, что Ричард не выносит, когда его выбивают из седла или наносят ему поражение в бою. Он ответил: «После того, как он взглянул на тело усопшего, которое лежало в аббатстве Фонтевро, он потребовал меня к себе и, гневно взглянув, сказал: «Маршал, недавно ты хотел убить меня, и тебе это удалось бы, когда б я не отвел рукой твое копьё». Я хорошо знаю Ричарда, и он никогда не скажет правды, если она ему не нравится, а также он любит зло подшучивать над людьми и подвергать их испытаниям, однако я не собирался мириться с этим. Я сказал: «Милорд, у меня никогда и в мыслях не было убивать вас, тем более я не пытался этого сделать. Ибо если я способен нанести точный удар копьем на турнире, я так же могу поразить цель и в бою, что вам хорошо известно. И я столь же легко мог направить удар в ваше тело, как в вашего коня. Но полагаю, что, умертвив коня, я не совершил преступления, потому нимало в том не раскаиваюсь». В ответ на мои слова он улыбнулся и промолвил: «Маршал, я прощаю тебя и зла не держу».

Легким движением пальцев Маршал смахнул крошки хлеба и заметил: «Говорю вам: несмотря на свои недостатки, он достойный король. Ибо уничтожить меня ему было бы не труднее, чем мне избавиться от этих крошек, но он великодушен и щедр, как и подобает венценосцу. И готов поручиться головой, он наверняка не забыл тебя, трувер. Только... – Тут он обратил на меня спокойный взгляд. – Остерегайтесь его капризов, ибо кровь в нем играет, словно в него бес вселился. Его настроение переменчиво, будто морской ветер. Не зря Бертран де Борн прозвал его Ричард Да-и-Нет». Эти слова Маршала я постарался запомнить.

На следующее утро мы выехали из замка, направившись в Лондон вместе с Хью Хемлинкортом, который решил составить нам компанию. У нас были рекомендательные письма с просьбой предоставить нам кров вплоть до коронации в доме Ричарда Фитц-Раньера, близкого друга Маршала.

Лондон производит впечатление большого города, хотя он не так красив, как Париж, и не может гордиться столь великим множеством прекрасных соборов. Говорят же о том, кому улыбнулась удача, что он счастлив, словно Бог во Франции. Зато в Лондоне можно увидеть в избытке торговцев, лавки и склады, где хранятся товары со всего мира. Дома в Лондоне главным образом деревянные в нижней своей части и покрыты белой штукатуркой наверху. Побелка придает дому нарядный вид. Иначе обстоит дело с узкими переулками и улицами, весьма неопрятными, которые намного грязнее, чем в Париже. От улиц, а также от белья и мехов, которые стирают в сточных канавах, исходит тяжкое зловоние. Однако я нашел, что Лондон гораздо спокойнее Парижа, в основном благодаря тому, что в этом городе меньше тех

⁹⁶ ... чтобы отдать их его младшему брату, графу Джону... – Имеется в виду брат Ричарда, будущий король Иоанн Безземельный.

драчливых школяров и бродячих клириков, которые своими силлогизмами⁹⁷, спорами, мелким жульничеством и пьянством учиняют много шума и беспорядков, так что благородному человеку довольно нелегко спокойно пройти по улице.

Хью Хемлинкорт привел нас пообедать в харчевню на пристани Сент-Ботолф. Харчевня славится каплунами, запеченными в тесте, а также мясом английского барашка, самого вкусного в мире. После обеда мы совершили прогулку вдоль реки. Ее прозрачные воды текут меж песчаных берегов, живописно поросших зеленой травой. Миновав деревушку Черинг, мы направились в сторону Вестминстера, где и находился огромный, великолепный дом Фитц-Раньера. Там, во имя дружбы с Маршалом, нам оказали теплый прием, и сам лорд Ричард Фитц-Раньер, один из заместителей Лондона, радушно встречал нас.

Второй день до сентябрьских нон. Три дня тому назад король Ричард прибыл в свою столицу, Лондон. А вчера все мы были свидетелями его коронации в Вестминстерском аббатстве, и я впервые в жизни видел обряд помазания короля.

Лорд Фитц-Раньер провел нас в собор, и мы стояли у колонны, томясь ожиданием в огромной толпе народа, когда в храм вступила процессия. Возглавляли шествие два благородных барона – они несли шапку, которую, согласно обычаю, выносят перед английским королем на коронации, и золотые шпоры. Далее следовал Уильям Лонгсуорд, побочный сын короля Генриха, ныне носивший титул эрла Солсбери, с жезлом, увенчанным фигуркой золотого голубя, символом Святого Духа, и с ним – Уильям Маршал с короной эрлов Пембрука на голове, державший скипетр с Крестом Господним. Вслед за ними выступали три наизнатнейших лорда с тремя мечами королевства и еще двенадцать других несли королевское облачение в огромном сундуке, а за ними – эрл Эссекса с короной Англии. Затем появился сам граф Ричард, шествовавший под шелковым балдахином, который бароны удерживали над ним на четырех пиках. По правую и по левую руку шествовали епископы.

Он держался с королевским достоинством, своим обликом внушая уважение и страх, на полголовы выше всех, кто его окружал. Широко шагая, так что священники вынуждены были поторапливаться, чтобы не отстать от него, он казался воплощением силы и могущества, и я всем сердцем полюбил его и был готов полностью вручить свою судьбу в руки такого достойного сеньора.

Он воссел на низенькое кресло перед тронем, помещавшимся в неф⁹⁸. Затем прошла церемония избрания его клиром⁹⁹ и народом, как того требует старинный английский обычай. Собор был пропитан сладковатым запахом курившегося ладана и наполнен сиянием богато украшенных одежд и золотых шапок, сверкавших в свете пламени восковых свечей. Я подумал, что никогда прежде мне не доводилось видеть столь великолепного зрелища. Ричард принес клятву поддерживать святую церковь и заботиться о благе своего народа. А затем, когда были вознесены подобающие молитвы, он скрылся за занавесом, где снял свою одежду и был облачен в рубаху. Архиепископ Кентерберийский помазал его голову, плечи и грудь святым елеем¹⁰⁰ и обвязал ему голову платом, также окропленным елеем. Его обрядили в красивую тунику и далматику¹⁰¹, золоченые сандалии и вручили меч и шпоры, символы его королевского и рыцарского достоинства¹⁰². После этого он приблизился к главному престолу, и я увидел,

⁹⁷ Силлогизм – вид логического рассуждения. Пример: «Все люди смертны. Петр – человек, значит, он смертен».

⁹⁸ Неф – внутреннее продольное помещение храма, ограниченное с одной или обеих сторон рядом колонн или столбов.

⁹⁹ Клир – духовенство.

¹⁰⁰ Елей – ароматическое масло, применяемое в христианской церкви для помазания в качестве церковного благословения.

¹⁰¹ Далматика – верхняя узкая одежда с рукавами длиной до колен; появилась в Риме в эпоху поздней империи; в Византии стала парадной одеждой из парчи. При коронации европейских монархов использовалась как знак императорского достоинства.

¹⁰² ...символы его королевского и рыцарского достоинства. – Туника, далматика, сандалии – императорские атрибуты, заимствованные из Рима меч и шпоры – явная принадлежность рыцаря.

как он взял корону и передал ее в руки архиепископа Кентерберийского. Я не знаю, на всех ли коронациях так делают, но, разумеется, этот жест мне показался совершенно естественным для человека, каким был Ричард.

Вслед за тем Балдуин, архиепископ, провозгласил, что во имя Господа он не должен осмеливаться надевать эту корону, если не собирается в точности следовать принесенным клятвам, и Ричард ответил, что с Божьей помощью он сдержит слово. Ему возложили корону на голову, вручили скипетры и повели к трону под торжественно звучащие слова *Te Deum*¹⁰³. Вот так граф Ричард стал королем Англии.

Сентябрьские ноны.

На следующий день после коронации Маршал представил меня королю.

Ричард собрал двор в большом зале Старого дворца в Вестминстере. Он восседал на кресле из слоновой кости прекрасной работы – ручки и ножки были искусно вырезаны в форме голов и ног вепря. Дальняя часть зала за его креслом была скрыта занавесями густо-малинового цвета, и на этом фоне хорошо выделялись роскошные одежды лордов, золотые цепи, украшавшие их грудь, и драгоценности. Однако Ричард, увенчанный короной Англии поверх плата, пропитанного елеем, который он до сих пор носил и должен был носить еще в течение семи дней, а к тому же облаченный в пурпурный костюм, расшитый золотом, затмевал всех. Его голова слегка вздрагивала – последствие однажды перенесенной малярии, но эта дрожь, которая явилась бы признаком слабости в другом человеке, придавала ему не по летам суровый и величественный вид.

Он поздоровался с Маршалом и окинул меня внимательным взглядом, не узнавая. Маршал сказал:

– Милорд, вот этот человек испрашивал свидания с вами. – И, взяв у меня кольцо, некогда подаренное Ричардом, подал его королю.

– Нет, – сказал Ричард, – я его не знаю.

– Милорд, – сказал я, – это ваше кольцо, которое вы дали мне, когда я спас вам жизнь у стен Шатору. Вы велели мне прийти к вам за своей наградой, когда в ваших землях наступит мир.

Король, надев перстень на палец, пристально рассматривал его. Я не сумел подавить вздоха, ибо у меня отняли и кольцо, и обещание и я понимал, что будущее не сулит мне выгоды.

Потом король промолвил:

– Припоминаю, будто я кое-что обещал одному труверу, если он сочинит для меня хорошую песнь.

– Милорд, я сложил песнь и спою ее, – ответил я. Он задумался.

– Как я узнаю, что это твоя песнь? Вокруг много жонглеров, которые исполняют песни, и кто скажет, чьи они? Если ты и в самом деле трувер...

– Клянусь Крестом Господним, я – Дени де Куртбарб, тот самый, кому вы дали это кольцо, – воскликнул я.

– Кольцо? – быстро и резко переспросил Ричард. – Какое кольцо? Я не видел никакого кольца.

Я бросил отчаянный взгляд на него и окружавших его лордов, но не увидел ничего, кроме лиц, выражавших холодное внимание. Что касается Маршала, он смотрел на меня так, будто не мог решить, с кем ему пришлось иметь дело, с сумасшедшим или обманщиком.

– Если ты действительно трувер, – вновь заговорил Ричард, – ты сочинишь мне новую песнь за установленный срок. Скажем, начиная с этой минуты и до тех пор, пока я не отправ-

¹⁰³ *TeDeum* – Тебе, Господи (лат.).

люсь обедать. Причем не перемолвившись словом ни с единым человеком, ибо будешь заперт один в комнате. Ты сочинишь, а потом споешь мне, когда я сяду за стол. И я дам тебе тему. Ты принимаешь условия?

Мне ничего не оставалось, как только согласиться. Тогда Ричард сказал, что я должен сочинить сирвенту, в которой два противоположных начала должны объединиться в одно гармоничное целое. Меня препроводили в комнату на верхнем этаже замка и заперли там. Мне дали арфу, поскольку я не захватил свою, булку, немного сыра и вина. И теперь мне следовало постараться изо всех сил, ибо я хорошо понимал, что, если я не смогу выступить с хорошей песней, которая понравится королю, меня вышвырнут из дворца, избьют, или... я не потеряю ничего, кроме своей головы. Я принялся за дело, и к заходу солнца работа была завершена. Теперь многие знают наизусть песнь, которую я написал. Сирвента начинается так:

Мила мне радость вешних дней,
И свежих листьев, и цветов,
И в зелени густых ветвей
Звучанье чистых голосов, —
Там птиц ютится стая.
Милей – глазами по лугам
Считать шатры и здесь и там
И, схватки ожидая,
Скользить по рыцарским рядам
И по оседланным коням.
Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтоб пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Вот, под немолчный стук мечей
О сталь щитов и шишаков,
Бег обезумевших коней
По трупам павших седоков!
А стычка удалая
Вассалов!
Любо их мечам
Гулять по грудям, по плечам,
Удары раздавая!
Здесь гибель ходит по пятам,
Но лучше смерть, чем стыд и срам.
Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!» —
И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь! К нам!»
Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая,
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...

и т. д.

Я пропел ее целиком пять или шесть раз, пока как следует не запомнил и напев, и слова. И вовремя, ибо появился слуга, чтобы проводить меня вниз, в зал, где были накрыты столы и благородное общество уже расселось по своим местам за нижним столом и на возвышении. Я приблизился к пировавшим на подмостках и прислонил арфу к бедру. Король сделал знак герольду¹⁰⁴, стоявшему по его правую руку, и тот, подняв свой жезл, провозгласил:

– Высокородные лорды, бароны, рыцари, король желает, чтобы вы слушали.

И тогда заговорил король:

– Пусть чужестранец отойдет в сторону на мгновение, ибо только что в мои владения прибыл замечательный и прославленный трувер Арнаут Даниэль, который просит позволения исполнить песнь, которую он сочинил, чтобы доставить мне удовольствие.

И тотчас из-за нижнего стола поднялся человек, почитаемый одним из лучших среди поэтов, тот самый, кто изобрел секстину¹⁰⁵, самый просвещенный и приятный из тех людей, чье имя мне было известно не хуже моего собственного. Я никогда прежде не видел его, и мое любопытство было огромным. Он был высок ростом, но слабого телосложения, изможденный, с большими задумчивыми глазами, как у старого грустного оленя. Он взял арфу, инкрустированную кусочками драгоценного янтаря, и начал настраивать инструмент с помощью ключа, тогда как я стоял и с шутовским видом глазел на него, тревожно раздумывая, как я буду выступать со своей убогой песней после этого принца трубадуров. Арнаут улыбнулся мне, поклонился королю и запел чистым, высоким голосом:

Мила мне радость вешних дней,
И свежих листьев, и цветов,
И в зелени густых ветвей
Звучанье чистых голосов...

И так далее, повторив до самого конца мою песнь, слово в слово, ноту в ноту.

Я почувствовал, что схожу с ума. У меня потемнело в глазах, а когда я вновь обрел зрение, то прежде всего увидел, что король смеется. Громкие раскаты смеха загремели у меня в ушах. Все это собрание лордов, рыцарей, оруженосцев и дам смеялось и хлопало в ладоши.

Но я не испытывал ничего, кроме гнева. Я заскрежетал зубами и, взглянув прямо в глаза Арнауту Даниэлю, сказал:

– Это моя песнь, и вы украли ее, не знаю как, но с помощью подлого обмана.

И сказав так, я повернулся, чтобы уйти из зала. Но за мной поспешил герольд и, схватив меня за руку, заставил вернуться. Он подвел меня вплотную к королю, и король, у которого от смеха на глаза навернулись слезы, обнял меня и поцеловал в обе щеки.

– Мой бедный Дени, – молвил он, – ты выстрадал довольно от этой шутки. Правда, Арнаут спрятался по моему приказанию в соседней комнате и подслушивал, как ты заучивал свою песнь, пока сам ее не запомнил. Так он стянул ее у тебя, и ты не должен испытывать стыда за то, что впервые ее исполнил столь великий мастер.

¹⁰⁴ Герольд – в средние века глашатай, церемониймейстер при дворах королей и крупных феодалов, распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах и т.п.

¹⁰⁵ Секстина – стихотворная форма, изобретенная трубадурами: 6 строф по 6 стихов.

– И клянусь душой, – сказал Арнаут, приблизившись и взяв меня за руку, – это превосходная песнь, и единственное мое желание состоит в том, чтобы я мог и на самом деле сочинить такую же. Простите меня, сэра Дени, за этот обман.

– У него не было выбора, – фыркнул Ричард. – Все участвовали в розыгрыше, даже мой славный Маршал, который сначала возражал, но в конце концов тоже присоединился к шутке.

Я лишился дара речи. Я посмотрел на короля и, вспомнив слова Маршала, подумал про себя, что это довольно жалкий способ подшутить над поэтом и глупо и жестоко обращаться таким образом со мной.

Ричард положил тяжелую руку мне на плечо и объявил:

– Милорды, теперь я готов сообщить вам, что этот человек действительно спас мне жизнь, когда я подвергся большой опасности, рискуя своей собственной. И он принял мой вызов и сочинил песнь с таким искусством, что мало найдется ему равных.

И сняв с себя цепь из мягкого золота с широкими звеньями, каждое из которых было инкрустировано рубином или тигровым глазом, Ричард надел ее мне на шею.

– Ты останешься у меня, и я вознагражу тебя по заслугам, – сказал он. – Иди, садись и пируй с нами. И я желаю, чтобы ты стал членом моей свиты. Тебе нравится это, трувер?

Я пребывал в страшном смятении, потрясенный как его искренней похвалой и щедростью, так и злобным юмором, и потому не знал, как относиться к нему.

Но я отвесил низкий поклон и промолвил только:

– Большое спасибо, милорд.

* * *

«И потому не знал, как относиться к нему...» Этой мысли суждено было стать лейтмотивом тех дней, которые последовали за этим происшествием. Ибо Ричард был человеком полным противоречий, действовавшим под влиянием минутных порывов, что порой оказывались всего-навсего капризами. Он внезапно бросался из крайности в крайность. Он стал королем Англии; он наконец занял место своего отца, с которым в прошлом так часто ссорился и столь же часто мирился, которого люто ненавидел и которому униженно покорялся. И тем не менее он теперь прилагал все усилия, чтобы покинуть Англию, как только это станет возможным. Он был весьма сведущ в военной науке, и, казалось, ему нравились ратные забавы. Искусство стратега, проявленное им на поле брани и во время осады городов, стяжало ему славу, однако он избегал турниров, и хотя его соратники, прибывшие из Франции, ждали, что он устроит по меньшей мере один турнир, дабы отпраздновать свою коронацию, надежды их были напрасными. Его правление началось под знаком милостивой снисходительности, с какой он прежде отнесся к Уильяму Маршалу, а затем распространил на всех, кто отказался покинуть короля Генриха в последней войне. С другой стороны, когда три лорда, перешедшие на сторону Ричарда и лишённые королем своих владений, обратились потом к Ричарду с просьбой восстановить справедливость, он сыграл с ними жестокую шутку. Он вернул им земли, а затем, удовлетворив просителей, вновь отнял у них собственность, холодно заметив: «Такова награда предателям».

Каждый монарх подвержен воздействию многих ветров, благоприятных и неблагоприятных. Что касается Ричарда, беда заключалась в том, что никогда нельзя было предугадать заранее, в какую сторону и под влиянием какого ветра он повернет в тот или иной день. Так, по одну его руку стоял честный и благородный Уильям Маршал, а по другую – Уильям Лонгчеп, канцлер Ричарда, во всем полная противоположность Маршала. Сын виллана¹⁰⁶, карликового роста, хромой, злобный и коварный человек, о котором говорили, что он с одинаковым

¹⁰⁶ Виллан – здесь, видимо, свободный крестьянин.

проворством владеет обеими руками, стараясь урвать кусок пожирнее, и с помощью дьявола способен перемещаться с места на место с быстротой молнии. Среди тех, кто имел влияние на Ричарда, был также его брат Джон Лекленд, странный и эгоцентричный юноша. Тот, хотя был любимцем отца, оказался первым среди мятежников. Казалось, не было таких почестей, которыми Ричард не почтил бы его, но никто не ведал, питает ли он к кому-нибудь привязанность, кроме самого себя. Но гораздо настойчивее всех прочих ветров дул мистраль¹⁰⁷ королевы юга, матери Ричарда, Алиенор Аквитанской.

С самого начала, со дня прибытия Ричарда в Англию, ее власть над сыном была очевидной. Именно она требовала и добилась освобождения всех, кто претерпел заключение по приказу старого короля. Когда Ричард покидал Винчестер, ему доложили о набеге на пограничные земли Уэльса, и он тотчас же свернул с дороги, готовый охотно отказаться от путешествия к месту коронации в угоду военной стычке. И разубедить его не удалось никому другому, кроме как Алиенор, которая живо вернула его на дорогу к Лондону.

Хорошо ли, плохо ли, но она своими руками прядя нить его жизни и в конечном итоге его судьбу. Ричард всегда был самым любимым из всех ее детей. Он обладал огромной силой духа, был самым щедрым, самым образованным и, возможно, самым умным. Исключительного обаяния, коим обладал Генрих-младший, явно недоставало, чтобы искупить его ужасающую природную глупость. Джоффри был хитер и эгоистичен. Джон походил на отца, был энергичный и самовлюбленный; но сила воли старого Генриха в нем выродилась в обычное высокомерие, а умение управлять государственными делами – в прямое вероломство. В супружеской распре с Генрихом Алиенор сделала сыновей своими союзниками. Молодой Генрих и Джоффри уже умерли, а сама она была наказана пятнадцатилетним заключением в темнице за то, что побудила их к мятежу. Она сделала для Ричарда все, что было в ее силах, и наконец он сел на трон отца.

Некогда она любила Генриха глубоко и страстно. Но она была знатного рода и не собиралась вести тихую, бедную событиями жизнь, оставшись простым украшением короля. Совместно с Генрихом она строила различные планы и пыталась плести интриги на свой страх и риск. Через несколько лет король отстранил ее от политики, считая, что она лезет не в свое дело, и оставался глух ко всем ее предложениям. Алиенор была просвещенной женщиной с тонким вкусом, тогда как у Генриха не хватало времени на излишества вроде поэзии или искусства. Ей нравились пышность и изящество, а Генрих был человеком действия, из тех, кто занимается делами и даже ест в большинстве случаев стоя. Он вел простой образ жизни, был упрямым и невоспитанным грубияном.

Возможно, нашелся бы способ преодолеть это различие натур, если бы Генрих не распутничал, как воробей. И что еще хуже, он, пренебрегая приличиями, даже не скрывал свои многочисленные любовные похождения. Его незаконнорожденные сыновья занимали высокое положение, а его связь с Розамунд Клиффорд, длившаяся десять лет, породила много сплетен. Алиенор не была ханжой, но подобно большинству мыслящих женщин она обладала природной гордостью. И она возненавидела Генриха так же страстно, как прежде любила. Плантагенет растоптал ее мечты, третируя грубыми выходками. И она передала сыновьям по наследству свое отношение к нему: осуждение и презрение к отцу, смешанные с преданностью, как феодалской, так и сыновней. Однако была еще одна загвоздка. Ричарду не дано было наслаждаться чувственной любовью с женщинами, что, казалось, было бы вполне естественным для такого шумного, властного, полного жизни мужчины. Он любил мужчин. Для Алиенор это не имело никакого значения, коль скоро он смирился с необходимостью жениться и родить наследника трона. Тем не менее это вызвало ропот среди клириков, которые ходили вокруг, бормоча о «содомском грехе», а также ставило в неловкое положение кое-кого из его друзей, которым

¹⁰⁷ Мистраль – название сильного и холодного северо-западного ветра на юге Франции.

приходилось одновременно отвергать авансы с его стороны и опровергать слухи, что они эти авансы приняли.

Все эти противоречия делали Ричарда весьма трудным патроном. Дени с самого начала пришлось столкнуться с некоторой двусмысленностью в их отношениях, как бы предвосхищавшей возможное повторение неприятного инцидента, случившегося в первый день, когда он был и оскорблен, и вознагражден.

Настала пора расставаться с Артуром и Мод. Дени провел с ними последние часы, прощаясь и принимая от них поздравления. Артур, близоруко щурясь, обнял его и сказал:

– Для вас всегда найдется место в Хайдхерсте. Если по какой-либо причине у вас не пойдут дела при дворе, приезжайте ко мне. Обещаете?

– Обещаю, – с улыбкой ответил Дени.

Мод расцеловала его в обе щеки на прощание и сказала:

– Теперь, когда вы обрели свое место подле короля, вы забудете нас, скромных провинциалов.

– Леди, я всем обязан вашей доброте, – возразил Дени. – Неужели вы считаете меня неблагодарным? Я вернусь в Сассекс, как только Ричард позволит мне.

– И вас встретят с радостью, – прошептала Мод.

– Есть кое-что, о чем я пока не могу говорить, – продолжал он. – Но если мне повезет, возможно, я спрошу вас об одной вещи...

Ее шея и щеки стали пунцовыми.

– Я непременно вам отвечу, – промолвила она. Он кивнул головой и сказал:

– Итак, я пошлю вам песню, чтобы напомнить о себе.

– Нам это не нужно, – решительно запротестовал Артур. – О, прошу прощения, я совсем не то имел в виду, Дени. Я хотел сказать, что мы не забудем вас и без ваших напоминаний. Удачи вам, и да хранит вас Господь.

На том они и расстались, и Дени перевез свои немногочисленные пожитки в Вестминстер, где ему отвели уголок в дальней части Старого дворца. В тот вечер король подозвал его к верхнему столу и попросил спеть для всего общества. После того, как он исполнил просьбу и был вознагражден громкими аплодисментами, Ричард отпустил всех, приказав Дени остаться. Они ушли в ту часть зала, где были возведены подмости, задрапированную роскошными малиновыми занавесями. Ричард, отбросив мантию, упал в кресло и вытянул свои длинные ноги.

– Ну, Дени, – сказал он, – будем друзьями, давай познакомимся поближе. Расскажи мне о себе.

– Что же, милорд... – начал Дени.

– О, пожалуйста, никаких титулов между нами, – прервал его Ричард. – Ты не принадлежишь к числу моих высокородных вассалов, ты – поэт. Только с такими людьми, как ты и Арнаут Даниэль, Пейре Видаль и так далее, я могу чувствовать себя воистину свободно. Ты не знаешь, что за тяжкое бремя – быть королем! Если бы я только мог остаться графом де Пуату, если бы я мог содержать двор в Пуатье, как мой прадед, окружив себя труверами и музыкантами... Тебе известно, что я сочинил несколько песен? – спросил он довольно застенчиво, покусывая кончик усов. Его голова слегка покачивалась, от чего создавалось впечатление, будто он умоляет Дени сказать «да».

– Нет, я не знал, – ответил Дени.

– Пожалуйста, называй меня Блондел¹⁰⁸, – попросил Ричард. – Под этим именем я писал стихи. Ты знаком с Пейре Видалем?

¹⁰⁸ Блондел – легендарный оруженосец Ричарда Львиное Сердце, поэт и певец; автор романа придерживается версии, что под его именем, занимаясь на досуге стихосложением, скрывался сам Ричард.

– Да, ми... Блондел, я был его учеником и благодаря ему впервые узнал тайны поэтического искусства.

– Он чудесный человек, не правда ли? Безумен, как мартовский заяц¹⁰⁹, конечно. Ты помнишь, как он обыкновенно носил с собой повсюду огромный шатер и заявлял, что ему его подарил король Арагона в знак уважения к его крови? Он говорил, что каждая встретившаяся ему женщина без памяти влюбляется в него и что ему приходится пробиваться сквозь толпу охваченных безумным желанием девиц, едва он высунет нос на улицу.

– Да, помню, однажды... – начал Дени.

– Как-то раз он прибежал, – с веселым смехом перебил Ричард, – тяжело дыша, весь исцарапанный, громко жалуясь, что не успел он пропеть всего две строчки из новой песни, как тотчас одна за другой все женщины, находившиеся в пределах слышимости, попытались его поймать и затащить в постель. Это случилось, когда я жил при дворе моей матери в Пуату. И, как мне помнится, Мария де Шампань потребовала, чтобы он спел для нее песнь целиком, дабы проверить, сможет ли она противостоять его чарам.

– И как же он вышел из положения? – полюбопытствовал Дени, которого весьма позабыла история. Досадовать на то, что король перебивает его, он не посмел.

– Ох уж этот мошенник! Он поступил умно: начал петь и притворился, что лишился голоса. Он сказал, что охрип, пока звал на помощь. После этого моя мать велела выставить его за дверь, ибо, сказала она, он лжец и хвастун, и, кроме того, всякий мужчина, который зовет на помощь, когда женщина пытается его поцеловать, в высшей степени неучтив, а посему она не может его выносить. Подойди и сядь рядом со мной.

Дени исполнил приказ, и Ричард дотронулся до его руки.

– Не хочешь ли послушать одну из моих песен? Но если я спою ее тебе, ты скажешь мне, что ты думаешь, с полным откровением, как если бы я был одним из твоих приятелей?

– Конечно, Блондел. Я всегда честен с другими труверами.

– Хорошо, я назову тебя *Райнер*, как раньше называл Пейре.

– «Прежде Поклявшийся»? – Дени вскинул брови.

– Он тоже обещал сказать мне правду о моих песнях. Когда я пел ему, он притворялся, что лишается чувств от удовольствия, которое слишком велико, чтобы его можно было вынести, а после говорил, будто он слишком обессилен и слаб, чтобы высказывать какое-либо суждение. Он был ужасным лжецом. Ты давно с ним виделся?

– Давно, Блондел.

– Никогда не лги мне. Терпеть не могу лжецов.

Он откинулся назад в кресле, и в этой расслабленной позе напоминал громадную кошку, прирученную лишь отчасти; его глаза были полуприкрыты тяжелыми веками, одной рукой он перебирал свою короткую бороду, и сквозь золотисто-рыжие пряди поблескивало золотое кольцо.

– Мой отец тоже лгал мне. Видишь ли, он учил меня, что ложь является частью науки, которой необходимо овладеть королю. Ты когда-нибудь встречался с ним?

¹⁰⁹ ...мартовский заяц – персонаж английского фольклора, вроде мартовского кота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.